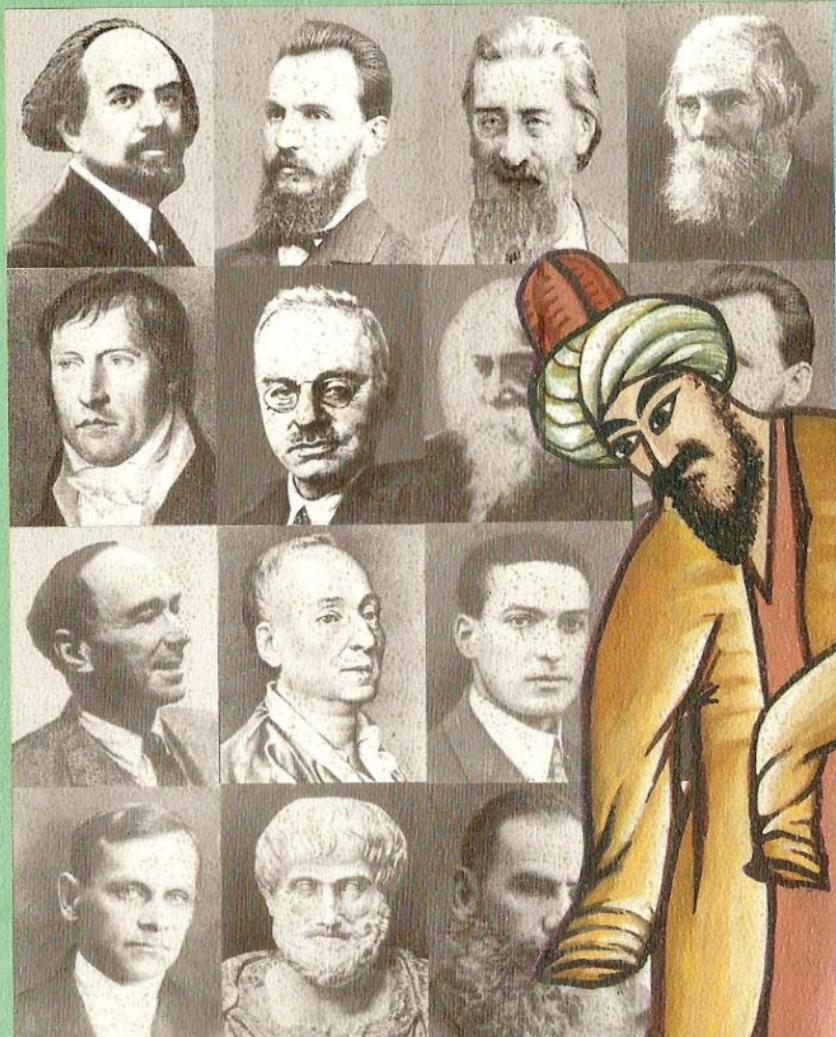

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ
РУМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Никандров Н.Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

Семашкин А.А.

Шадриков В.Д.

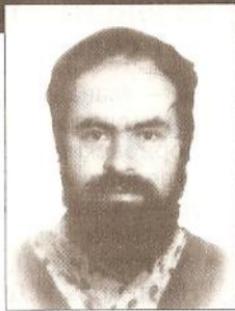
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА

СОСТАВИТЕЛЬ

**Милославский
Георгий
Васильевич**
Профессор,
исламовед,
г. Москва

АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ
И КОММЕНТАРИЕВ

**Щедровицкий
Дмитрий
Владимирович**
Теолог-бibleист,
г. Москва

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

**Хаткевич
Марк
Иванович**
Учитель,
старший научный
сотрудник,
г. Переславль-
Залесский

**АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ**

РУМИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА

УДК 24
ББК 86.34
Р12

«Федеральная программа
книгоиздания России»

P12 **Джалаладдин Руми и суфийская традиция.** — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. — с. 224 (Антология гуманной педагогики).
ISBN 5—89147—029—2

Очередной том «Антологии гуманной педагогики» знакомит читателя с духовно-нравственным и педагогическим мировоззрением суфизма — учения, в течение многих веков лежавшего в основе творческих поисков и достижений величайших поэтов и мыслителей мусульманского Востока: Руми, Саади, Хафиза, Насими, Джами, Ал-Газали и многих других. Материал для сборника отобран и прокомментирован Д.В.Щедровицким. Вступительная статья написана Г.В.Милославским. Связать содержание книги с современными проблемами образования и воспитания, помочь педагогу и студенту вникнуть в содержание текстов, имеющих непреходящую общечеловеческую ценность, призваны комментарии первого читателя — директора организации Детский центр «Развитие в игре» (г. Переславль-Залесский) М.И.Хаткевича.

Джалаладдин Руми и суфийская мудрость

Что есть истина? Каков путь, ведущий к ее постижению? Это, пожалуй, извечные вопросы, которые ставили и на которые искали ответы во все времена, во всех уголках земли, где обитают представители рода человеческого. Над ними размышляли последователи разных религий, философы и ученые, мистики и исследователи. И, несмотря на различия в видении, ощущении и понимании окружающего мира, многие, будь то христиане, мусульмане, буддисты или носители иного образа мыслей, приходили к тому, что Истина все же одна, но ведут к ней разные пути. Кому-то из мыслителей удавалось приблизиться к Ней ближе других, соприкоснуться с сокрытым от человека смыслом мироздания, приоткрыв покрывало величественной тайны бытия.

Одним из тех, чей жизненный путь был путем к постижению Истины и кто оставил сотни учеников в последующих поколениях, идущих по пути, которым шел он сам, — был замечательный поэт, мистик, мыслитель и великий учитель Джалаладдин Руми, которому посвящена эта книга. Близким путемшли и его предшественники и современники — мусульманские мистики-суфии: Ал-Джунайд, Ал-Бистами, Аттар, Санаи¹ и многие другие, и суфии, жившие много позже: Хафиз, Джами, Фансури²... О них также пойдет речь в этой книге, ибо без понимания суфийского пути к Истине невозможно полностью осмыслить и творческое наследие Руми.

В Евангелии от Иоанна апостол Фома спрашивает Иисуса: «Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» И Иисус отвечает: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 16, 6). В Коране говорится: «Истина — от Господа твоего, так не будь же в числе сомневающихся» (Коран 2, 142). И далее: «Аллах — Истина» (Коран 22, 6), и: «О люди! К вам явилась истина от Господа вашего. Кто идет прямым путем — идет на пользу себе, а тот, кто сошел с этого пути, сошел во вред себе» (Коран 10, 10).

Знаменитому суфию Мансуру Ал-Халладжу принадлежит известное изречение: «Я — Истина». Комментируя его, Руми писал: «Когда кто-либо говорит: „Я — слуга Божий”, то этим он утверждает, что существуют двое: он сам и вне его Бог... Когда же он говорит: „Я есмь Бог” — это значит, что нет у него собственного „я”, оно исчезло. Есть Он и Он... ничего не существует, кроме Бога».

Поэт, мыслитель, мистик

Аттар был душою, а Санай его очами. Я иду по стопам Санай и Аттара.

Руми

Творчество выдающегося мыслителя средневековья Джалаладдина Руми популярно на Востоке не менее, чем творчество Пушкина в России или Гете в Европе. Его афоризмы и отдельные поэтические строки давно уже стали на Востоке «крылатыми изречениями», вошедшими в живую разговорную речь. Произведения Руми «сыграли в персидской словесности такую же роль, какую в русской — „Горе от ума“ А. С. Грибоедова», — пишет исследователь творчества Руми О. Ф. Акимушкин³.

Но для мусульманского Востока Руми далеко не только замечательный поэт и мыслитель. Он прежде всего великий Учитель — суфий, последователь мистического направления в исламе и создатель собственной школы мусульманского мистицизма.

Суфийское философское и литературное наследие занимает чрезвычайно важное место в культуре мусульманского Востока. Не случайно в мусульманских странах и по сей день люди самых разных профессий и социального статуса знают наизусть стихи и притчи замечательных суфииев средневековья, среди которых имя Руми занимает одно из первых мест.

Само суфийское учение, прежде всего то его направление, которое развивал Руми, непосредственным образом связано с темой гуманной педагогики. В основе поэтических и философских произведений Руми лежат две основные концепции, сформулированные суфиями — его предшественниками. Первая — идея «единства бытия», согласно которой божественное начало существует во всех проявлениях материального мира, в том числе и в самом человеке. Возвышая человека над другими созданиями природы, суфии разработали и концепцию «совершенного человека», которая предполагает, что путь к достижению высшего совершенства, путь к Истине лежит через духовное и моральное самоочищение.

Суфийский путь самосовершенствования подразумевает, в частности, особую систему взаимоотношений «учитель — ученик», которая детально разрабатывалась различными суфийскими братствами. Этим вопросам уделял большое внимание и Руми.

Что же представляет собой «суфийский путь»? Не ответив на этот вопрос, мы не сможем понять и сути творчества Руми, не увидим той сокровенной мудрости, которая заложена в его поэтическом наследии. Каждая строка великого мыслителя имеет несколько уровней восприятия. Прежде всего это поразительно красавая внешняя стихотворная форма, по-разному передаваемая в различных переводах. Далее — сюжет и внешняя смысловая форма, доступные для прочтения вне зависимости от особенностей литературного перевода. И, наконец, скрытый смысл, лежащий за завесой сложной суфийской символики. Именно ради этих «скрытых смыслов» и написаны стихотворные произведения Руми. Но приоткроет завесу лишь соприкосновение с суфийской наукой и суфийской традицией.

Суфизм

Особое место в исламе занимает суфизм — мусульманский мистицизм, мистический путь познания Бога.

Как и во многих религиях, мистико-аскетические настроения в исламе появились почти одновременно с его возникновением. Сторонники аскетизма, отказа от земных благ были уже среди сподвижников основателя ислама пророка Мухаммада⁴, то есть в середине VII века. Однако суфизм как самостоятельное течение в исламе начал формироваться позднее: в конце VIII — начале IX века.

Раннемусульманские аскеты жили в бедности, носили простую одежду — власянигу, сделанную из шерсти; отсюда и название суфий — «носящий власяницу» (от арабского «сүф» — «шерсть»). Однако есть и другие трактовки происхождения термина «суфий». Европейские исследователи XIX столетия возводили его к греческому «софия» — «мудрость», подчеркивая таким образом связь суфизма с древнегреческой философией. Многие суфийские авторы связывают происхождение термина с арабским корнем «сафв» — «быть чистым» (от этого же корня происходят арабские слова «проявлять искренность», «любить друг друга», «безмятежное спокойствие»). В современной науке общепринятой считается первая трактовка. Она, видимо, и соответствует средневековому пониманию слова «суфий», поскольку еще до возникновения ислама так называли на Ближнем Востоке (в Северной Аравии, Сирии) странствующих христианских монахов и анахоретов — отшельников, удалившимся в пустыню и придававшихся посту, молитвам и размышлениям.

Аскеты раннего ислама, уединяясь от людей, предавались созерцанию, постоянным молитвам и «умерщвлению плоти», считая, что это путь, угодный Богу и ведущий к Нему. Позднее индивидуальная аскетическая практика познания Бога слилась воедино со сложными философскими построениями, возник специфический суфийский ритуал.

Возникновение суфизма. Первые мистики в исламе

По мнению большинства исследователей суфизма, истоки его, вероятно, имеют определенную связь с ближневосточным христианством. Как мы уже отмечали, термин «суфи» в доисламский период в Сирии и Северной Аравии обозначал христианских монахов, а предшественники собственно суфииев, аскеты-подвижники из числа первых последователей ислама, часто (если не в большинстве) были новообращенными мусульманами из бывших христианских монахов. Некоторое время жил среди монахов-христиан, например, один из сподвижников Мухаммада Салман Ал-Фариси⁵, пользующийся особой популярностью у суфийских авторов. Видимо, в первые века ислама это было достаточно естественным, в особенности если вспомнить, что первоначально в ходе

арабских завоеваний VII–VIII вв. христиане Ближнего Востока нередко воспринимали мусульман как последователей одного из христианских еретических течений.

Культ бедности и удаления от всего мирского, строгое следование предписаниям священной книги мусульман Корана и преданиям о жизни и высказываниях пророка Мухаммада (хадисам), многочисленные молитвы сверх обязательных для каждого мусульманина пяти ежедневных молитв, длительные посты — таков был жизненный кодекс ранних суфииев. Однако, в отличие от богословов, суфии уделяли первостепенное внимание человеку, его духовному миру, тончайшим оттенкам внутренних переживаний на пути познания Бога и стремления к Нему. Суфиям «присущ глубокий анализ мельчайших движений души человека, скрытых мотивов его поступков, внимание к личному переживанию и внутреннему осознанию религиозных истин», — пишет российский исследователь А. Д. Кныш⁶.

С конца VIII — начала IX века суфизм постепенно обретает сторонников в городах Арабского халифата среди богословов, собирателей преданий о жизни Пророка, знатоков Корана. Первым городским центром суфизма становится Басра на юге Ирака. Здесь впервые среди суфииев формулируется идея безграничной любви к Богу и стремления соединиться с Ним, ставшая впоследствии стержнем всего мусульманского мистицизма.

Басра уже в первые века ислама стала средоточием интеллектуальной жизни. Во многом этому способствовала деятельность Хасана Ал-Басри (642–728 гг.) — крупнейшего богослова раннего ислама, большую часть жизни проведшего в этом городе и оставившего многочисленных учеников и последователей, среди которых были и аскеты, внесшие заметный вклад в формирование идеологии раннего суфизма. Глубокие знания в области богословия сочетались у Хасана Ал-Басри с интересом к человеческой психологии; он, в частности, разработал учение о «сердцах и помыслах» и «человеческих намерениях», оказавшее влияние на развитие суфийской науки. Именно в Басре сложилась самостоятельная суфийская школа, в рамках которой разрабатывались суфийская теория и практика. Вслед за басрийской возникли суфийские школы в Багдаде и Хорасане (северо-восточный Иран).

На протяжении IX столетия были разработаны важнейшие теоретические положения суфизма — основы «суфийской науки», касавшиеся, прежде всего, внутренних духовных переживаний подвижника. Вся духовная жизнь суфия-мистика — это путь (по-арабски ат-тарик) сближения с Божеством, на котором постепенно происходит очищение от зол и соблазнов мирского бытия. Постоянное самосовершенствование позволяет суфию продвигаться по мистическому пути, переходя от более низких ступеней — «стоянок» (арабск. макам) к более высоким.

Абу Наср ас-Сарадж ат-Туси — автор одного из ранних сводных трудов о суфизме, выдержки из которого приводятся ниже, называл семь «стоянок»: раскаяние, богобоязненность, воздержание, бедность, терпение, удовлетворенность, упование на Бога.

Только неукоснительное выполнение всех требований суфийской науки и правил поведения аскета позволяют ему продвигаться от одной «стоянки» к другой.

Если более высокие «стоянки» достигаются суфием путем его личных усилий, то «состояния» (арабск. хал), посещающие его на пути к Богу, возникают вне его воли, а по воле Всевышнего. Ат-Туси называет десять «состояний»: самоконтроль (наблюдение за состояниями), близость (к Богу), любовь, страх, надежда, страсть, дружество (приязнь), успокоение, уверенность, созерцание (свидетельство).

Другие суфийские авторы давали несколько иной набор «стоянок» и «состояний»; все, однако, склонялись к тому, что пока суфий находится на «пути к Богу», состояния его неустойчивы и могут трактоваться по-разному, достигнув же цели на каждой данной ступени — «стоянке», он обретает стабильность, укрепляется в своем положении.

Другой важной сферой «суфийской науки» было учение о намерениях: они непременно должны быть искренни и бескорыстны, что достигается постоянным самонаблюдением и самоконтролем. Ат-Туси посвящает этому отдельную главу, приведенную ниже.

Как и в других мистических учениях, в суфизме сложилось представление о тайных знаниях, скрытых от обычного, рядового верующего и доступных лишь мистику, следующему по суфийскому пути. В отличие от богословов различных школ, суфии понимали священную книгу мусульман Коран как основной источник «тайного знания», аллегорически толкая его тексты и «извлекая» из них «скрытый смысл», доступный лишь посвященным. Отметим, забегая несколько вперед, что и литературные произведения поэтов-суфьев написаны с самым широким использованием специальной символики и аллегорий, которые могут быть поняты лишь человеком, знакомым с суфийской системой образов; одновременно с этим большое внимание уделялось символическому значению цифр и букв арабского алфавита, которым пользовались представители всех мусульманских народов — арабы, персы, тюрки, мадайцы и другие.

Двойной смысл в Коране — внешний и внутренний — видел и Джалаладдин Руми. Он писал в этой связи:

Знай, что буква Корана — его внешность,
а за внешностью скрывается внутреннее,
а за этим внутренним — третье,
которое поражает разум.
Не смотри на внешность Корана,
ибо внешность Корана —
это как бы человеческое тело,
внутри которого заключена душа.

Но «душу Корана», по мнению Руми, может увидеть далеко не каждый:

...Если ты в Коране не увидишь ничего кроме сказки,
то чему удивляться — таков удел несведущих.

Поиск скрытого смысла в Коране нередко приводил к тому, что суфийская трактовка отдельных текстов оказывалась прямо противопо-

ложной их буквальному содержанию. Такое толкование встречается, например, у выдающегося суфия-философа Ибн Ал-Араби, отрывки из произведений которого читатель также найдет ниже. Сторонники традиционного прочтения Корана, не допускающего аллегорических толкований, яростно выступали против поисков «скрытого смысла» в священной книге, что нередко пагубно сказывалось на судьбе тех или иных суфииев.

Еще большие возражения мусульман-ортодоксов вызывало утверждение мистиков о том, что конечная ступень на пути к Богу — это не только Его лицезрение, но и полное слияние с Ним мистика. Бесконечную любовь к Богу, принятие страданий на пути к Нему и, наконец, полное слияние с Ним проповедовал знаменитый Хусейн ибн Мансур Ал-Халладж (ок. 858–922 гг.), произнесший в ходе одной из проповедей фразу, вошедшую в историю ислама: «Я — Истина». Для правоверных мусульман это равнозначно утверждению «Я — Бог» (по-арабски — ана ал-хакк), поскольку в арабском языке слово «истина» с определенным артиклем (ал-хакк) является синонимом слова Аллах, т.е. Бог. Эти слова стоили жизни Ал-Халладжу: обвиненный во всех возможных грехах и преступлениях против ислама, он был предан суду и казнен. Та же участь постигла и целый ряд его открытых приверженцев. Ал-Халладжа не поддержали даже многие суфии, расценившие его проповеди как разглашение «тайных истин» за пределами круга посвященных. Так постепенно в суфизме сформировались два направления: радикальное (сторонники Ал-Халладжа, пытавшиеся вести открытую проповедь суфийских истин и считавшие, что путь к Богу идет через страдания) и умеренное, последователи которого предпочитали говорить открыто лишь в узком кругу избранных, а писать — используя символы и аллегории.

Однако не всем мистикам — сторонникам крайних воззрений была уготована судьба Ал-Халладжа. Прославленный персидский суфий Байазид Ал-Бистами (умер в 875 г.), получивший впоследствии прозвание «опьяненного суфия», проповедовал своим многочисленным ученикам экстатическое опьянение любовью к Богу, которое может вести к полному исчезновению собственного «я» и слиянию с Богом; личность, по его мнению, растворяется в Боге, приобретая на времена Его атрибуты. Он обозначал такое состояние термином «фана» (арабск. небытие, исчезновение), ставшим затем одним из ключевых терминов суфийской науки.

Учение о том, что скрытый смысл священного Корана, так же как и тайны бытия вообще, доступны пониманию лишь избранных, не только наделенных особыми свойствами, но и прошедшиими длительную и нелегкую подготовку, породило уже в раннем суфизме его специфическую структуру.

Стремившиеся освоить мистическую практику суфииев, став учениками — мюридами, начинали ее непременно под руководством духовного наставника, учителя — шейха (иногда употребляются синонимы: муршид, пир). Шейх, иногда на многие годы, становился непрекаемым авторитетом для своих последователей, которые находились в его полном подчинении. Со временем наиболее известных учителей стали называть святыми, хотя официальный ислам и отвергает кульп святых и поклонение им; в народной традиции им приписывали совершение все-

возможных чудес, нередко перенося на того или иного суфия сюжеты из доисламской мифологии, либо, на периферии мусульманского мира, из других религиозных верований. Могилы шейхов, становясь местами поклонения, также считались обладающими чудесными свойствами — исцеления от недугов и т. д.

По окончании учебы мюрид получал от наставника как внешние атрибуты суфия — одежду-рубище, так и духовные — соответствующие скропенные знания и «божественную благодать» (барака). Поскольку в разных суфийских центрах складывались различные традиции мистического пути, то постепенно формировались и самостоятельные генеалогические цепочки духовной преемственности от учителя к ученикам — силсила («цепь»). Силсила обеспечивали непрерывную передачу «божественной благодати», так как шейхи возводили духовную генеалогию к наиболее известным суфиям раннего ислама, а через них — к ближайшим сподвижникам пророка Мухаммада, которые получили «божественную благодать» от него самого.

Ученники, собиравшиеся у наиболее известных шейхов из разных концов мусульманского мира — от Западной Африки до Китая и Индонезии, возвращались на родину и там создавали собственные кружки или даже целые обители (ханака или завии). Так суфизм начал быстро распространяться по самым отдаленным от региона его возникновения странам. Для многих стран именно суфии были основными распространителями ислама (например, среди тюркского населения Центральной Азии).

Суфийский ритуал

Сегодня — радение, радение, радение!
Свет — сверкание, сверкание, сверкание!
Любовь — сияние, сияние, сияние!
С разумом — прощание, прощание, прощание!

Руми

Основная ритуальная особенность суфизма — это так называемые радения: многократное поминание имени Аллаха (зикр) по специальной формуле, сочетаемое с определенными телодвижениями. Главная цель зикра — приближение к Богу путем достижения состояния экстаза; некоторые суфии практикуют при этом специальные танцы, музыкальное сопровождение, как, например, в братстве маулавия, основанном последователями Руми.

Предписание многократного поминания имени Аллаха содержится во многих местах Корана. Суфии особо выделяют стих священной книги, в котором говорится: «О вы, которые уверовали! Поминайте Аллаха многократно» (Коран, 33, 41).

Интересно отметить, что практика зикра в исламе возникла почти в то же время, что и практика исихазма в христианстве. Сторонники это-

го христианского течения также практиковали обращение к Богу в форме многократного повторения специальной краткой формулы.

Сделаем здесь небольшое отступление от основной темы, поскольку весьма любопытные параллели возникают при сопоставлении истоков мистической практики в православии и исламе. Мистическая практика в православии берет начало в так называемом старчестве, зародившемся в начале IV в. среди христианских монахов Египта. Основным методом достижения состояния озарения в этой общине было многократное повторение имени Иисуса, сопровождаемое специальной регуляцией дыхания. Познание Бога, по мнению старцев, возможно через мистическую любовь к Нему. С X в. старчество перемещается на Афон, а вскоре на Русь. В период, предшествовавший Реформации в Европе, последователи старчества выступили ярыми противниками римско-католической церкви, выдвинув лозунг: «Лучше чалма, чем тиара».

Значительное влияние не только на православное богословие, но и на «российской менталитет» оказал исихазм — мистический путь. Основные идеи исихазма были сформулированы в Византии Григорием Паламой и Николаем Кавасией, а мистическая практика разработана монахами на Афоне. На Руси последователями учения были прежде всего Нил Сорский и Сергий Радонежский, оказавшие огромное влияние не только на современников, но и на русскую духовную культуру последующих столетий. Причем важно отметить, что знакомство с исихазмом Нила Сорского произошло во время его пребывания на Ближнем Востоке.

Параллели между православием и исламом отнюдь не случайны. В исламе, так же как и в православии, существует особое значение слова: мистическая практика основана не на образном «богомыслии», а на Имени Бога, произносимом в молитве⁷. В католичестве же, напротив, в мистическом пути — усилие чувственно представить и пережить духовное (*exercitia spiritualia* Игната Лойолы, например). «Православная мистика — чужда чувственности и отличается трезвостью. Ей остается чужд кульп adorationis св. даров вне причащения, который развивается в католичестве, так же как и кульп сердца Иисусова, сердца Богоматери, пяти ран и под.»⁸.

Таким образом, зикр в основе своей — далеко не «экзотика чужой веры»: и в исламе, и в христианстве (и православии в особенности) мистическая практика имеет общие корни.

Различные суфийские братства применяют разные формы зикра: индивидуальный или коллективный, тихий или произносимый громким голосом, в сопровождении музыки и так далее.

Весьма примечателен ритуал братства маулавия, основанного Руми. Последователи Руми считали, что наилучшая форма очищения души (в сердце человека таится частица Абсолютной души) — это специальный танец, сопровождаемый музыкой. Кроме того, музыка сама по себе помогает полнее раскрыть любовь суфия к Богу. Каждую пятницу дервиши маулавия совершают коллективное радение — закр, которое сопровождается и торжественным танцевальным ритуалом. Отсюда европейское название братства — «братьство вертящихся дервишей».

Танцуют дервиши под звуки особой флейты с семью отверстиями и небольшого барабана или бубна (тамбурина).

К особенностям ритуала относится и обряд приема в братство новых мюридов. На общем торжественном собрании маулавия вступающий в дервиши принимал пищу из общего котла, затем совершал ритуальное омовение и давал обет. Затем глава братства сообщал ему на ухо формулу и тайный смысл зикра маулавия, после чего мюрид получал особую одежду ордена: белый конусообразный колпак из войлока, длинную белую рубаху без рукавов, жилет, широкий пояс и черную накидку. Непременный атрибут дервиша маулавия — четки из 99 зерен с двумя овальными разделительными звеньями.

Мюрид принимался в братство первоначально на тысячу дней, в течение которых проходил испытательный срок. Каждые сорок дней ему поручали новую работу — как правило, наиболее тяжелую в обители. На 1001-й день мюрида принимали в полноправные члены братства. Он жил в обители, отлучаясь только на работу: все члены братства обязаны были зарабатывать на пропитание только своим трудом; жснатые мюриды жили в своих семьях, дважды в неделю ночуя в обители. В отличие от некоторых других дервишеских братств, членам маулавия категорически запрещено нищенствовать.

Суфийская наука и суфийский путь

Для тех, кто к совершенству путь прошел,
Неведение знанием бывает.
А знанье, что невежда приобрел,
В невежестве его изобличает.

Руми

К концу XI — началу XII века суфизм уже приобрел многочисленных последователей в различных странах мусульманского мира. Образованные суфии и разделявшие их взгляды мусульманские богословы к этому времени сформулировали основные положения «суфийской науки» — теории мистического пути познания Бога. Первоначально теорию разрабатывали в Басре, Багдаде и Хорасане, где сложились суфийские школы. Позднее центрами суфийской мысли становятся и другие районы мусульманского мира.

Кроме дальнейшего совершенствования учений о «стоянках» и «состояниях», передачи «божественной благодати» разрабатывались и сложные философские построения, сыгравшие важную роль в дальнейшем развитии не только суфизма, но и мусульманской мысли вообще. Это прежде всего концепции «единства бытия» и «совершенного человека».

Обе концепции теснейшим образом связаны прежде всего с именем одного из известнейших теоретиков суфизма — Ибн Ал-Араби (1165–1240 гг.). «Величайший учитель», как его называли последователи, был человеком широко образованным, знакомым как с мусульман-

скими науками, так и с философским наследием античности, христианскими и другими учениями. Не случайно второе его прозвище — «сын Платона». Ибн Ал-Араби родился и вырос в мусульманской Испании, затем отправился в странствия по Северной Африке и Ближнему Востоку. Несколько лет он провел в Малой Азии, жил и в городе Конья незадолго до того, как туда переселилась семья Руми. В Конье он оставил многочисленных учеников и последователей. Ибн Ал-Араби оставил обширное наследие, которое стало основой философских воззрений многих поколений мусульманских мыслителей. Образцы его творчества читатель найдет в настоящей антологии.

В центре концепции о «единстве бытия» стоит представление об абстрактном Абсолюте, стремящемся к самопознанию через различные объекты вселенной. Абсолют проявляется в предметах и явлениях этого мира, может получать черты и атрибуты Божества и становиться таким образом объектом поклонения людей. Абсолют — единственная реальность, а окружающий человека мир — лишь отражение и проявления Абсолюта. Все во вселенной, таким образом, теряет всякий смысл, не будучи соотнесенным со своим источником — Абсолютом.

По мнению Ибн Ал-Араби, люди по-разному воспринимают и понимают Абсолют, поскольку обладают различной мерой готовности к этому восприятию. Те, кто идет по пути познания Бога разумом, воспринимают те или иные его проявления, причем каждый из них считает, что именно он видит истинное проявление. Отсюда — бесконечные богословские споры и разногласия. Познать же истинную Божественную сущность возможно лишь сердцем, а не разумом, что доступно немногим.

«Совершенный человек» — это творение Абсолюта, наблюдая за которым он познает и самого себя как бы со стороны. Это, по мнению Ибн Ал-Араби, связующее звено между духовной и материальной сущностью Абсолюта; он — причина и одновременно цель творения. Однако большинство людей не достигает уровня «совершенного человека», пребывая в «животном состоянии». Образец «совершенного человека» — пророк Мухаммад, а также истинные суфии, связанные с ним «божественной благодатью».

Теоретическая часть «суфийской науки», разрабатывавшаяся выдающимися умами мусульманского Средневековья, носила элитарный характер и стала в полной мере достоянием весьма узкого круга интеллектуальной элиты. Вместе с тем суфийская практика получила широкое распространение в самых различных слоях населения. Теория, созданная суфиями-учеными, стала тем стержнем, вокруг которого формировался суфизм массовый, вобравший в себя разнообразные представления и традиции народного ислама, порой уходящие корнями в доисламские верования и мифологию.

В средние века идеи, практика и организационные основы суфизма тесно переплелись с цеховыми объединениями ремесленников, которые нередко составляли ядро формирующегося братства суфииев. Так было и в среде последователей Руми, ядро которых составила организация ремесленников ахи.

Суфийские братства

Знай, что от собственного счастья убегает тот,
кто наставника в сем мире сторонится.
Ремесло добычи пиши ты освоил,
так освой теперь все тонкости науки веры!

Руми

С XI–XII вв. широкое распространение получили суфийские братства (тарика, тарикат), существующие и поныне. Первоначально термин «тарика» подразумевал лишь метод, практику познания Истины. Небольшие группы мюридов, получавших духовный опыт под руководством наставников, постепенно стали образовывать обители — ханака (завия, в Северной Африке — рибат) с постоянным составом учеников, представлявшие собой своеобразные сообщества, в каждом из которых формировались собственные приемы мистической практики, особенности взаимоотношений между учителем и учениками, внешняя атрибутика, ритуалы посвящения, регламентация повседневного образа жизни и так далее.

Первые ханака возникли в восточных областях арабского халифата — в Иране и Средней Азии. Прообразом ханака послужили монастыри манихеев⁹, широко распространенные в этих регионах. К XIII в. — времени жизни Руми, ханака распространились по всему мусульманскому миру, приобретая специфические черты в различных его регионах. Так, в Северной Африке это были хорошо укрепленные обители, способные при необходимости становиться грозными военными крепостями (рибат — отсюда и североафриканское название их обитателей — марабуты). Во многих регионах суфийские обители выполняли функции и странноприимных домов, принимавших путников — их называли завии. В таких завиях останавливался замечательный русский путешественник Афанасий Никитин в XV столетии. Там, где преобладало тюркское население, сформировался также самостоятельный тип суфийских обителей — текке. Со временем, по мере распространения культа святых, текке, так же как и другие суфийские обители, стали сооружаться в местах захоронения наиболее известных учителей-суфисов.

По мере превращения ханака в суфийские центры и сосредоточения именно в них суфийской науки, термином тарика стали обозначать не только мистический путь вообще, но и систему обучения этому пути, практиковавшуюся в обителях.

К XIII столетию определились специфические суфийские школы в различных частях мусульманского мира, каждая из которых имела собственную традицию, специфику в сфере теории и мистической практики. Последователи этих школ составляли в большинстве случаев так называемые братства или ордена, сами же суфии называли их также словом тарика.

Таким образом, ко времени Джалаладдина Руми под тарика понимали и сам суфийский путь, и систему обучения суфийской науке и практике, и братства, в которые объединялись суфии.

В мусульманской традиции считается, что в XII–XIV веках сложились 12 основных, так называемых «материнских» братств, которые дали начало всем последующим многочисленным суфийским тарика. К числу «материнских» относят и братство маулавия, основанное Джалаладдином Руми.

Многие братства имеют организацию, близкую в некоторых чертах христианскому монашеству. Каждое братство возглавляет наставник — шейх, обучающий мистической практике учеников — мюридов. Братства различаются между собой методами религиозной практики, внешней атрибутикой, организацией. Если первоначально братства формировались вокруг конкретных обитателей, то со временем последователи того или иного тарика, пройдя полный курс обучения у шейха и получив от него «божественную благодать» — барака, возвращались к себе на родину или селились в какой-либо другой мусульманской стране, создавая собственный суфийский кружок или самостоятельную школу.

Значительную роль в суфийских братствах играет «духовная генеалогия» — силсила. Шейх — учитель — возводит свою силсила к основателю братства и, через него, — к одному из сподвижников пророка Мухаммада, который получил от него дарованное Аллахом сокровенное знание и бараку. Передавая бараку ученикам, учитель, таким образом, посвящает их в тайные знания.

Как отмечалось выше, если в раннем суфизме учитель был лишь духовным наставником и передатчиком «божественной благодати», то со временем все шейхи в цепочке силсила стали восприниматься как святые. В этой связи и отношения «учитель — ученик» дополнились (а в некоторых братствах заместились) отношением «святой — послушник».

Различия между отдельными братствами весьма значительны. В целом наиболее характерные черты, характеризующие облик того или иного тарика, можно свести к набору специфических особенностей. К ним относятся:

- 1) подчинение шейху как единственному учителю, носителю святости и божественной благодати;
- 2) единая организационная структура всех территориальных подразделений братства, основанная на особой иерархии и системе подчинения низших звеньев высшим;
- 3) деление членов братства на полноправных и «ассоциированных»;
- 4) существование специального обряда посвящения, состоящего, как правило, из нескольких этапов;
- 5) внутренний устав, регулирующий не только повседневное поведение, но и особенности собственно религиозной практики, специальных психофизических упражнений и т. д.;
- 6) особый ритуал коллективных радений, сопровождаемый иногда специальной музыкой, танцами и т. д.;
- 7) особый культ святых, почитаемых в данном братстве;
- 8) существование «духовной генеалогии», «звеня» которой между шейхом и основателем братства не могут повторяться в других тарика.

Некоторые суфийские братства сыграли важную роль в истории мусульманских народов. Братство накшбандия, например, долгие годы

имело огромное влияние в политической жизни Средней Азии, а в XIX в. одно из его ответвлений стало знаменем освободительной борьбы кавказских горцев под предводительством имама Шамиля. Последователи некоторых братств иногда превращались в хорошо организованную военную силу, чему в значительной мере способствовали система строго подчинения мюридов шейху, жесткая иерархическая структура.

Структура многих братств тесно переплелась с особенностями социальной организации тех или иных мусульманских народов, прежде всего с родо-племенными и клановыми структурами. Нередко тот или иной клан, род или иное подразделение имеют собственного патрона — суфия, считающегося святым, покровителем, а реальным духовным главой и высшим авторитетом становится шейх, связанный со святым-патроном цепочкой силы.

Важно отметить также, что суфизм оказал значительное влияние на культуру мусульманских народов, творчество многих выдающихся мыслителей, писателей, поэтов. Произведения поэтов-суфииев Саади, Джами, Руми, Хафиза и многих других вошли в золотой фонд мировой литературы.

Путь Джалаладдина Руми

Я — птица, свободная, вырвавшаяся из клетки,
Я — туча, полная дождя,
Я — небо, рассыпающее жемчуг,
Я земным жаждущим дарую воду жизни.

Руми

Его настоящее имя — Джалаладдин Мухаммад Балхи, что означает Джалаладдин, сын Мухаммада из города Балха (в Афганистане), где родился будущий поэт. Псевдоним Руми указывает на то, что он большую часть жизни прожил в Руме — современной Малой Азии (ныне территория Турции). В Афганистане его считают афганским суфием, в Турции — турецким (в Малой Азии возникло и формировалось основванное Руми братство), но чаще всего его именуют персидским поэтом, поскольку его произведения написаны именно на персидском языке.

К его имени обычно прибавляют уважительную форму обращения «маулави» — «ученейший», или «маулана» — «наш учитель». В восточной литературе, посвященной суфизму, чаще всего можно встретить его имя в форме маулана Джалаладдин. И действительно, своим учителем его признают десятки поколений мусульман.

Итак, будущий Учитель Руми родился в 1207 году — незадолго до вторжения Чингисхана в Центральную Азию. Его отец, известный мусульманский богослов, правовед, популярный проповедник и суфий Баха ад-дин Мухаммад Ал-Балхи, вскоре после рождения сына покинул родину и переселился с семьей в Малую Азию, в город Конью, где стал

руководителем главного учебного заведения города — медресе. В это время Конья была столицей процветавшего султаната, в учебные заведения города стекались студенты из различных стран мусульманского мира.

Мотивом переезда послужили скорее всего опасения за свою безопасность, поскольку Баха ад-дин в своих проповедях резко осуждал местного правителя Хорезмшаха Ала ад-дина.

Еще на пути в Малую Азию семья Руми на некоторое время остановилась в иранском городе Нишапуре, где они встретили знаменитого поэта-суфия Аттара. Аттар, как гласит предание, благословил маленько-го Джалаладдина и передал ему суфийскую бараку. Аттар подарил также Джалаладдину свою поэму «Книга тайн». Согласно легенде, Аттар, провожая семью Руми, сказал: «Этот мальчик зажжет для мира огонь божественного восторга».

Первым учителем Джалаладдина был его отец, которого он, однако, уже вскоре превзошел своими знаниями. Но, в отличие от отца, его влекло не столько мусульманское богословие, сколько «суфийская наука» и практика. Несколько лет он пополнял свои знания в крупнейших учебных заведениях того времени в Дамаске и Халебе, а вернувшись в Конью, возглавил главное медресе, сменив на этом почетном посту своего отца, читал там лекции, произносил проповеди в мечети, собирая многочисленных слушателей.

В этот период Руми увлекали прежде всего религиозные искания. Он писал тексты проповедей, часть которых впоследствии составили отдельную книгу, готовился написать собственный комментарий к Корану. Поэзия же не привлекала его. В этой связи в одной из бесед с учениками он говорил: «Когда друзья приходили ко мне, я в страхе, что они могут помешать мне, творил и читал стихи, дабы этим увлечь их. А иначе для чего мне нужна была бы поэзия? Клянусь Аллахом, я никогда не питал к поэзии никакой склонности, и в моих глазах нет худшего занятия, чем она. Но сейчас она стала обязанностью, возложенной на меня свыше»¹⁰.

Резким поворотом в жизни Руми стало знакомство с Шамс ад-дином Табризи — странствующим дервишем, появившимся в Конье в 1244 году. Он оказал огромное влияние на мировоззрение и всю последующую жизнь Джалаладдина Руми.

Руми признал Шамс ад-дина своим учителем и наставником, увидев в нем «совершенного человека», достигшего высшей ступени суфийского совершенства. Обращаясь к нему, Руми писал:

О ты, мой предводитель, о ты, мой последователь,
Ты, моя боль, и ты, мой исцелитель,
Я заявляю во всеуслышание: ты — мой Шамс (т. е. мое солнце),
ты — мой господин¹¹.

Шамс ад-дин приобрел огромный авторитет не только у Руми, но и среди местных суфииев, прежде всего ремесленников из общины ахи, которые впоследствии составили ядро братства маулавия, основанного Руми. Растворенное влияние дервиша вызывало все большее недовольство наиболее фанатичной части мусульманского духовенства. Тесная дружба Руми с Шамс ад-дином породила нескрываемую зависть и у некоторых

его учеников. Дервиши начали открыто преследовать. Сын Руми Султан Велед приводит слова Шамс ад-дина:

Когда Шамс ад-дин узнал,
Что те опять горели от злобы...
Он сказал: «Вот видишь, опять
Они, несчастные, затеяли заговор,
Чтобы меня от нашего господина [Руми],
Подобно которому нет предводителя и ученого,
Отлучили бы и удалили бы,
А потом все вместе ликовали бы.
Но на этот раз я уйду так,
Чтобы никто не знал, где я буду находиться»¹².

И Шамс ад-дин таинственно исчез. Многие считали, что недоброжелатели убили его.

Руми был безутешен, потеряв навсегда учителя и друга. Именно с этого момента он полностью отдается суфизму и поэзии. Стихи, написанные в этот период, Руми стал подписывать именем Шамс ад-дин, утверждая, что исчезнувший друг и учитель теперь находится в нем самом, живет в его душе и говорит его языком. Вскоре он отправляется в Сирию в надежде найти Шамс ал-дина. Там он также произносил проповеди, общался с суфиями, среди которых приобрел множество последователей. Султан Велед так описывал это путешествие отца:

Он отправился в Дамаск,
Не зная, что ждет его в пути,
И когда он прибыл в Дамаск,
Люди были воспламенены
Огнем его любви.

Всех он зажег, всех он очаровал,
И все обезумели от его состояния,
Все стали его последователями, все стали его рабами,
И, как тень, всюду сопровождали его¹³.

Вернувшись в Конью, Руми вновь начинает преподавать в медресе, сочетая лекции по традиционным мусульманским наукам с суфийской практикой. К этому времени его ученики, жившие в Конье, уже составляли самостоятельное суфийское братство, основателем и вдохновителем которого был сам маулави Джалаладдин. По его имени-титулу оно и получило впоследствии свое название — маулавия.

В 1249 году, вскоре после возвращения из Сирии, Руми объявил, что Шамс ад-дин Табризи вернулся в Конью в образе ученика золотых дел мастера Салах ад-дина Фаридуна Заркуба, которого он назначил своим заместителем в руководстве братства.

После исчезновения Шамс ад-дина все более ярко стали проявляться многогранные творческие способности Джалаладдина. Все чаще он обращается к музыке как средству выражения своих душевых переживаний. Его любимым инструментом была свирель. Именно свирели посвящены строки пролога к его собранию двустиший «Маснави».

Именно свирель стала музыкальным инструментом, звуки которого сопровождали коллективные радения в братстве маулавия.

Мюриды в сопровождении свирели распевали стихи Руми, написанные специально для этой цели. Позднее к пению добавился и танец, символизировавший щетные поиски пропавшего Шамс ад-дина. Позднее преемники Руми создали на основе радений, проводившихся маулавой, целые театрализованные представления, в которых все происходило по канонизированному сценарию: музыка, движения танца, тексты песнопений.

В 1258 году Джалаладдина постигло новое горе — умер Заркуб.

Опустилось солнце,
но поднялась луна,
и ее тоже закрыли облака,
.....
но взошла звезда.

Под взошедшей звездой Руми подразумевал Хусам ад-дина Хасана Челеби, ставшего его другом и помощником. Хусам ад-дин занял пост заместителя главы братства, а позднее, еще при жизни Руми, — и возглавил его.

Хусам ад-дин стал вдохновителем создания знаменитого мистического поэтического сборника «Маснави». Он обратился к Учителю с просьбой от имени всех учеников написать в стихах все то, что он говорил на занятиях и во время бесед. Долгое время он везде сопровождал Руми, записывая все новые и новые двустишия. Затем Хусам ад-дин читал записанное поэту, а тот корректировал и оттачивал стихи. Так рождалось одно из основных поэтических произведений Руми, которому было отдано около 12 лет его жизни. «Маснави» состоит из шести частей, включающих более 25 тысяч двустиший — бейтов. Еще около 30 тысяч бейтов составляют другое поэтическое собрание «Диван-и Шамс» («Собрание стихов Шамса»). В основном это стихи, написанные для радений. Существуют также три прозаических произведения Руми. Это «Письма», «Наставления» (сборник проповедей, написанных рифмованной прозой) и высказывания Руми, собранные его сыном под названием «В нем то, что в нем». Последнее произведение в значительной мере является комментарием к «Маснави».

Большинство произведений Руми записаны и собраны его учениками или Султан Веледом. Рукой самого Руми были написаны только «Письма» и первые 18 двустиший «Маснави».

Вершиной творчества Руми считают «Маснави» — стихотворную энциклопедию суфизма, которая, по мнению самого автора, раскрывает сокровенный, тайный смысл Корана. Именно поэтому в европейских изданиях ее обычно называют «Поэмой о скрытом смысле», а суфии — Кораном на персидском языке. Излагая те или иные суфийские истины, Руми нередко комментирует строки Корана или предания о пророке Мухаммаде — хадисы. В «Маснави» Коран цитируется 760 раз, а хадисы — 745. В большинстве случаев притчи, вошедшие в «Маснави», скомпонованы по общей схеме: суфийский постулат — его подтверждение текстами из Корана или хадисом — притча-иллюстрация — заключение.

чительный вывод-наставление. Такая схема одновременно и обеспечивала доходчивость в объяснении морально-этических и мистических постулатов, и давала возможность раскрыть «тайный смысл» Корана, не прибегая к прямому комментированию Священной книги.

Если для персоязычного читателя-мусульманина «Маснави» и другие произведения Руми вполне понятны во всей их смысловой многогранности, то ознакомление с его стихами в переводах на другие языки встречает немало сложностей. Уже многочисленные цитаты из Корана и хадисов достаточно сложны для понимания читателем-немусульманином: во-первых, потому, что вне контекста (хорошо известного любому мусульманину) нередко теряется и общая идея; во-вторых, существующие русские переводы достаточно сложны для понимания в силу особенностей Священной книги. Дополнительные препятствия таит и стихотворный перевод, в котором, как правило, сохраняется лишь основная мысль той или иной притчи. Кроме того, важно иметь ввиду, что все мусульманские имена собственные арабского происхождения (а таких большинство) имеют свой перевод; так, имя Шамс ад-дин переводится как «солнце религии» — и, таким образом, строка Руми «ты мой Шамс» может быть понята и как «ты мое солнце», тем более, что в арабской графике отсутствуют прописные буквы. Наконец, наибольшую трудность для адекватного понимания текстов Руми представляет суфийская символика, пронизывающая все его произведения. Практически каждый образ, персонаж, сюжет несут двойную смысловую нагрузку: заложенную непосредственно в самом сюжете и таящуюся за покровом символического значения. Например, сюжет плывущей лодки или корабля — это символ мистического пути (тарика), широко используемый во всей суфийской литературе.

Современный суфийский автор Идрис Шах так пишет о «Маснави»: «Для суфия, а может быть и для любого другого человека, эта книга является голосом из другого измерения, которое в определенном смысле находится в самых глубоких тайниках сознания человека»¹⁴.

Жизненный путь великого Учителя завершился в Конье 17 декабря 1273 года. Он похоронен рядом со своим отцом в мавзолее, ставшим объектом поклонения суфииев маулавия.

Великий учитель

Сии слова — это лестница, ведущая в небеса.
Всякий, кто по ней пойдет, достигнет высот.
Руми

Руми не создал собственной оригинальной концепции суфийского пути, которая бы принципиально отличалась от взглядов его предшественников. Однако его глубокая и разносторонняя образованность в сочетании с искренней верой и творческим даром позволили аккумулировать и собрать воедино идеи многих суфииев, живших ранее.

Руми был хорошо знаком с трудами Ибн Ал-Араби, прежде всего с его концепцией «единства бытия», возможно, встречался с ним и слушал его лекции в Дамаске. Хорошо известны ему были и произведения других мусульманских мистиков, а также поэтов и ученых, на которых он неоднократно ссылается. Известны ему были и античные авторы.

В основе мировоззрения Руми лежит представление о Боге как непостижимом и непознаваемом Абсолюте. Его невозможно познать разумом, но божественные проявления мистик может ощущать благодаря интуиции и беспредельной высшей любви к Богу. В прозаическом сочинении Руми «В нем то, что в нем» говорится: «Разум есть то, что постоянно действует на пути божественного откровения, хотя божественная Истина непостижима, недоступна никакому разуму»¹⁵.

Человек, согласно Руми, как божественное творение, в своей индивидуальной душе имеет частичку Абсолютной (Мировой) души. Именно поэтому людям свойственен постоянный поиск Истины, стремление соединиться с Абсолютной душой, с Божеством, как часть стремится соединиться с целым.

О те, кто взыскиует Бога!
Нет нужды искать его,
Бог — это вы!

— писал Руми.

Эти мысли сближают его с представителями раннего суфизма — Ал-Джунайдом, Ал-Бистами и другими.

Важное место в мировоззрении Руми занимала концепция «совершенного человека»: в его понимании это мистик, достигший высшего совершенства на пути познания Истины.

Руми предпочитал не принимать участия в богословских спорах представителей различных течений в исламе, считая такие споры лишенными основания. «Я одинаково солидарен со всеми религиозными течениями», — говорил он. И, более того, он постоянно подчеркивал равенство перед Богом последователей разных религий: «У каждого пророка — своя особая вера, но перед Богом они все равны»¹⁶.

Исходя из формулы «Бог — в самом человеке», Руми переосмысливал многие положения и предписания ортодоксального ислама, хотя и не отрицал необходимость выполнения верующими основных обязанностей, предписанных Кораном. Поиск скрытого смысла в Священной книге также наложил отпечаток на отношение Руми к Корану. «Не вся божественная наука содержится в Коране, — писал он. — Если аптекарь даст вам список лекарств, и вы скажете, что вся аптека в нем, — это невежество»¹⁷.

В отличие от других суфийских братств, членам маулавия вменялось в обязанность выполнение религиозных ритуалов — ежедневная пятничная молитва, ритуальное омовение, пост, раздача милостыни, паломничество в Мекку. Вместе с тем Руми подчеркивал, что не в культовых действиях — основа веры: «О, идущие по божественному пути! Действие не исчерпывается омовением и постом. Это лишь внешнее, преходящее. Действие совершается в душе. Со временем Адама до Мухаммада ритуалы не имели такую форму, но действие имело место»¹⁸.

Большое внимание Руми уделял вопросам морали и этики, постоянно обращая на них внимание своих учеников. Поскольку любые действия человека осознаны, то он и несет за них ответственность. Причина зла таится в самих людях, поэтому нравственное воспитание — средство устранения пороков, одна из составляющих пути к Истине.

Исходя из этих взглядов, Руми создал собственную педагогическую школу: первоначально в медресе, где он преподавал, а затем — в рамках братства маулавия. Он отказался от традиционных методов муштры и слепого заучивания текстов, господствовавших в религиозных учебных заведениях. В основу воспитания учеников Руми ставил индивидуальные психологические особенности каждого из них, предоставляя им свободу в суждениях, стремился научить их самостоятельно мыслить. Вместе с тем для мюридов он был и идеальным образом для подражания — одержимый верой в истинность суфийского пути, отдававший все свои духовные и физические силы самосовершенствованию и стремлению познать Истину.

Оставаясь глубоко верующим мусульманином, Руми ввел в братстве маулавия целый ряд элементов, абсолютно не свойственных мусульманской традиции. Это прежде всего относится к тому огромному значению, которое он придавал музыке, пению и танцам как непременным атрибутам коллективных радений.

Если теория мистического пути, которой следовал Руми, принципиально мало чем отличалась от взглядов «классиков» суфийской науки, то ритуальная практика маулавия и, в особенности методы обучения мюридов оказались столь оригинальными, что поставили братство, созданное им, на совершенно особое, самостоятельное место среди многочисленных общин суфииев.

Не прерывать связующую нить... (до и после Руми)

Если смотреть на дороги, то они противоположны.

Если смотреть на точку, куда ведут эти дороги, — то она едина.

Руми

Размышления о духовном мире человека, о сопротивлении его с миром физическим, телесным занимают важное место в литературе средневекового мусульманского мира. У многих мыслителей мы находим схожие мысли и суждения, выраженные иногда явно, иногда в форме аллегорий и поэтических образов. Причем сходство прослеживается порой между взглядами суфииев и тех авторов, которых обычно не считают последователями суфизма. Так, в философских трактатах замечательного ученого-энциклопедиста Ибн Сины содержится целый ряд идей и

образов, которые мы находим и у поэтов-суфииев и даже в европейской литературе¹⁹.

В одном из своих произведений Ибн Сина рассказывает о встрече с неким старцем, «древним как мир, но вечно юным и вечно странствующим». Старец, повествуя о своих странствиях, излагает структуру физических и духовных миров, постепенно доходя до самых сокровенных основ мироздания. Этот же сюжет мы встречаем в «Странствованиях благочестивых» — поэме Саная, известного суфия, оказавшего большое влияние на Руми. Герой поэмы, названный «душой разумной», ведет автора по духовным мирам, посвящая Саная в их тайны. Та же тема присутствует и у другого суфия — Кирмани, современника Руми и друга Шамса ад-дина Табризи.

В связи с этим невольно вспоминается и «Божественная комедия» Данте: тот же мотив «географии» иных миров, лишь проводником выступает не Вергилий, а таинственный старец...

Еще в одном из своих произведений Ибн Сина рассказывает о человеческих душах в образе птиц, посаженных в клетку. Странствия птиц-душ описаны в поэме мистика Аттара «Беседа птиц», а позднее в известном произведении Алишера Навои «Язык птиц»²⁰. Мотив души, колеблющейся между духом и телом, мы встречаем и в «Маснави» Джалааддина Руми.

У основоположника английской литературы Чосера²¹, в его «Кентерберийских рассказах», мы встречаем сюжет, полностью перекликающийся с сюжетом «Языка птиц» Аттара. В другом произведении Чосера встречается фраза: «Когда бьют собак, львы могут извлекать для себя уроки». Руми же писал: «Ударь собаку — научится вести себя лев»...

Примечательно, что параллели эти обнаруживаются далеко не только в культуре мусульманского Востока, что можно было бы объяснить прямыми заимствованиями. Мысли, высказанные Ибн Синой или Руми, мы неожиданно для себя встречаем у классиков европейской литературы — Данте или Чосера... Сложные философские построения суфьев-теоретиков оказываются поразительно близки размыщлениям античных авторов, равно как и философов Индии...

Не случайно в рассказе о суфизме мы обращали внимание читателя на те или иные его черты, схожие с христианством. Казалось бы, две несовместимые религиозные системы — ислам и христианство — и, вместе с тем, очевидны и здесь параллели...

Сделаем здесь небольшое отступление от основной темы.

Обычно сопоставление ислама и христианства осуществляется в контексте «противостояния», либо, по меньшей мере, исходя из представления об абсолютной противоположности двух религий. Вместе с тем, столь ли непроницаемая стена существует между исламом и христианством, в особенности — православием? На существование значительных «брешей» в стене между христианской и мусульманской догматикой обращали внимание многие исследователи²².

Прежде всего отметим, что у ислама и христианства (в особенностях православия) общая географическая родина, что уже само по себе должно было определенным образом отразиться и в догматике. Рассмотрим

некоторые положения обеих конфессий — ислама в его классическом виде и восточного христианства (православия).

Для обеих религий, в сущности, существует общий первоисточник богооткровения — Ветхий Завет, дополненный «продолжением» Священного писания в виде Нового Завета у христиан и Корана у мусульман. Хотя Библия и не рассматривается мусульманами в качестве Священной книги (Коран как бы заменяет ее), богооткровенность ее содержания не подвергается сомнению.

Отсюда вытекает целый ряд важных параллелей, имеющих значение не столько с точки зрения анализа религиозной доктрины, сколько в контексте «совместимости» цивилизаций, совместимости менталитетов.

Прежде всего, очевидно, что при несомненной «автохтонности» каждой из цивилизационных систем, связанных с библейской традицией, все они несут в себе отпечаток общего ближневосточного субстрата. То есть, речь может идти не о последовательном заимствовании в цепочке иудаизм — христианство — ислам, а о формировании в каждой цивилизационной системе собственного мироощущения, восходящего своими генетическими корнями к общей основе мировосприятия.

Модели мира в самом общем их виде в исламе и христианстве почти идентичны. Начало всего сущего — волевой акт творения единого Бога-творца. Мир (земное существование), таким образом, начalen иечен, поскольку существует представление о страшном суде. Таким образом, понятие человеческой истории укладывается между начальной и конечной точками, на линейной шкале времени, которое необратимо и имеет поступательное движение. Вместе с тем существует и иной мир (или миры), также подвластный Творцу, где время ведет себя по-иному.

Далее можно отметить общие для ислама и православия истоки некоторых социальных ориентаций. Место индивида в обществе обусловлено не столько его личностными качествами, сколько его положением в общине, обусловленном традицией и мнением самой общины. Община-приход и в исламе и в православии выступает как базовая первичная единица социальной организации. Вместе с тем существует и играет важную консолидирующую роль и представление об общине — общности всех последователей религии, имеющей надсоциальный и наднациональный характер.

Как же объяснить все это? Только ли прямыми заимствованиями? Взаимовлиянием культур и идеологий? Некоторые исследователи высказывают и такую точку зрения: суфизм заимствовал те или иные положения и из античного мира, и из индийской культуры и так далее. Но как же быть тогда, например, с европейскими мыслителями?

Видимо, все же ответ лежит в иной плоскости. Незримая связующая нить лежит между Человеком и Истиной, к которой он вечно стремится. Пути к ней различны, они пролегают через религию и философию, мистику и литературу, через, казалось бы, очень непохожие друг на друга культуры разных народов, но каждый из путей незримая нить связывает с единой для всех Истиной.

Человек приходит в этот мир и на долгие годы становится учеником, встречает разных учителей — и своих современников и великих Учителей

лей прошлого, оставивших свой опыт в литературных, философских и иных трудах. И каждый учитель, способный увидеть связующую нить, продлевает ее из прошлого в будущее. Ее нельзя прерывать, ибо нарушится связь поколений, связь культур и народов.

Руми всем своим творчеством как бы говорит учителям будущих поколений: «Не прерывай связующую нить...»

Гуманизм великого суфия

Как часто бывает, индиец и турок находят общий язык.
Как часто бывает, два турка словно чужие.
Значит, языки единодушия — совсем иное дело:
Единодушие дороже единоязычия.

Руми

Гуманизм и мистика... Казалось бы, несочетаемые понятия. Вдумаемся, однако, в одну из сущностных сторон суфизма: суфизм обращен прежде всего к человеку. Именно человек и его индивидуальный, личностный мир на пути познания Истины — стержень всего мусульманского мистицизма. Более того, именно братство маулавия, с его особым внимание к личности учеников-мюридов, к их морально-этическому воспитанию, позволяет говорить именно о гуманизме Великого Учителя Руми.

Уделяя первостепенное внимание внутреннему миру своих последователей-учеников, их духовному совершенствованию, Руми, вместе с тем, строил свою систему обучения и на внушении мысли о равенстве всех людей перед Богом, вне зависимости от их социального статуса, этнической и даже религиозной принадлежности. «Единодушие дороже единоязычия».

Главным в жизни того, кто стремится познать Истину, Руми считал безграничную мистическую любовь к Богу. Но на фоне этой любви, и это отчетливо видно в двустишиях великого Учителя, к важнейшим человеческим качествам относятся и земная любовь, бескорыстная дружба и преданность, сострадание и человеческая доброта.

Думается, что рассказ о Руми, суфиях и суфизме, казалось бы, столь далеких от российской культурной традиции и современной действительности, все же не только поможет педагогам более использовать этот богатейший пласт мировой культуры, но и будет в определенной мере способствовать более глубокому пониманию природы того влияния, которое оказывает суфийская традиция на формирование мировоззрения десятков поколений жителей Востока. Причем интересна здесь не только собственно содержательная часть «суфийской мудрости», но и те педагогические методы, которые используют братства в процессе обучения последователей.

Комментарии

¹ Ал-Джунайд, Абу-л-Касим Ибн Мухаммад (умер в 910 г.) — один из крупнейших теоретиков ранего суфизма. Родоначальник рационалистического направления в суфизме.

Ал-Бистами, Абу Йазид Ибн Иса (умер в 875 г.) — знаменитый персидский мистик и родоначальник одного из направлений суфизма.

Аттар, Фарид ад-дин (ок. 1141 — ок. 1229 гг.) — великий персоязычный поэт, суфий, автор многих произведений, среди которых наиболее известны «Беседы птиц» и «Книги тайн».

Санаи, Абу-л-Маджд Ибн Адам (1070 — ок. 1150 гг.) — персидский поэт, суфийский шейх, автор ряда поэм, собраний стихов и трактатов. Его произведения оказали большое влияние на творчество Руми.

² Хафиз, Шамс ад-дин Мухаммад Ширази (ок. 1325—1389 гг.) — выдающийся персидский поэт-суфий, блестящий знаток Корана. Развивал традицию суфийской поэзии, хотя сам, вероятно, не принадлежал к какому-либо конкретному братству.

Джами, Абд ар-Рахман (1414—1492 гг.) — суфий, крупнейший представитель классической персидской поэзии.

Фансури, Хамза (вторая половина XVI — первая половина XVII вв.) — малайский поэт и мыслитель, суфий, основоположник классической малайской поэзии. Первым на малайском языке создал трактаты по суфизму — «Напиток влюбленных» и «Тайны постигших».

³ Акимушкин О. Ф. Вдохновенный из Рума. — Руми. Поэма о скрытом смысле. — М., 1986. — С. 231.

⁴ О Мухаммаде см.: «Пророк Мухаммад». — М., 1997. — (Антология гуманной педагогики).

Салман Ал-Фариси — один из сподвижников Мухаммада; стал первым персом-мусульманином; участвовал в военных походах арабов.

⁵ Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991. — С. 225.

⁷ Булгаков С. «Православие». — М., 1991. — С. 311.

⁸ Там же.

⁹ Манихейство — синкретическое религиозное учение, возникшее в Иране в III в. н. э. и быстро распространившееся в Азии и странах Средиземноморья. В манихейском учении сочетались элементы зороастризма и христианства.

¹⁰ Акимушкин О. Ф. Цит. соч., с. 219.

¹¹ Хади-заде Р. Джалаладдин Руми. — Руми. «Газели, притчи». — Душанбе, 1988. — С. 15.

¹² Там же, с. 15—16

¹³ Там же, с. 16—17

¹⁴ Идрис Шах. «Суфизм». — М., 1994. — С. 144. Идрис Шах (родился в 1924 г.) — автор ряда работ в области суфийской мысли.

¹⁵ Джалаладдин Руми. «Фихи ма фихи (В нем то, что в нем)». — Тегеран, 1951. — С. 37.

¹⁶ Там же, с. 71.

¹⁷ Там же, с. 100.

¹⁸ Там же, с. 67.

¹⁹ См.: Бертельс Е. Э. Избранные труды. — М., 1988. — С. 246—247. Ибн Сина (Авиценна), Абу Али Хусейн Ибн Абдаллах (980 — 1037) — выдающийся ученый-энциклопедист, врач, философ и поэт.

²⁰ Навои, Низам ад-дин Мир Алишер (1441—1501 гг.) — узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель, суфий, ученик и последователь Джами. Вершина его творчества — «Пять поэм» («Смятение правед-

ных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Стена Искандера». Свои произведения писал на персидском и узбекском языках.

²¹ Джонни Чоссер (1328—1400 гг.) — английский поэт, родоначальник англоязычной поэзии. В его поэме «Кен-

терберийские рассказы» тридцать паломников поочередно рассказывают свои истории; сюжеты некоторых из этих историй перекликаются с сюжетами из произведений Аттара и Руми.

²² См.: Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. — М., 1981. — С. 83—110.

Г. М. Милославский

ОТ ПЕРВОГО ЧИТАТЕЛЯ

Согласившись стать первым читателем этой книги и начав знакомиться с нею в период ее составления, я задался следующими вопросами: как соотносится педагогическая практика суфизма с современной педагогикой? Какие педагогические идеи, плодотворно используемые суфийскими учителями на протяжении 12 веков, могут «uloжиться» в сознание и волю в сердце современного преподавателя? Ведь практически вся современная педагогика нацелена на «укоренение» ученика в материальном мире, на приспособление его воли, интеллекта и эмоций к реалиям окружающей жизни. Суфийское же обучение имеет как бы противоположную цель. Оно призвано «выводить» сознание и чувства человека за пределы вещественного мира, «укореняя» их в высшей духовной реальности. Как же можно примирить эти две разнонаправленные системы? Размышляя над этим вопросом, я вдруг понял, что истинное духовное восхождение — цель суфийского обучения — невозможно без предварительной самореализации ученика в земном мире, без овладения множеством знаний и умений, относящихся к окружающей жизни, без раскрытия всех эмоциональных потенций его души. Словом, без всего того, что суфийские мудрецы образно именовали «сверлением жемчужины», разумея под жемчужиной нашу душу, а под вдеваемой в нее нитью — живую связь со всем мирозданием. Таким образом, обучение, связанное с освоением земного мира, не противоречит суфийскому обучению, а является необходимой «стартовой площадкой» для предстоящих ученику духовных взлетов. Суфийское обучение должно как бы вырастать из обычного обучения, продолжая его. В свете этого соображения проясняется и подлинный смысл современной педагогики: готовить человека к его истинному, высшему, предназначению. К тому предназначению, которое по-разному описывают и с разных точек зрения рассматривают все великие религии человечества. А ведь и сама суфийская традиция призывает черпать мудрость не только из мусульманских, но также из христианских, иудейских и других источников мировых религиозных знаний. В вопросе же «воспитания сердца» все великие мировые религии (в особенности три монотеистические) сходятся между собой.

Например, в Псалтири цель духовного обучения сформулирована так:

«Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое» (Пс. 118, 32).

Согласно этим словам, сердце, готовясь к служению Богу, должно «расширяться», т. е. объять многих любовью и многое познанием (в биб-

лейской метафорике сердце — вместилище не только чувств, но и знаний).

В Евангелии говорится о том, как очищенное сердце, из которого прежде исходили «злые помыслы» (Матф. 15, 19), из вместилища всевозможных нечистот превращается в источник живой воды, которая живо-творит и самого человека, и окружающий его мир:

Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой (Иоан. 7, 18).

Коран же свидетельствует о том, что злые помыслы и нечестивые дела страшным образом воздействуют на сердца людей:

Покрыло ржавчиной их сердца то, что они приобретали.
(Коран 83, 14, пер. И. Ю. Крачковского)

О том, что сердце, очистившись, призвано стать обителем Бога — Высшей Истины, говорит, отвергая лицемерное, внешне-обрядовое «служение», и сам Руми:

Зачем не ищешь Бога там, где Он живет всегда?
Зачем каменья свято чтишь, им отдаешь поклон?
Обитель сердца — вот где цель, вот Истины дворец,
Хвала вошедшему туда, где Бог запечатлен.

(Перевод Д. Самойлова)

Именно суфийская традиция в деле воспитания учеников наиболее последовательно опирается на педагогику сердца — педагогику Священного Писания. Многие суфии считают Иисуса Христа основателем первой суфийской общины, а себя — духовными наследниками оной. Модель отношений Иисуса Христа и апостолов — отношений учителя с любящими его и друг друга учениками — принята за основу в суфийской общине.

Нельзя не сказать и про антипедагогику, суть которой выражена словами Иисуса Христа, которыми он упрекал внешне благопристойных духовных вождей своего времени:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты;

Так и вы по наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония (Матф. 23, 27–28).

Внешнее совершенствование, притом что сердце остается неочищенным, может оказаться даже хуже обыкновенного нечестия. Как Иисус Христос был гоним поборниками «внешнего благочестия» своего времени, так и суфийские праведники не только терпели от «мусульман по наружности» бесчеловечные гонения, но порой подвергались и жестоким казням (Мансур Халладж, Фазлуллах, Имадеддин Насими и другие).

Следы антагонизма «внешней педагогики и истинной прослеживаются на протяжении веков, к сожалению, видны они и сейчас. Желаю всем читателям почувствовать в этой книге слово истины, обращенное к сердцу каждого из нас.

М. И. Хаткевич

МЫСЛИ УЧИТЕЛЯ

**предварительно ознакомившегося
с содержанием книги**

Заслуженный Учитель России, Учитель года А.Заруба ознакомившийся с содержанием нашей книги в процессе ее составления, высказал ряд мыслей, представляющих несомненный интерес для всех читателей, за что мы его сердечно благодарим.

К «При钱财 о бакалейщике и попугае...»:

Слово учителя... Какая ответственность! Ведь «слово может мертвых оживить и целый мир в пустыню превратить». Вот так изо дня в день учитель словом или оживляет, или превращает в пустыню души воспитанников, если его слово не наполнено любовью к детям, страстью к истине, красоте, доброму...

К «Рассказу о том, как некий человек посадил на дороге колючий кустарник»:

А может быть эта притча об учителе, который допускал в своем отношении к ученикам «колючки» неверия в их способности? Пока у учителя есть силы, энергия (особенно у молодого), постарайтесь не идти по наилегчайшему авторитарному пути – избавьтесь от этого «кустарника» раньше...

К «Рассказу о старом человеке...»:

Существует теория, согласно которой болезни человека зависят от его отношения к миру. Наибольший «букет» болезней, согласно этой теории, вызывает постоянная готовность человека к гневу, который потом даже не понимает, почему он так часто болеет. В любой религии отношение к гневу похожее: усмиряй его. Во своих притчах Д.Руми постоянно говорит об этом...

К «Рассказу о том, как некий хозяин выяснял достоинства купленных им рабов»:

Только в одном афоризме я не согласен с Д.Руми:

*«Известно нам, когда темна душа,
То красота не стоит и гроша».*

Нет! Столько веков прошло, а до сих пор не известно. Вся массовая культура воняет о том, что красота – это внешнее (обертка, оболочка, этикетка и т.д.), и все средства массовой информации направляют свои силы на то, чтобы увлечь ею, зацепить зрителя, слушателя, и, в первую очередь, ребенка. А внутреннюю красоту еще надо разглядеть, почувствовать, понять – для этого надо прикладывать душевые и духовные усилия – и какие?

ДЖАЛАЛАДДИН РУМИ

Стихи Джалаладдина Руми

Одна из вершин суфийской и мировой поэзии — «Диван (т. е. собрание стихов) Шамса Табrizского» — был создан Руми после гибели его духовного наставника и любимого друга, дервиша Шамса. Согласно утверждению поэта, Шамс после смерти слился воедино с личностью самого Руми, поселившись в его сердце и вдохновляя его на творчество. Поэтому все стихи дивана подписаны именем не Руми, а Шамса, и созданы от лица последнего — под его «диктовку» (имя Шамса заключено в последнем бейте — двустишии — каждого стихотворения). «Диван» — свидетельство всеобъемлющей любви к Богу и человеку, одолевающей время и пространство, смерть и разлуку, и открывающей любящему глубочайшие тайны бытия.

Из «Дивана Шамса Табrizского»

«Я ловчим соколом летел...» Стихотворение говорит о предбытии человеческого духа, который, согласно суфийскому учению, существовал в Боге до создания материального мира («до времен», «еще Адам не создан был»). Дух человека, подобно сияющей жемчужине (у Руми — «перлу в ларце земной юдоли»), является величайшим сокровищем, частицей Божества, тайной, скрытой под оболочкой плоти. Мистик-суфий, пережив озарение свыше, вспоминает о предназначении своего духа и осознанно осуществляет ту миссию, ради которой был послан в наш мир. На это указывают слова о всемогущей длани Всевышнего («ладони Всеблагого»), направляющей суфия, и о покорности последнего указаниям свыше, лично ему посыпаемым («Божественное слово»). Согласно Корану (как и Библии), Бог сотворил мир и постоянно воссоздает его Своим словом: «И когда Он решит, чтобы дело [свершилось], то говорит ему: «Свершись» — и оно свершается» (Коран 2, 117 — *пер. Османова*).

Я ловчим соколом летел с ладони Всеблагого
Туда, куда вело меня Божественное слово.

Я облетел все семь планет, все девять сфер небесных,
Вершин Сатурна достигал и возвращался снова.

Еще Адам не создан был, а я был стражем рая,
И с гуриями я вкусила блаженства неземного.

На царском троне восседал, владел кольцом с печатью,
До Сулеймана я смирял любого духа злого.

В огонь входил — и пламя вмиг преображалось в розы,
Шел по цветам я, по огню багряного покрова.

Став перлом, с неба я упал в ларец земной юдоли,
А вознесусь — и небо вмиг венчать меня готово.

Все времена поют вслед за Шамсом песню эту,
Но спита мною до времен ее первооснова.

«О вы, рабы прелестных жен!..» Здесь Руми говорит о любви как творящем Божественном начале и основе мироздания. Дух поэта, который существовал изначально и был «влюблен» в Истину еще до сотворения вещественного мира (когда «еще курилось бытие, еще слагался мир»), — прошел множество стадий — «семь тысяч лет», символически соответствующие Семи Дням творения (ср.: «Воистину, ваш Господь — Аллах, Который сотворил небеса и землю за шесть дней. Потом Он утвердился на престоле» — Коран 7, 54; См. также Быт. 1, 1–31; 2, 1–3). Согласно суфийскому преданию, души всех будущих людей еще до сотворения мира представили перед Аллахом, и Он обратился к ним с вопросом: «Не я ли ваш Господь?» (в Коране с этим вопросом Аллах обращается к потомкам Адама на Земле — см. Коран 7, 172). Поняв вопрос, часть душ воспытала безграничной любовью к Аллаху. Впоследствии именно эти души стали на земле великими учителями веры, мистиками, поэтами и суфийскими мучениками. Для самого Руми лицо Возлюбленного — Аллаха — как бы «отразился» в лице его духовного наставника — Шамса (в стихотворении игра слов: «шамс» — по-арабски «солнце»).

О вы, рабы прелестных жен! Я уж давно влюблен!
В любовный сон я погружен. Я уж давно влюблен.

Еще курилось бытие, еще слагался мир,
А я, друзья, уж был влюблен! Я уж давно влюблен.

Семь тысяч лет из года в год лепили облик мой —
И вот я ими закален: я уж давно влюблен.

Едва спросил Аллах людей: «Не я ли ваш Господь?» —
Я вмиг постиг Его закон! Я уж давно влюблен.

О ангелы, на раменах держащие миры,
Вздымайте ввысь познанья трон! Я уж давно влюблен.

Скажите Солнцу моему: «Руми пришел в Тебриз!
Руми любовью опален!» Я уж давно влюблен.

Но кто же тот, кого зову «Тебризским Солнцем» я?
Не светоч истины ли он? Я уж давно влюблен.

«О правоверные, себя...» Перечисляя разнообразные религии — Христианство, Ислам, язычество («многобожник» переведено здесь как «варвар»), Иудаизм, — Руми говорит, что суфийское познание Бога не объясняется догматикой и обрядностью ни одной из них. Более того, он заявляет, что свободный, подвластный одному лишь Другу (т. с. Богу, в переводе — «милой») дух суфия независим ни от других духов («неба»), ни от материальных начал («земли»), ни даже от свойств, наследуемых человеком от предков (...Мы с Адамом не в родстве»). Такая свобода духа обусловлена теснейшим единением суфия с Воздобленным (Аллахом), пребыванием его в экстазе общения с Творцом (постоянные образы этого экстаза в суфийских текстах — «вино и страсть»). Таким образом, истинный мудрец живет, «отринув двойственность», т. е. перейдя от дробного, разделенного восприятия Реальности к осознанию и ощущению Единства Божьего («вахидият», «ат-Таухид»), скрытого за множеством феноменов вселенной. В качестве параллели-антитезы словам Руми, метафорически «отрицающим» связь суфия с какой-либо традиционной религией, приведем стихотворение более раннего суфийского мистика Омара ибн аль-Фариды (1181—1235), в котором говорится об истинности всех религий, каждая из которых является одной из граней Высшей Реальности:

«Не без Моеи всесильной воли неверный повязал «зуинар» —
Но снова снял, не носит боле, с тех пор как истину узнал.
И, если образ благостины в мечетях часто Я являл,
То и Евангельской святыни Я никогда не оставлял.
Не упразднил я Книгу Торы, что дал евреям Моисей, —
Ту Книгу мудрых, над которой не спят в теченье ночи всей.
И, коль язычник перед камнем мольбу сердечную иззил, —
Не сомневайся в самом главном: что Мною он услышан был...
Известно правое Ученые повсюду, веку испокон,
Имеет высшее значение любой обряд, любой закон.
Нет ни одной на свете веры, что к заблуждению ведет,
И в каждой — святыни примеры прилежно ищащий найдет.
И тот, кто молится светилу, не заблудился до конца:
Оно ведь отблеск сохранило сиянья Моего лица!
И гебр, баготовривший пламя, что тысячу горело лет,
Благими подтверждал делами, что, сам не зная, чит Мой свет:
Блистанье Истинного Света его душа узреть смогла,
Но, теплотой его согрета, его за пламя приняла...
Вселенной тайны Мною скрыты, их возвещать Я не хочу,
И мира зrimого защита — в том, что о тайнах Я молчу.
Ведь нет такой на свете твари, что высшей цели лишена,
Хотя за жизнь свою едва ли о том помышлит хоть одна!..»
(Перевод Д. Щедровицкого).

О правоверные, себя утратил я среди людей.
Я чужд Христу, исламу чужд, не варвар и не иудей.

Я четырех начал лишен, не подчинен движенью сфер,
Мне чужды запад и восток, моря и горы — я ничей.

Живу вне четырех стихий, неrab ни неба, ни земли,
Я в нынешнем, я в прошлом дне — теку, меняясь, как ручей.

Ни ад, ни рай, ни этот мир, ни мир нездешний — не мои,
И мы с Адамом не в родстве — я не знавал эдемских дней.

Нет имени моим чертам, вне места и пространства я,
Ведь я — душа любой души, нет у меня души своей.

Отринув двойственность, я вник в неразделимость двух миров,
Лишь на нее взираю я, и говорю я лишь о ней.

Но скорбь, раскаянье и стыд терзали бы всю жизнь меня,
Когда б единый миг провел в разлуке с милою моей.

Ты до беспамятства, о Шамс, вином и страстью опьянен,
И в целом мире ничего нет опьянения нужней.

«Паломник трудный путь вершит...» В этом стихотворении Руми противопоставляет внутреннее, духовное поклонение Богу — внешнему, чисто обрядовому служению. Стrophы об «обители сердца... где Бог один запечатлен» перекликются с призывом Иисуса Христа (в мусульманской традиции — пророк Иса) поклоняться Отцу не в храмах, построенных руками человеческими, но «в Духе и Истине» (Иоан. 4, 19–24), с учением апостола Павла о «внутреннем человеке» как «храме Бога живого» (II Кор. 6, 16), а также со словами Корана: «Разве не раскрыли Мы твоё сердце?...» (Коран 94, 1).

Паломник трудный путь вершит, к Каабе устремлен,
Идет без устали, придет — и что же видит он?

Тут камениста и суха бесплодная земля,
И дом высокий из камней на ней сооружен.

Паломник шел в далекий путь, чтоб Господа узреть,
Он ищет Бога, но перед ним стоит как бы заслон.

Идет кругом, обходит дом — все попусту; но вдруг
Он слышит голос изнутри, звучащий, словно звон:

«Зачем не ищешь Бога там, где Он живет всегда?
Зачем каменья свято чтишь, им отдаешь поклон?»

Обитель сердца — вот где цель, вот Истины дворец,
Хвала вошедшему туда, где Бог запечатлен».

Хвала не спящим, словно Шамс, в обители своей
И отвергающим, как он, пalomничества сон.

«Вы, взыскиющие Бога...» Здесь продолжается и развивается тема предыдущего стихотворения — тема теснейшего единения духа истинного суфия с Духом («Рух») Божиим. Согласно учению Руми, человек как «микрокосм» отражает во внешнем своем облике черты всего мироздания, а внутренняя суть человека — «зеркало души», отражающее Аллаха. Являясь образом и подобием Бога на земле («знаком Бога», ср. Быт. 1, 26–27, а также знаменитый хадис [мусульманское предание, восходящее к словам пророка Мухаммада]: «Аллах сотворил Адама по образу Своему»), представляя собой облеченнную плотью бессмертную душу — частичку Духа Божьего (согласно словам Корана: «Потом Он придал ей форму, вдохнул в него частицу Свое-го Духа и даровал вам слух, зрение и сердце» — Коран 32, 9), человек, однако, после грехопадения перестал осознавать свой высокий «сан» и свою великую миссию, ибо животная природа превозмогла в нем духовную. Одна из целей суфизма — возвратить человеку осознание себя самого как «образа Божьего» («вы — есть Он, а Он — есть вы»). Не понимая возвышенной сути человеческого духа и не имея прямого руководства свыше, но следуя только застывшей традиции обрядоверия, многие богословы, согласно Руми, «вы-шивают вкривь и вкось» свои «узоры» — толкования Божественного замысла относительно рода людского (интересно сравнить этот образ со словами пророка Исаии, повторенными Иисусом Христом: «...Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благовение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих» — Ис. 29, 13; ср. Матф. 15, 7–9). Суфийские же воззрения подчеркивают высшую природу человека, являющую собой запечатленный на земле образ Божий — «tron Аллаха средь травы».

Вы, взыскиющие Бога средь небесной синевы,
Поиски оставьте эти, вы — есть Он, а Он — есть вы.

Вы — посланники Господни, вы пророка вознесли,
Вы — закона дух и буква, веры твердь, ислама львы.

Знаки Бога, по которым вышивает вкривь и вкось
Богослов, не понимая суть Божественной канвы.

Вы в источнике бессмертья, тленье не коснется вас,
Вы — циновка Всеблажого, трон Аллаха средь травы.

Для чего искать вам то, что не терялось никогда?
На себя взгляните — вот вы, от подошв до головы.

Если вы хотите Бога увидеть глаза в глаза —
С зеркала души смахните муть смиренья, пыль молвы.

И тогда, Руми подобно, истиною озарясь,
В зеркале себя узрите, ведь Всевышний — это вы.

«В счастливый миг мы сидели с тобой...» Здесь Руми повествует о своем таинственном общении и единении («два существа с душою одной») с Шамсом, телесно находившимся в то время в другой стране, а духом — в непосредственной близости от Руми («в восторге в тот миг мы слились»). О подобном опыте общения вне времени и пространства сообщают многие суфийские наставники, а также христианские и другие мистики (ср. свидетельство апостола Павла верующим Колассской церкви:

«...Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами, радуюсь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа» (Кол. 2, 5).

В счастливый миг мы сидели с тобой — ты и я,
Мы были два существа с душою одной — ты и я.
Дерев полуутени и пение птиц дарили бессмертием нас
В ту пору, как в сад мы спустились немой — ты и я.
Восходят на небо звезды, чтоб нас озирать;
Появимся мы им прекрасной луной — ты и я.
Нас двух — уже нет, в восторге в тот миг мы слились,
Вдали от мольвы суеверной и злой — ты и я.
И птицы небесные кровью любви изойдут
Там, где мы в веселье ночью порой — ты и я.
Но вот что чудесно: в тот миг, как мы были вдвоем —
Мы были: в Ираке — один, в Хорасане — другой, — ты и я.

«Всему, что зrim, прообраз есть...» «Эволюция» от неорганического вещества («эфир», «камень») через живую материю («трава», «животное») к разумному («знанью наделенному») человеку, здесь описанная, на первый взгляд представляется «гениальным предвосхищением» теории эволюции. Однако, более внимательно вчитываясь в сказанное Руми, мы понимаем, что у него, в отличие от живущего шестью веками позже английского естествоиспытателя, речь идет об «эволюции» не материи, но духа. Именно дух человека проходит все описанные выше ступени, чтобы впоследствии возвыситься до сверхчеловеческого уровня бытия — «ангела». Однако суфия, достигнувшего уже в земной жизни этой «горней» ступени самоосознания, Руми призывает вновь «погрузиться в пучину» превратной земной жизни, дабы поделиться достигнутым с учениками: «В малой капле повтори морей бескрайних жизн...»

Всему, что зrim, прообраз есть, основа есть вне нас,
Она бессмертна — а умрет лишь то, что видит глаз.

Не жалуйся, что свет погас, не плачь, что звук затих:
Исчезли вовсе не они, а отраженье их.

А как же мы и наша суть? Едва лишь в мир приDEM,
По лестнице метаморфоз свершаем наш подъем.

Ты из эфира камнем стал, ты стал травой потом,
Потом животным — тайна тайн в чередованье том!

И вот теперь ты человек, ты знанье наделен,
Твой облик глина приняла, — о, как непрочен он!

Ты станешь ангелом, пройдя недолгий путь земной,
И ты сроднишься не с землей, а с горней вышиной.

О Шамс, в пучину погрузись, от высей откажись —
И в малой капле повтори морей бескрайних жизнь.

«Песнь свирели» Ветка, срезанная со ствola и ставшая свирелью (одним из излюбленных инструментов на суфийских «радениях») — символ человеческой души, разлученной с Аллахом («отрезанной от ствola») и тоскующей по своему Возлюбленному — Источнику жизни, вдали от Которого душу ожидают страдания и смерть. Чем яснее осознает душа свою разлученность с Аллахом, тем страстнее она взывает к Нему и стремится к воссоединению с Ним. Таким образом, согласно Руми, все культурное творчество человечества (религия, музыка, словесное искусство, науки и т. д.) представляет собой, в конечном счете, страстный порыв к Богу — «далекому Другу», осуществляемый в мире «горя и тоски». Но в особенности отчетливо слышится «песнь свирели» в тех творениях человеческого духа, которые исходят непосредственно из сердца:

«Не разуму доступно откровенье:
Людское сердце — вот ценитель пенья».

ПЕСНЬ СВИРЕЛИ

Вы слышите свирели скорбный звук?
Она, как мы, страдает от разлук.

О чем грустит, о чем поет она?
«Я со своим стволов разлучена.

Не потому ль вы плачете от боли,
Заслышиав песню о моей недоле?

Я — сопечальница всех, кто вдали
От корня своего, своей земли.

Я принимаю в судьбах тех участье,
Кто счастье знал, и тех, кто знал несчастье.

Я потому, наверно, и близка
Тем, в чьей душе и горе, и тоска.

Хоть не постичь вам моего страданья:
Душа чужая — тайна для познанья.

Плоть наша от души отделена,
Меж ними пелена, она темна.

Мой звук не ветр, но огнь, и всякий раз
Не холодит он — обжигает нас.

И если друг далек, а я близка,
То я ваш друг — свирель из тростника.

Мне устраниТЬ дано посредством пенья
Меж Господом и вами средостенье.

Коль духом слабые в меня дудят,
Я не противоядие, но яд.

Лишь тем, кто следует стезей неложной,
Могу я быть опорою надежной.

Я плачу, чтобы вы постичь могли,
Сколь истинно любил Меджнун Лейли.

NB, Не разуму доступно откровенье:
Людское сердце — вот ценитель пенья.

Будь безответною моя тоска,
Кто оценил бы сладость тростника?

А ныне стали скорби и тревоги
Попутчиками и в моей дороге.

Ушла пора моих счастливых лет,
И благодарно я гляжу им вслед.

В воде рыбешки пропитанья ищут,
А нам на суще долгий день без пищи.

Но жизни для того на свете нет,
Кто ищет пищу в суете сует.

Кто лишь для плоти ищет пропитанья,
Пренебрегая пищею познанья.

Не очень сходны меж собою тот,
Кто суть познал, и тот, кто познает.

Порвите ж цепь, свободу обретая,
Хоть, может, эта цепь и золотая.

И ты умерь свою, стяжатель, прыть:
Ведь всей реки в кувшин не перелить.

И жадных глаз невежды и скупца
Ничем нельзя наполнить до конца.

Лишь раб любви, что рвет одежды в ключья,
Чужд и корысти, и пороков прочих.

№2 Любовь честна, и потому она
Для исцеления души дана.

Вернее Эфлатуна и Лукмана
Она врачует дух и лечит раны.

Ее дыхание земную плоть
Возносит в небо, где царит Господь.

Любовью движим, и Муса из дали
Принес и грешным людям дал скрижали.

Любовь способна даровать нам речь,
Заставить петь и немоте обречь.

Со слухом друга ты свои уста
Соедини, чтоб песнь была чиста.

Кого навеки покидает друг,
Тот, как не голосист, смолкает вдруг.

Хотя напевов знает он немало,
Нем соловей в саду, где роз не стало.

Влюбленный — прах, но излучает свет
Невидимый его любви предмет.

И всякий, светом тем не озаренный,
Как бедный сокол, крыл своих лишенный.

Темно вокруг и холодно в груди, —
Как знать, что позади, что впереди?

Для истины иного нет зерцала —
Лишь сердце, что любовью воспыпало.

А нет там отраженья — поспеши,
Очисти зеркало своей души.

И то постигни, что свирель пропела,
Чтоб твой отринул дух оковы тела.

№1 Современное образование нацелено в первую очередь на развитие интеллекта. Цель — получение информации для адаптации к определенным видам деятельности в обществе. Человек как целое упускается из виду и получает прикладное, а не самодовлеющее значение. Суфийское же образование ставит целью самопознание ученика и его духовное восхождение, т. е. путь очищения сердца. При этом рассудку (плотскому разуму) отводится низшая ступень. Плотский разум — эгоистическое оперирование обыденной информацией с целью извлечения выгоды. Через «пение» (постижение прекрасного), воспринимаемое сердцем, человек возвышается до «откровения» — интуитивного постижения высшей реальности. Путь умножения информации (технократическая цивилизация) без воспитания сердца приводит ко все большему одичанию общества, вплоть до массового уничтожения людей.

№2 Действеннейшее средство суфийского воспитания — любовь между всеми проходящими процесс обучения. Постепенно формируется малый социум любящих друг друга и учителя учеников. Это «малая модель» идеального общества, которое впоследствии остается «проецировать» на большое общество — государственную жизнь. Отсюда стремление суфииев сделать своих учеников государственными деятелями. Под «исцелением души» подразумевается душа как отдельного человека, так и всего народа. Можно быть человеком широко информированным, но внутренне больным — отсутствие любви, заботы об окружающих ведет к психическим заболеваниям как индивидуальным, так и массовым. Результат — нарастание криминализации общества. Исцеление — в любви.

Притчи Джалаладдина Руми

Притчи Руми взяты из «Маснави» — грандиозной «Поэмы о скрытом смысле», в контексте которой они представляют собой наглядные иллюстрации к определенным положениям суфийского учения. Однако и вне контекста «Поэмы»: притчи Руми сохраняют свою огромную литературную, этическую и педагогическую ценность, что сделало их весьма популярными во многих мусульманских странах. Особо стоит вопрос о взаимовлияниях притч Руми и фольклорных источников различных народов Ближнего и Среднего Востока. Влияние притч прослеживается в устном и письменном литературном творчестве ряда восточных стран на протяжении многих столетий. Следует особо подчеркнуть, что за оригинальным сюжетом каждой притчи Руми, обычно несущей заряд остроумия и поразительно яркой житейской мудрости, скрывается иная мудрость — мистическая, содержащая указания на тайны человеческой души, ее общения с Богом и духовного восхождения. Таким образом, притчи дают каждому читателю буквально то, что он «способен взять». К притчам Руми в наибольшей степени можно отнести слова из апокрифического «Евангелия от Филиппа», творения гностического христианства начала н. э. — одного из гипотетических источников раннего суфизма: «...Мудрый... познал птицу каждого: перед детьми он положил хлеб... перед рабами он положил... пшеницу, и скоту [он бросил ячмень], и солому, и траву. Собакам он бросил кости, [а свиньям он] бросил желуди... Так и ученик Бога... Формы телесные не введут его в обман, но он посмотрит на состояние души каждого и заговорит с ним...» Эти слова как нельзя более подходят к притчам Руми — с той только разницей, что, получая одну и ту же «духовную пищу», читатели великого суфия сами выбирают из нее то, что способны «усвоить» — от простого смысла до самого сокровенного... В связи со сказанным понятно, что скрытый — «эзотерический» — смысл каждой притчи не может быть исчерпан до конца. Поэтому в дальнейших комментариях мы будем обращать внимание выборочно на тот или иной суфийский аспект каждой притчи.

Притча о воре и больном. Один из смысловых пластов данной притчи связан с неразумием того человека («больного хозяина»), который не успевает «взяться за ум» в течение всей жизни («глухой ночи» — времени обитания души «за завесой» тела) и спыхивает лишь в момент, когда смерть («вор») уже успела сделать «подкоп под стену» и уносит самое драгоценное — возможность жить и действовать («утро» символизирует пробуждение души в ином мире).

ПРИТЧА О ВОРЕ И БОЛЬНОМ

Глукою ночью вор, насупя лоб,
С усердьем у забора рыл подкоп.

Хозяин дома, дряхлый и больной,
Сквозь дрему стук услышал за стеной.

Он влез на крышу и воскликнул: «Брат!
Чего не спишь? Что делаешь у врат?

Ты кто такой — не различу примет?
«Я — барабанщик», — прозвучал ответ.

«Чем занят здесь?» — спросил больной в упор.
«Бью в барабан», — сказал на это вор.

«Но объясни, где барабанный гром?»
«Он грянет утром и поднимет дом.

Завоешь ты: „О горе, о беда!”,
Поняв, зачем я приходил сюда.»

Притча о мудрости Лукмана. Скрытый смысл притчи в том, что суфий («Лукман»), в течение всей жизни «принявшей столько благ» от руки Бога («хозяина»), не может роптать на испытания и кары, которым Он его времена от времени подвергает. Ибо и в эти моменты суфий ощущает «душевное тепло» — благодать и радость Божественного Присутствия, ту нисходящую свыше любовь (мухаббат), которая услаждает для него горечь испытаний («любовь отраву превращает в мед»). Терпение «сабр» — одна из главных суфийских добродетелей.

ПРИТЧА О МУДРОСТИ ЛУКМАНА

Сразил Лукман хозяина умом,
И тот с тех пор души не чаял в нем.

Он пожелал, чтоб вместе с ним Лукман
Садился за роскошный дастархан

И первым кушал каждое из блюд,
Которые давал ему на суд.

Коль яства одобрял слуга, то он
На них кидался жадно, как дракон.

Но если тот, отведав, морщил нос,
Тотчас выбрасывал с едой поднос.

В нем умирал мгновенно аппетит,
Хоть был у снеди бесподобный вид.

Однажды гость какой-то иль сосед
Ему доставил дыню на обед.

Возликовал Лукмана господин,
Но дыню есть не пожелал один.

Сказал рабам, застывшим у дверей:
«Лукмана позовите поскорей!»

Лукман явился на хозяйский зов.
И господин его, не тратя слов,

Отрезал ломтик и подал слуге,
Что от него присел невдалеке.

Лукман с поклоном принял этот дар,
Стал смаковать, как редкостный нектар.

Но был хозяин щедростью богат.
Он угощал пятнадцать раз подряд.

Остался вскоре лишь один кусок.
Хозяин взял его и вдруг изрек:

«Слюной густой наполнился мой рот,
Когда вкушал ты дыню, словно мед.

Видать, она и вправду хороша.
Прекрасный плод возжаждала душа».

Он ломтик съел — и онемел на миг:
От горечи горел его язык,

Пылало горло и болела грудь —
Ни выдохнуть не мог он, ни вздохнуть.

Казалось, что скончается сейчас.
В себя пришел бедняга через час.

И произнес, вглядясь в Лукманов лик:
«Воистину ты кроток и велик!

Но у терпенья должен быть предел.
А ты отраву, словно сахар, ел

И муки принимал, как благодать.
Не в силах я поступок твой понять!

Ведь для отказа есть всегда предлог,
Ты, как мудрец, его найти бы мог».

Лукман в ответ: «Я пред тобой в долгу.
До смерти расплатиться не смогу.

Из рук твоих я столько принял благ,
Что горький ломтик, право же, пустяк.

Когда бы выплюнул его, тогда,
Опомнившись, сгорел бы от стыда.

Зерном добра вскормил ты жизнь мою.
Живу в тенетах лучше, чем в раю.

Пусть поразит меня на месте гром,
Коль отплачу тебе за милость злом!

Сладчайшей дыня горькая была
От твоего душевного тепла».

* * *

Любовь отраву превращает в мед
И из железа злато создает.

Излечивать болящих ей дано.
Из уксуса она творит вино,

Для тех, кто любит, и тюрьма — цветник.
Не в радость сад, коль от любви отвык.

Она творит из дивов сладких дев
И в состраданье обращает гнев.

Воск без нее — безжалостная сталь.
С ней радостью становится печаль,

Нектаром камень, жало родником,
Огонь свирепый легким мотыльком,

Мышонком лев, рабом могучий шах,
С ней восстают упавшие во прах.

Любовь царит над миром потому,
Что есть в ней место знаньям и уму.

Причча о птице и птицелове. Причча содержит иносказание о тщетности дальнейшего суфийского обучения того ученика («повара»), который не сделал практических выводов из прежних наставлений учителя («птицы»: этот образ напоминает о райских птицах, постоянно воспевающих хвалу Аллаха и символизирующих в суфийской традиции души праведных шейхов-наставников). Сюжет был воспринят целым рядом как мусульманских, так и христианских авторов Средневековья и Нового времени.

ПРИЧЧА О ПТИЦЕ И ПТИЦЕЛОВЕ

В тенета птаху заманил ловец.
Взмолилась птица: «О, святой мудрец,

Какой тебе от пташки малой прок?
Во мне ведь мяса на один зубок.

А ты, гляжу я, словно лев, здоров,
И скушал тьму баранов и коров,

Но все равно ни капельки не сыт.
Так разве мной утешишь аппетит?

О, самый милосердный из людей,
Позволь вспорхнуть на волю из сетей.

Взамен тебе я три совета дам.
Я не глупа — в том убедишься сам.

И первый пропою в руке твой.
Его постигнув, станешь ты мудрей.

Другой прощебечу я со стены —
И этому совету нет цены.

А третий с ветки дам тебе на суд,
Все три большое счастье принесут».

Возьми меня и выслушай совет:
«Не верь наивно в несусветный бред».

Совет неплох — разжалася рука.
Вспорхнула птаха, радостна, легка.

Пропела со стены: «Не стоит мук
Все то, что из твоих уплыло рук.

Бесценный перл в меня был помещен.
Дирхемов десять, верно, весит он.

Не перл, а чудо, нет, великий клад!
Ловец, ты был бы сказочно богат.

Теперь же, словно собственных ушей,
Его, простак, ты не узишь, ей-ей».

Бедняга так завыл, разинув рот,
Как лишь роженица в поту ревет.

«Ой-ой! — вопил он. — Я и вправду прост.
Я диво дивное держал за хвост.

Но ты, плутовка, провела меня.
Увы, твоя хитрее западня».

Сказала птаха: «Я дала совет
Не горевать о том, чего уж нет.

А ты дрожиши с макушки и до пят.
Не внял совету или глуховат?

Предупреждала я, о добрый муж:
Не веруй свято в сказанную чушь.

Подумай сам: во мне дирхемов — три.
Как десять я могу нести внутри?»

Опомнившись, ловец вскричал в ответ:
«Так дай скорее третий мне совет!»

«Не просветлел твой ум от первых двух.
Боюсь, и к третьему ты будешь глух».

Вспорхнула птица и, рассыпав трель,
Умчалась вдаль — за тридевять земель.

* * *

Что дурня наставлять? — напрасный труд.
В соленой почве зерна не взойдут.

Не залатать невежества халат.
В нем столько дыр — не наберешь заплат.

Поэтому, мудрец, не трать свой пыл:
Не поумнеет тот, кто глупым был.

Причча о змееве. В образе дракона представлено животно-эгоистическое начало в самом человеке — «нафс» («животная» душа, в противоположность разумному духу — «рух»). Причча предупреждает о смертельной опасности, подстерегающей того, кто забывает о разрушительных свойствах своих плотских страстей и оставляет их «без надзора». Без специальных ежедневных суфийских упражнений эгоистические желания ученика при первой же благоприятной возможности («солнечнико... согрело кровь чудовища») становятся реальной угрозой не только для него самого, но и для всех окружающих.

ПРИЧЧА О ЗМЕЕЛОВЕ

Поймать змею решив среди снегов,
Забрался в горы некий змеелов.

Известно: тот искомое найдет,
Кого упорство за собой ведет.

В скалистом и заснеженном краю
Искал охотник редкую змею

И вдруг застыл, увиденным сражен:
В снегу лежал, раскинувшись, дракон.

Шел за змеей ловец, но возле скал
На чудище издохшее напал.

Ловец находке до смерти был рад.
Он притащил чудовище в Багдад

И стал его показывать тотчас,
С зевак взымая плату за показ.

«Ну и досталось мне, — он им твердил, —
Охота заняла немало сил».

Ему, бедняге, было невдомек,
Что он живым дракона приволок.

Он понял бы, взглянувшись в него всерьез:
Не умер тот — окоченел в мороз.

А между тем, как к шаху на поклон,
Бежал к ловцу народ со всех сторон.

«Убит дракон! — кричали тут и там. —
Страшилище сейчас покажут нам!»

Ловец, став жертвой глупости своей,
Обвел вокруг пальца тысячи людей.

Они теснились шумною толпой,
Как стадо, что пришло на водопой.

Укрыл охотник чудище от глаз,
Набросив покрывала и палас.

Он посчитал: толпа невелика,
Поэтому повременит пока.

Когда же будет полон весь базар,
Повыгодней покажет свой товар.

Народ валил, и расширялся круг.
Как в Судный день, смешалось все вокруг.

Не различить, кто беден, кто богат:
И те, и эти рядышком стоят.

Дракон лежал под грудой покрывал.
Его канат толстенный обвивал.

А солнышко уже вовсю пекло.
Согрело кровь чудовища тепло.

Дракон вдруг ожил к ужасу людей.
Стал извиваться преогромный змей.

Оцепенел народ, но через миг
Послышались стенания и крик.

Все задали с испугу стрекача,
Упавшего безжалостно топча.

№3 Рассвирепел очнувшийся дракон,
Услышав гомон, человечий стон.

С себя он сбросил гору покрывал,
Одним рывком канаты разорвал.

И пасть разверз, и зарычал, как лев.
Ужасны были вид его и гнев.

Толпа тогда совсем сошла с ума.
Народу в толче погибло тьма.

И только на ловца нашел столбняк —
Не может с места сдвинуться никак.

Он думал в страхе: «Всемогущий Бог,
Кого же я с вершины приволок?!

Дурак набитый, истинный слепец,
Я сам приблизил собственный конец!»

И впрымъ дракон явил ему свой нрав:
Схватил, сожрал, как кролика удав.

Затем к столбу прижался что есть сил
И кости змеелова раздробил.

NB Великое предупреждение человечеству: вспомним о ядерной энергии и других непознанных «чудесах», предназначенных для выгоды и славы. Человек думает, что смирил и подчинил себе начала, которые по сути своей остаются непознанными и смертоносными. То же относится к внутреннему миру самого человека: не зная духовно-психической реальности дремлющих в нас страстей, склонностей, сил, энергетических источников, можно с помощью профанических упражнений пробудить в себе страшного дракона. Отсюда пред оккультизма, магии и проч. Опытный учитель (суфий) обращается осторожно с внутренним миром ученика и учит тому же его самого. Страсты, которые, казалось бы, смирены и умерщвлены, могут, подобно дракону, «пробудиться» и принести страшные беды.

Рассказ об ослице и колючке. Здесь содержится намек на умение шеяха «резким движением» — неожиданным и порой жестким вмешательством в жизнь мюрида — освободить последнего от тяжелых внутренних состояний и душевных страданий. Подобная практика применялась и в других системах духовного обучения, в том числе в дзэн-буддизме. В притче можно усмотреть также и намек на благодарность, выражаемую истинным суфием в ответ на постигающее его наказание, посредством которого Бог исцеляет и совершенствует человеческую душу (ср. слова апостола Павла: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности» — Евр. 12, 11).

РАССКАЗ ОБ ОСЛИЦЕ И КОЛЮЧКЕ

Попал репей под хвост одной ослице,
Как бедной от него освободиться?

Кого просить, чтобы репей извлек,
Который и колол ее и жег?

Она лягалась, по земле каталась,
Колючка только глубже в зад вонзилась.

NB Ослица так ревела, что пинок
Ей кто-то дал под зад, и он помог.

Хвала пинку, который в трудный час
Освобождает от колючки нас.

NB Смысла наказания («пинка») в суфийской педагогике: оно освобождает от больших страданий, исцеляет пороки. Во время наказания ученик избавляется от «колючки» — будь то внутренний избыток, склонность к злу, страдание невежественной души. Полная противоположность этому — наказание как способ избавить общество от нежелательных проявлений человеческой самости, притом без оглядки на человека как такового.

Пожар. Неумение ученика смирять свои дурные наклонности приводит к разжиганию в нем неуменного «пожара» страстей. Поскольку противовесом подобному образу жизни ортодоксальный Ислам считает исполнение заповедей (особенно относящихся к благотворительности — «садбака»), у многих учеников возникал вопрос: почему, ведь внешне вполне альтруистический образ жизни, они никак не могут избавиться от своих злых наклонностей — «погасить пожар»? Ответ дается в притче: действенность заповеди зависит от сердечного намерения, сопровождающего ее исполнение, в данном случае от искреннего расположения к благодетельствуемому — т. е. любви к ближнему. «Гордьни в сердце не смиришь», морид не может исполнить заповедь надлежащим образом.

ПОЖАР

В одном kraю во времена Омара
Народ не мог остановить пожара.

Огонь пыпал, в своем остервененье
Он каменные пожирал строенья.

И ввысь и вглубь огонь свой жар простер —
До птичьих гнезд и до звериных нор.

Вода и та в испуге отступала,
Огню вреда не причинив нимало.

И струи уксуса из бурдюков
Его не унимали языков.

Не знал огонь ни удержу, ни страха,
Как будто в нем был промысел Аллаха.

И вот пришли старейшие к Омару:
«Что делать? Не видать конца пожару!»

Властитель отвечал: «Огонь силен,
Поскольку вашей скупостью рожден.

Откройте двери, дайте бедным хлеба,
И вас услышит, вам поможет небо!»

Сказали горожане: «Мы давали
Свой хлеб, мы двери в дома раскрывали!»

NB «Вы хлеб давали, — отвечал халиф, —
Своей гордыни в сердце не смирив.

Давали вы несчастным хлеб и воду —
Не им, а гордости своей в угоду!»

NB *Неотзывчивость, себялюбие вызывают бедствие («пожар»). Здесь подчеркивается важность искренности в помощи нуждающимся. Источник блага — в мысли, чувстве, сострадании, т. е. в чистом сердце. Небо воздает за намерение, которое не может быть от него скрыто, и наказывает за лицемерие. Важнейшее в воспитании — «возвращение» искренности в ученике.*

О том, как крестьянин гладил льва... Притча описывает состояние ученика, не имеющего подлинного представления о грозных деструктивных началах («льве»), таящихся в его подсознании («во тьме»), и принимающего их за положительные стремления («быка»). Научить мюрида властвовать над своими разрушительными страстями и стремлениями — одна из педагогических целей шейха.

**О ТОМ, КАК КРЕСТЬЯНИН ГЛАДИЛ ЛЬВА
В ТЕМНОТЕ, ПОЛАГАЯ, ЧТО ЭТО БЫК**

Исполнил некто свой дневной урок
И в хлев быка поставил под замок.

А ночью лев, засова не задев,
Сожрал быка, проникнув с крыши в хлев.

Он сытый лег на месте, где привык
Валиться по ночам покойный бык.

Попшел хозяин, чем-то озабочен,
Свою проверить собственность средь ночи.

NB Во тьме он гладил львиные бока,
Считая, будто гладит он быка...

И думал лев: «Благодари Аллаха,
Что здесь темно, а то хлебнул бы страха!»

NB Легко сопоставляется со словами из апокрифического Евангелия от Фомы: «Блажен лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят человек, которого съест лев, и лев станет человеком». В человеке — два начала: благородно-человеческое и жестоко-звериное. Одно из них, в конце концов, побеждает — «съедает» другое, подчинив его себе. По внешности человек выглядит как остальные, но что взяло в нем верх — «человек» или «лев»? Или, как в данной притче, кто находится в «стайле» (теле) — бык или лев? Истинный учитель видит, с кем имеет дело в лице ученика, и не станет «гладить» в темноте затаившегося в стиле «льва», т. е. потворствовать звериным инстинктам воспитанника.

Рассказ о том, как некий человек посадил на дороге колючий кустарник. Здесь аллегорически описана ситуация, при которой человек постоянно откладывает борьбу с дурными чертами своего характера, которые ранят сердца окружающих — «кровавят проходящим ноги». В образе правителя представлен шейх, многократно предупреждающий мюрида о последствиях такого поведения.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК НЕКИЙ ЧЕЛОВЕК ПОСАДИЛ НА ДОРОГЕ КОЛЮЧИЙ КУСТАРНИК

Кусты колючек некто на дороге
Взрастил, и люди обдирали ноги.

Его просили: «Срежь ты их с земли»,
Но он не слушал, и кусты росли.

Кустарник вырастал под небом Божьим,
Бедою сущей он предстал прохожим.

Шипы впивались в дервишей босых,
Одежды рвали юных и седых.

Узнав об этом, приказал правитель,
Чтоб перед ним предстал кустов садитель.

И так сказал: «Колочки уничтожь!»
Кто посадил их, отвечал: «Ну что ж,

Я с корнем вырву их на той неделе!»
Но все ж кусты росли, и дни летели.

Ослушник вновь предстал перед владыкой,
И тот сказал в печали превеликой:

NB «Пойми, несчастный, то, что взращено,
В конце концов ты вырвешь все равно!»

Но чем ты мне противишься упорней,
Тем глубже в почву проникают корни.

Становятся, увы, с теченьем дней,
Слабее люди, дерева сильней.

Вот и за это время — видит Бог —
Кусты набрали сил, а ты усох.

Пойми: чем больше ты упустишь дней,
Тем корни будет вырывать трудней.

И говорю я ныне от души:
Покуда сила в теле — поспеши.

Ибо кровавят проходящим ноги
Не только те колючки на дороге,

Но каждый твой изъян и твой порок,
Что ты взрастил, а выдернуть не мог!»

NB Замечательно сказано! Чем дольше отказывается человек бороться со своими злыми наклонностями, тем сильнее они в нем укореняются — и тем больше, переходя в поступки, «язвят» всех, кто с ним соприкасается. В притче злые наклонности уподоблены «колючками», а окружающие — «прохожими». Учитель, выступающий здесь под видом «владыки», способен только дать хороший совет; последовать же совету или пренебречь им — дело самого ученика...

Рассказ о старом человеке... Притча иллюстрирует суфийское положение о том, что причины всего происходящего с человеком («хворей») следует искать в нем самом («старость» символизирует здесь постоянно действующие духовные причины, а «гнев» — состояния, в которые человек периодически впадает). Без перемены внутренних факторов бесполезно прибегать к чисто внешним воздействиям на ученика («снадобьям от всякой хвори»).

РАССКАЗ О СТАРОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ЖАЛОВАЛСЯ НА СВОИ БОЛЕЗНИ

Однажды к лекарю старик пришел,
Сказал: «Я стал на голову тяжел!»

Ответил лекарь: «Что ж, твои года
Тому причина, что пришла беда!»

Больной заголосил: «Мой меркнет свет!»
Врач объяснил: «Все от преклонных лет».

Сказал старик: «Я согнут, словно лук!
«От возраста и этот твой недуг!»

Старик стонал: «Моя горька еда!»
«Что делать, — лекарь отвечал, — года».

«Вздохнуть мне трудно. Все вокруг темно!»
«Так в возрасте твоем и быть должно».

Старик заохал: «Ослабела похоть!»
Ответил врач: «Ты стар, так что же охать!»

Сказал болеющий: «Что со мною стало!»
Сказал целящий: «От годов усталость».

Разгневавшись, больной немного ожил:
«Ты словно швец, что шьет одно и то же.

Года, года — заладил мне на горе,
Меж тем есть снадобье от всякой хвори.

Не можешь одолеть болезней зло,
Так избери другое ремесло!»

«Что ж, — врач сказал, — мне наблюдать случалось,
Как гнев напрасный порождала старость.

От старости твое не только тело,
Но и душа изрядно одряхлела.

Кто, гневаясь, себя сдержать не может,
Тем никакое зелье не поможет!»

Рассказ о том, как сокол уговаривал уток... Притча иллюстрирует одну из любимых тем Руми — о вреде неосмысленного подражания. Только сообразясь с теми врожденными возможностями ученика, которые ему «отведены природой навсегда», which может достичь успехов в воспитании. Надо заметить, что, в отличие от известного высказывания М. Горького: «Рожденный ползать — летать не может», здесь ударение ставится не на предрасположенности к обучению вообще (в этом смысле, согласно Руми, возможности каждого ученика поистине безграничны), но именно на обстоятельствах, наиболее пригодных для развития каждой индивидуальности. «Жить» (т. е. по-настоящему духовно развиваться) «соколы» и «утки» предназначены в совершенно разных условиях...

РАССКАЗ О ТОМ, КАК СОКОЛ УГОВАРИВАЛ УТОК ПОКИНУТЬ ПРУД И УЛЕТЕТЬ В СТЕПЬ

Однажды сокол уткам говорил:
«У вас, несчастных, разве нету крыльев?

Что ж вы сидите на своем болоте,
В степь не летите по своей охоте?»

Сказали утки: «Нас не искушай,
Вода нам крепость, нам болото — рай.

И вообще отнюдь не всякой птице
То подобает, что тебе годится.

Пусть ни зовет ни сокол, ни Иблис,
Нас прочь оттуда, где мы прижились.

NB Отведены судьбою навсегда
Одним простор степей, другим — вода!»

NB Очень важная для педагога притча! Люди различаются по своей природе: одни созданы «для дальних полетов», другие — для жизни «в тихой заводи». Заметим, что Руми не «унижает» уток и не «возвышает» сокола, а просто констатирует: «Отнюдь не всякой птице то подобает, что тебе годится». Это означает, что самим Богом разные «породы» учеников предназначены к разной деятельности. Как раз педагога, который ко всем подходит с одной меркой и судит обо всех по себе, символизирует сокол в данной притче. Не надо требовать от ученика невозможного, а потом сокрушаться, что он не оправдал надежд.

Рассказ о том, как собака каждую зиму... К мыслям об истинном, духовном обустройстве своей жизни («построению дома») человек, согласно этой притче, склонен обращаться в трудные времена («став тощим»), но вновь забывать о них в периоды благоприятные («сытные»), когда наступает время исполнить обеты, принесенные Богу в момент бедствия. В Коране об этом сказано так: «Когда людей настигает зло, они взывают к Господу своему в раскаянии. А потом, когда Он дает вкусить им от Своего милосердия, то некоторые из них поклоняются наряду со своим Господом другим богам, дабы не признавать того, что Мы им даровали...» (Коран 30, 33–34).

РАССКАЗ О ТОМ, КАК СОБАКА КАЖДУЮ ЗИМУ ДАВАЛА КЛЯТВУ ПОСТРОИТЬ ДЛЯ СЕБЯ ДОМ, КОГДА НАСТАНЕТ ЛЕТО

Зимой собака бедная всегда
Сжимается, становится худа.

Зимою говорит себе собака:
«Такой я стала тощею, однако,

Что мне для сократившегося тела
Жилье построить — шуточное дело.

Клянусь, что летом я построю дом,
Притом, пожалуй, с небольшим трудом».

Но летом сытно и неторопливо
В тени собака думает лениво:

«Я дом воздвигла бы, но чья вина,
Что стала велика я и тучна,

И не построить дом такой обширный,
Чтоб уместиться мне, большой и жирной!»

Когда людей несчастия гнетут,
Они обеты частые дают.

Построить дом они клянутся, плача,
Той самой зимней клятвою собачьей.

А после все обеты забывают,
Когда немногого беды отступают.

История о том, как суфий объяснялся в любви... дорожному мешку... Примечание может быть понята в разных аспектах. С одной стороны, в ней можно усмотреть насмешку над лжесуфизмами, поклоняющимися одной лишь видимости, внешней форме явлений (в таком случае под «пустым мешком» можно разуметь шарлатана, выдающего себя за духовного наставника). С другой стороны, примечание учит, что всякая внешняя форма и видимое действие для познавших Истину — только предлог для обращения к невидимой сущности мира, намек на Высшую Реальность, ощущение которой недоступно для профанов («простака»), критикующего суфии за их действия (так, последователей самого Руми мусульманские ортодоксы порицали за практику экстатических танцев — суфийских «радений», которая многим представлялась «бессмысленной» или даже «безнравственной»).

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СУФИЙ ОБЪЯСНЯЛСЯ В ЛЮБВИ ВИСЯЩЕМУ НА СТЕНЕ ДОРОЖНОМУ МЕШКУ, В КОТОРОМ НЕ БЫЛО НИКАКИХ ПРИПАСОВ

Однажды суфий, человек святой,
Увидел на гвозде мешок пустой.

Увидел суфий эту благодать
И стал в слезах свои одежды рвать.

«Лишь в нем, — воскликнул суфий, — нет коварства,
В нем царство нищих и от бед лекарство!»

NB Кричали: «Вот спаситель наш от бед!»
Другие суфии за ним вослед.

Они порой смеялись и рыдали,
Мешок пустой хваленьем прославляли.

У простака вопрос сорвался с уст:
«Что прославлять мешок, который пуст?»

Ответили ему не без презренья:
«Ты здесь к чему, ты чужд воображенья?

Ступай отсюда, если ты такой,
Что зришь лишь то, что можно взять рукой.

В мечтах влюбленный видит днем и ночью
Предмет любви, невидимый воочью!»

NB По-моему, здесь приведен яркий пример того, что люди могут лишь называться суфиями (равно как и наставниками, мудрецами, «совершенными людьми»), но не быть ими на деле. Такие люди губят в первую

очередь свои собственные души, а затем и души своих последователей. Не про них ли сказано в Новом Завете: «...Не многие делайтесь учительями...» (Иак. 3, 1)? Лжеучителей и ослепленных их авторитетом учеников имел в виду и сам Иисус, когда говорил: «...Может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?» (Лук. 6, 39). Обратим внимание, что свое поклонение «пустому мешку» (являющемуся, очевидно, образом духовно опустошенного человека), описываемые в притче лжесущии калюфлируют своей якобы высокой духовностью, симулируя восторг и возвышенный экстаз. И еще один признак ложных проповедников — это их любовь к внешнему подражанию, без проникновения в суть дела. Ведь «пустой мешок» был провозглашен святыней сначала лишь одним «суфием», а другие просто подхватили эту идею... Особенную большую роль играет подражательство, как известно, в подростковой среде. И как часто мы, взрослые, уподобляемся тому «простаку» из данной притчи, который тщетно старается развенчать кульп «пустого мешка!..

Рассказ о человеке, который молился во здравие грешников. Здесь описан известный в суфизме метод «доказательства от противного», или «обучения на отрицательных примерах». Кроме того, в притче содержится указание на необходимость молиться о покаянии и последующем прощении нечестивых, пример чему дал праотец Авраам (в Исламе — Ибрахим), молясь за грешных жителей Содома (Быт. 18, 23–32). В Коране об Ибрахиме сказано так: «...Он вступил с Нами в спор о народе Лута [т. е. о содомлянах, среди которых жил Лот], ибо Ибрахим — кроткий, отзывчивый, сожалеющий...» (Коран 11, 74–75). У Саади есть рассказ о дервише, который молился так: «Господи, будь милостив к дурным, а к добрым Ты милостив уже тем, что сотворил их добрыми!» (Гулистан, глава «О правилах общения»).

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ МОЛИЛСЯ ВО ЗДРАВИЕ ГРЕШНИКОВ

Один мулла, а может быть, факих
Молил о здравии людей плохих.

«О Господи, — он возглашал с мимбара, —
Пусть лютая их не постигнет кара!

Пусть будет счастлив всяк прелюбодей
И вор, что грабит праведных людей!»

За них молился он, не зная страха,
За злых, не за избранныков Аллаха.

Его корили: «Не молись за тех,
На чьей душе лежит великий грех!»

Но рек молящийся: «От них в свой час
Извлек я больше пользы, чем от вас.

И потому моя молитва свята,
Что много зла я сам совершил когда-то.

NB Но не безгрешные столпы земли
С пути греха сойти мне помогли.

Лишь грешников отвратные примеры
Меня вернули на дорогу веры.

Толкнули гнусные деяния их
На осознание грехов моих.

Вот и молюсь я о благополучье
Людей, из-за которых сам стал лучше!»

Друзья, деяния врагов иных
Порой полезней ваших слов благих!

NB Притча явно указывает на то, что даже из зла можно извлекать добро: в данном случае — учиться на примерах злодеев тому, как не надо поступать... Смысл этой притчи приложим и к одной из злободневных проблем нашей педагогики. В настоящее время появилось много элитарных учебных заведений, в которых ученики составляют в том или ином смысле «рафинированное» сообщество. В результате воспитанники таких заведений лишаются возможности учиться на отрицательных примерах и оказываются в дальнейшем менее приспособленными к реальной жизни, чем их сверстники, не пережившие в годы учебы элитного «отделения пшеницы от плеяда».

Рассказ о дубильщике кожи... Смысль притчи в том, что внезапное и интенсивное духовное воздействие («благовонье») может повредить состоянию неподготовленного и, тем более, погрязшего в пороках человека, который «благовонье мудрых слов презрел...». Таких неготовых к духовному общению людей суфии не допускали на свои радения.

РАССКАЗ О ДУБИЛЬЩИКЕ КОЖ, КОТОРЫЙ ПОТЕРЯЛ СОЗНАНИЕ НА БАЗАРЕ, В ТОМ РЯДУ, ГДЕ ПРОДАВАЛИ БЛАГОВОНИЯ

Пришел дубильщик кожи на базар,
Быть может, приглядеть какой товар.

И вдруг нежданно потерял сознанье
В ряду, где продавали притиранья.

Где благовонья продавал купец,
Упал дубильщик, бледный, как мертвец.

Конечно, сразу всякий праздный люд,
Сбежавшись, начал суд да пересуд.

Стал кто-то из зевак шептать со страха:
«Все происходит с ведома Аллаха!»

Прохожий некий для поднятия сил
Больного розовой водой кропил.

Хотя, быть может, запах той воды
Как раз довел беднягу до беды.

Ему рубаху расстегнув на горле,
Соломою и глиной шею терли.

Его слегка приподнимали двое,
А третий к носу подносил аллоэ.

Принюхавшись, один чудак сказал:
«Быть может, он терьянк употреблял?»

Хоть знали все, что без веленья свыше
Не может и лохань свалиться с крыши,

Причины не постигнувший народ
Решил: «Пусть брат кожевника придет!»

Все расспросивши, брат не без расчета
С собою взял собачьего помета.

Известно: хворь невинна, не страшна,
Когда ее причина нам ясна.

И вот над братом брат склонился, плача,
К лежащему поднес дермо собачье.

NB Ведь тем, кто вонь вдыхает много лет,
От нежных запахов бывает вред.

Предписывает мудрость древних книг
Тем и лечить, к чему больной привык.

И понял брат: нашла болезнь на брата
От странного чужого аромата.

Он, все обдумав, сунул брату в нос
Того немногого, что с собой принес.

И начал растирать между ладоней
Собачье снадобье от благовоний.

И вот уже вдыхал знакомый дух
Больной, что зренье потерял и слух.

Глаза он приоткрыл, пришел в движенье, —
Все, кто там был, одобрили лечение.

Итак, зловонье тех из нас удел,
Кто благовонье мудрых слов презрел.

NB По-видимому, притча предостерегает от того, чтобы «чужой аромат» духовности, высшей мудрости и т. п., касался «обоняния» (т. е. разума и чувств) тех, кто не подготовлен к этому предыдущей жизнью. Человеку, привыкшему к «смраду» злых замыслов и дел, внезапное соприкосновение со святостью и высокой духовностью может только повредить. Вспомним предупреждение Спасителя: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями...» (Матф. 7, 6). Заметим, что сказанное не относится к тем, кто приносит покаяние за свой «зловонный» образ жизни и готов переменить его. Однако ведь в последнем стихе явно сказано: речь в притче идет именно о том, «кто благовонье мудрых слов презрел», т. е. — не раскаялся.

Рассказ о том, как некий ученик, прия к своему наставнику, застал того плачущим. Это еще одна яркая притча о вреде внешнего подражания (таклид), объектом которого может быть даже прославленный шейх. Внимание мюрида должно быть постоянно сконцентрировано только на его внутренних переживаниях — движениях сердца («глубине души»), дабы он достигал не подражательного или искусственно вызванного, а подлинного экстатического озарения (ваджда).

РАССКАЗ О ТОМ, КАК НЕКИЙ УЧЕНИК, ПРИЯ К СВОЕМУ НАСТАВНИКУ, ЗАСТАЛ ТОГО ПЛАЧУЩИМ

К учителю явился ученик,
К тому, чей горем был отмечен лик.

Услышав плач наставника, и сам
Дал волю ученик своим слезам.

Рыдал он, плачем оглашал обитель,
Хоть и не знал, о чем скорбит учитель.

Но смолк учитель — шейх преклонных лет —
И вышел прочь, а ученик вослед.

Ученику промолвил старец чинный:
«Мне многостранен плач твой беспричинный.

И как ни искренне твое рыданье,
Но все ж его основа — подражанье.

Достоин только осужденья тот,
Кто без причин, как туча, воду льет.

NB Ведь слезы подражания едва ли
Сродни слезам беды, слезам печали.

Ты никогда слезами не греши,
Что рождены не в глубине души!

NB Как известно, процесс обучения, особенно на ранних стадиях, во многом основан на подражании. Но где же проходит грань между подражанием творческим, полезным, необходимым — и подражанием бездумным и бесплодным? В данной притче Руми приводит пример прямо-таки кощунственного подражания, вызвавшего прямой упрек опечаленного собственным горем учителя. Дело в том, что, в отличие от знаний и умений, чувства — это та сфера, в которой подражание, по определению, невозможно. Подобные действия способны породить лишь неискренность и неестественность, а ведь одно из главных условий воспитания — это «возвращение» в ученике искренности.

ПРИТЧА О МУРАВЬЕ, КОТОРЫЙ УДОВЛЕТВОРЯЕТСЯ ОДНИМ-ЕДИНСТВЕННЫМ ЗЕРНОМ. Рассказ иллюстрирует различие между широтой и объемностью того духовного восприятия действительности, которому учатся суфии, — и односторонностью мышления обычных людей. Суфийское восприятие отождествляется с «мудростью Сулаймана» (бibleйского царя Соломона). Согласно Корану, Сулайман сказал: «Мы были обучены языку птиц, и нам были дарованы все блага» (Коран 27, 16). В образной системе суфизма птицы символизируют возышенные души, которым дано с духовных высей созерцать события в их взаимосвязи.

**ПРИТЧА О МУРАВЬЕ, КОТОРЫЙ УДОВЛЕТВОРЯЕТСЯ
ОДНИМ-ЕДИНСТВЕННЫМ ЗЕРНОМ, ВОЛОЧА ЕГО
ОТТУДА, ГДЕ МНОЖЕСТВО ЗЕРЕН**

Бедняжка муравей одно зерно
Из кучи ташит, где зерна полно.

И труд его столь тяжек и упорен,
Что остальных он и не видит зерен.

Хозяин тока, опытный мудрец,
На вора глядя, думает: «Слепец!

Ты, прилепясь душою к пустяку,
Не зришь обилья на моем току».

Так многие из нас в пленау обмана
Постичь не могут мудрость Сулеймана,

NB Пылинкой малою ослеплены,
Не видим мы ни солнца, ни луны.

Меж тем любая тварь — всего лишь глаз,
Чтоб видеть Истину в счастливый час.

NB В отличие от муравья, человек не должен полностью отождествлять себя с той деятельностью, которой он занимается, будь то в семье, в профессиональной сфере, социальной жизни и т. п. Поступая иначе, он, по известной русской пословице, может «не увидеть за деревьями леса», а согласно притче Руми — «не увидеть солнца и луны», — самого главного в жизни, — из-за ослепляющей его «пылинки» некой частной ситуации. Таким образом, притча напоминает о необходимости расширения человеческого кругозора «до бесконечности вселенной». Именно такое «стереоскопическое» зрение жизненно важно для преподавателя любого предмета: частные знания он должен стараться преподносить на фоне общей картины мироздания, показывая живую связь своего предмета с универсумом.

Притча о бакалейщике и попугае. Попугаю уподоблен здесь тот, кто, внешне подражая обычаям суфииев-дервишей (обивая голову и т. п.), начисто лишен внутренних качеств искателя Истины (слово «дервиши» означает «ищущий»). Сходство с попугаем усугубляет тот факт, что эта птица подражает человеческой речи.

ПРИТЧА О БАКАЛЕЙЩИКЕ И ПОПУГАЕ, ПРОЛИВШЕМ БЛАГОВОННОЕ МАСЛО

Тем некий лавочник любил хвалиться,
Что у него диковинная птица,

Что попугай и лавку сторожил
В тот час, когда хозяин уходил,

И забавлял своим словесным даром
Входивших в заведенье за товаром.

И в этот раз хозяин под призор
Ему оставил все, как до тех пор.

Сел попугай привычно на прилавок
Межу мешков, кулей и всяких травок.

Но где-то кошка пробежала вдруг,
И попугаем овладел испуг.

Случилась неприятность с ним, ученым:
Бутыль разлил он с маслом благовонным,

Меж тем хозяин в лавку возвратился,
Учуял аромат и рассердился.

И так отдал птицу он со зла,
Что та лишилась своего хохла.

Сказать точнее — птица облысела,
От горя не пила она, не ела.

И, что гораздо хуже, замолчала,
О чем хозяин горевал немало:

«О солнце моего благополучья.
Стать лысым самому мне было б лучше!

Уж лучше бы сломать мне руку ту,
Что обрекла тебя на немоту!»

О том он дервишей просил молиться,
Чтоб к птице речь могла бы возвратиться.

Власы он рвал, стенал: «О, горе мне,
Умолкла птица по моей вине!»

Он редкие показывал ей вещи,
Но лысый попугай молчал зловеще.

Три темных ночи, три печальных дня
Промчались, ничего не изменя.

И надо ж было дервишу случиться,
Чье тело прикрывала власяница.

На голове его зияла плеши.
И крикнул попугай: «Меня утешь!

Скажи, что и тебя, брат, оголили
За то, что масло пролил из бутыли!»

Всем показалось шуткою смешной,
Что счел он дервиша себе ровней.

Есть много слов, чье сходно написанье,
Хоть и совсем различно содержанье.

И кто-то в заблуждении глубоком
Себя считать готов под стать пророкам.

Мы тоже, мол, сродни мужам святым;
Мы, как они, едим, и пьем, и спим.

Сии слепцы не чувствуют различья,
Равняя все: ничтожность и величье.

NB Что делать, с одного цветка берет
Змея свой горький яд, пчела — свой мед.

Две кабарги в долине обитали.
Одни и те же травы их питали,

Но мускуса одна дала немало,
И лишь навоз вторая даровала.

Двух тростников так схожа красота,
Но сахар в том, а в этом — пустота.

Таких примеров тьма, и человек
Все постигает, доживая век.

NB Многие вещи, события, явления мира сего, а также способности, знания и умения человеческие сами по себе этически не окрашены. Добро или зло («мед или яд») производятся на свет нашей свободной волей. От ее направления зависит и использование внешних возможностей («нектара цветка») на благо или во вред людям, причем в широчайшем диапазоне (от целящего «меда» до гибельного «яда»). С точки зрения суфизма, прежде чем приступить к обучению, учитель должен быть уверен, что ученик не использует приобретенные знания во зло.

Рассказ о мастере и косоглазом подмастерье. Примечание иллюстрирует разницу между шейхом («мастером»), достигшим просветления и поэтому прозревающим Лик Аллаха за «завесами» материальных вещей («один сосуд»), — и вступающим на духовный путь мюридом, которому бытие представляется раздробленным на множество феноменов («два сосуда»). Ощутить единство бытия человеку мешают его душевные пороки («косоглазие»).

РАССКАЗ О МАСТЕРЕ И КОСОГЛАЗОМ ПОДМАСТЕРЬЕ

Сказал однажды мастер подмастерью:
«Возьми сосуд, что в комнате за дверью».

Был мальчик косоглаз, и он, — о чудо —
Вошедши в дом, увидел два сосуда.

Косой вернулся, попросил сказать,
Какой ему из двух сосудов взять?

Хозяин рек: «Один сосуд у нас,
Его на два с косьих ты множишь глаз!»

Сказал косой: «Я видел два сосуда,
Какой из них мне принести оттуда?»

Был мастер стоец в правилах своих:
«Когда их два, разбей один из них!»

Послушал подмастерье и тотчас
Разбил один — другой сокрылся с глаз.

NB Пороки, коим «зло» и «похоть» имя,
Людей нередко делают косыми.

Пороки эти наш туманят взгляд,
В одном предмете видеть два велят.

А если и корыстью мы грешим,
То нам и вовсе числиться слепым.

NB Здесь очевидно выражен важный принцип суфийской психологии: всякое восприятие действительности преломляется сквозь внутреннее состояние человека, поэтому, анализируя то, как ребенок («мальчик» притчи) воспринимает те или иные феномены окружающего мира, учитель может оценить его внутреннее состояние.

Причта о том, как некий халиф задал вопрос Лейле...
Здесь Лейла символизирует Божественный Абсолют — цель всех стремлений, объект преданной любви суфийского адепта («Меджнун»). В образе халифа представлен человек, ослепленный эгоизмом и корыстолюбием («мыслями, где убыток, где барыш»), который напрасно проживает жизнь, гоняясь за материальными объектами — призрачными проекциями, «теньями» Высшей Реальности. В этой причте отражено суфийское (восходящее к учению Платона) представление о взаимоотношении между прообразом (архетипом) явления, находящимся в вышнем мире, — и его отображением — «тенью» — в мире вещественном. Жизнь становится осмысленной лишь в том случае, если человек находится «на тропах к высшим вечным», а не гоняется за тем, «что призрачно и тленно». И лишь истинная любовь — «безумье» в глазах закоренелых материалистов — служит верным проводником в горные обители...

ПРИЧТА О ТОМ, КАК НЕКИЙ ХАЛИФ ЗАДАЛ ВОПРОС ЛЕЙЛЕ И ЧТО ОНА ЕМУ ОТВЕТИЛА

Спросил халиф: «Так ты и есть Лейла,
Что Кайса бедного с ума свела?

Но я в тебе красы не нахожу,
Как ни гляжу, с ума я не схожу!»

И прошептали губы девы юной:
«Чтоб зреть красу, ты должен быть Маджнуном,

И свет его нести в своих глазах,
И верным мне в обоих быть мирах,

Пьянь от моего прикосновенья
И почитать несчастьем отрезвенье.

NB, Душа того, кто бдит, усыплена,
И это бденье много хуже сна.

Меж тем безумье нам дарует плен,
Благоразумью трезвому взамен.

И все же Истина к тому, кто верит,
Стучит, как путник в запертые двери.

А если ты в душе своей таишь
Лишь мысли, где убыток, где барыш,

Мне жаль тебя: на тропах к высшим вечным
Блаженства людям не познать беспечным.

Там всяк проигрывает неизменно,
Кто связан с тем, что призрачно и тленно.

Порой летит высоко в небе птица,
Лишь тень по полю, по дороге мчится.

И ты, глупец, бежишь за ней весь день,
Но как поймать то, что всего лишь тень?

NB₂ Ты видишь не предмет, а тень предмета,
А где же сам предмет? Он в небе где-то.

Свершает птичка в небесах паренье,
А на земле всего лишь отраженье.

И эту тень пронзаet вновь стрела,
Которую пускаешь ты со зла.

Что тени этой от летящих стрел?
А жизнь прошла, колчан твой опустел».

NB₁ Притча выражает, как мне кажется, следующую идею: «бдение», или рассудочная трезвость, т. е. рационалистическое постижение, не позволяет проникнуть в истинную природу вещей, поскольку последняя коренится в метафизическом, духовном мире. Таким образом, «халиф» (т. е., говоря языком Священного Писания, «плотский разум»), не может даже узреть ту скрытую красоту вещей («Лейлы»), которая постигается в состоянии экстатического озарения, вдохновения, когда чувства человека обострены, и постижение происходит интуитивно («Меджнун» в переводе с арабского — «безумец»).

NB₂ Чтобы не прожить жизнь зря (пока не опустел «колчан»), человек не должен заниматься «охотой за тенями», т. е. изучением лишь частных феноменов бытия. Ему, напротив, следует направить внутренний взор на постижение самой Истины, «отражением» которой является вся множественность феноменов материального мира. Обучение, согласно суфийской традиции, должно вести ученика от явного (физического) к скрытому (духовному), обострять его внутреннее восприятие, чтобы он не обманывался «кажущейся завершенностью» вещественного мира.

Рассказ о царе Сулеймане и удоде. Здесь в иносказательной форме разрешается вопрос о том, почему даже мудрейшие суфийские шейхи (удод — символ мудрости) порой попадаются в «силки» ошибок и несчастий. Это происходит по воле Бога, определяющего судьбу каждому творению, которую ни один мудрец не в силах изменить. На более глубоком уровне «ошибки людей просветленных связаны с чередованием мистических «дня и ночи» — откровения Лица Аллаха и Его сокрытия («мне очи за-

стит мрак, и солнце гаснет»). Ср. развитие той же темы у Саади: «В своей способности к созерцанию Бога не всегда одинаков святой — она у него колеблется между озарением и слепотой. Бог то показывает Себя ему, то скрывается от него» («Гулистан», глава «О нравах дервишей», пер. Рустама Алиева).

РАССКАЗ О ЦАРЕ СУЛЕЙМАНЕ И УДОДЕ

Царь Сулейман проснулся поутру,
И птицы подошли к его шатру.

Владыка знал небесных птиц язык,
Хоть и не только этим был велик.

НВ И вообще душа душе близка
Не только пониманьем языка.

Порою понимает, как ни странно,
И турок уроженца Индостана.

И может турка не понять вовек
В его kraю рожденный человек.

Ведь кроме речи есть язык доверья,
Которым люди связаны и звери.

Поэтому все твари шли, как други,
Чтоб предложить царю свои услуги.

Пред Сулейманом каждый в меру сил
Свое уменье славил и хвалил.

Вот очередь дошла и до удода:
«Я даром наделен такого рода:

Из всех пернатых я могу один
Учуять воду средь земных глубин.

И как бы ни был мой полет высок,
В земле я вижу русло и исток,

Да буду, Сулейман, тебе отныне
Полезен я в походах по пустыне!»

«Ну что ж, — промолвил Царь, — в степях безводных
Ты будешь средь друзей, для нас угодных,

И влагу, без которой жизни нету,
Определишь по запаху и цвету».

Но ворон, позавидовав удоду,
Прокаркал: «Врет он, что находит воду,

Будь столь его таланты велики,
Не попадал бы сам удод в силки.

Меж тем известно всем, что птицы эти,
Подобно прочим, попадают в сети!»

Подумал царь и молвил: «Мой удод,
Похоже, ворон в этот раз не врет.

Хоть, может статься, твой напиток сладок,
Но все ж и в первой пиале осадок!»

«Мой царь, во имя всех на свете благ
Не слушай ты, что каркает мой враг.

Поверь мне: то, что я сказал, — не должно:
Я вижу с неба все, что видеть можно.

Открыто сверху взору моему
Лишь то, что не грозит мне самому.

Но если в западню судьба попасть мне,
Мне очи застит мрак, и солнце гаснет!»

№ Прекрасно сказано! Люди, особенно дети, зачастую сближаются и вступают в дружбу по причинам, весьма далеким от их социальных, национальных, культурных и т. п. различий. Препятствия для дружбы, искусственно воздвигаемые из соображений элитарных, сословных, вероисповедных, расовых и т. п., приносят вред самой идее общечеловеческого единства — тому, что «душа душе близка не только пониманием языка». А разрушение солидарности, едящей всех людей, не только не дает уникальности каждой души («птицы» из притчи) быть востребованной в контексте всечеловеческой цивилизации, но и провоцирует бесчисленные конфликты — вплоть до мировых войн.

Притча о том, как помойная муха... Притча-карикатура на ограниченного «ученого», мнящего, будто достиг познания Истины (в сущизме море — метафора Высшей Реальности, а волны — отдельных феноменов бытия). На самом же деле такой «ученый» замкнут в «нечистом пространстве» своих ложных концепций.

ПРИТЧА О ТОМ, КАК ПОМОЙНАЯ МУХА МНИЛА СЕБЯ КОРМЧИМ

То, что прочтешь ты в этой небылице,
Пусть никогда с тобою не случится.

Однажды муха стала вдруг хмельна,
Хотя она и не пила вина.

Она по морю-океану смело
Плыла и, словно кормчий, вдаль глядела.

Сказать верней — на листике плыла
По луже, что осталась от осла.

За век свой муха всякого немало
О кораблях и о морях слыхала.

Итак, в тот час она, не зная горя,
Как кормчий и моряк, плыла по морю.

Хоть это море сотворил в саду
Осел, что спровоцил малую нужду.

№ Иной, толкующий ученье сухо,
Не более мудрец, чем кормчий — муха.

И речь его, что сходит с языка,
Зловонна более, чем глубока.

№ *Дабы учение не «толковалось сухо», т. е. было плодотворным, необходимо, чтобы оно проходило сквозь сердце ученика, а не только постигалось интеллектуально. Но для этого и сам учитель должен сообщать передаваемым знаниям эмоциональный импульс. Постигнутое в момент, связанный с высоким или ярким переживанием, запечатлевается совсем иначе, нежели воспринятое в обыденном или, тем более, подавленном состоянии души. Ведь в момент вдохновения, восторга, удивления — открываются каналы интуитивного, «эвристического» постижения мира, каковое особенно свойственно детям.*

Притча о глупце, который убегал от смерти. Притча иллюстрирует мусульманское положение о неотвратимости внешней судьбы человека — и призыв стремиться не к внешним, материальным, а к внутренним, духовным переменам в своей жизни: «...Ни один человек не знает, что случится с ним завтра; ни один человек не знает, на какой земле он умрет...» (Коран 31,34).

ПРИТЧА О ГЛУПЦЕ, КОТОРЫЙ УБЕГАЛ ОТ СМЕРТИ

Один глупец однажды утром рано
Предстал перед очами Сулеймана.

«Что ты, несчастный, хочешь?» — царь спросил.
«Ко мне, о шах, явился Азраил.

Со мною он стоял почти что рядом
И на меня взирал недобрый взглядом!»

«Чем я могу помочь тебе, скажи?
«О мой владыка, ветру прикажи,

Пусть в Индостан умчит меня, как птица,
Чтоб там от Азраила мне сокрыться!»

И Сулейман тотчас же приказал,
Чтоб ветер в Индостан глупца умчал.

И вскоре, встретив Азраила где-то,
Царь попросил у ангела ответа:

«Ты для чего глядел, посланец Бога,
На этого несчастного так строго,

Не для того ль, чтоб от семьи вдали
Скитался он в полях чужой земли?»

№ Ответил ангел: «Самому мне странно, —
Но Бог велел в просторах Индостана

Мне душу эту взять и в ад унести,
И удивлен я был, что грешник здесь.

Но он туда умчался во мгновенье,
И я исполнил Божье повеленье,

Хоть для того в своем служенье Богу
Я одолел нелегкую дорогу!»

И нам бы думать стоило всегда:
Мы от кого бежим, бежим куда?

Сокрыться от себя не в нашей воле,
От Бога убежать нельзя тем боле.

NB Убежать от самого себя, а следовательно, и от собственной судьбы — невозможно. Единственная альтернатива — достойно встретить ее лицом к лицу. Из притчи следует, что перемена места жительства, работы, брачного партнера и т. п. не решают экзистенциальных проблем человека. Поэтому столь важно объяснить ученику, что же именно может реально повлиять на его судьбу и решить его внутренние проблемы. Поскольку в конце притчи бежавший в Индостан человек назван «грешником», выходит, что он не прибег к главному средству, позволяющему избежать злой участи, — раскаянию...

История о том, как волк и лисица отправились на охоту вместе со львом. Три животных символизируют троичный состав человека: животную душу (нафс) — волк, разум (аки) — лиса, дух (рух) — лев. Для успешного продвижения ученика по суфийскому пути (тарикат) «царствующее», высшее начало в человеке — дух («лев») — должно лишить самости («убить») эгоистические порывы животной души («волка»), а со стороны разума («лисы») принимать только те советы, которые способствуют духовному развитию («насыщению льва»).

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ВОЛК И ЛИСИЦА ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ ВМЕСТЕ СО ЛЬВОМ

С собою лев охотиться в лесу
Позвал однажды волка и лису,

Чтоб помогли они ему нести
Добычу на обратном их пути.

С собой он взял их вопреки обычью,
Хоть этим умалил свое величье.

Но ведь порою блещет и луна,
Толпою малых звезд окружена.

Ловитва слишком долгой не была,
Поймали зубра, зайца и козла.

Известно: плотью тот не отощает,
Кто на охоте льва сопровождает.

Великою была владыки милость —
Алела кровь добычи и дымилась.

Лиса и волк, опьянены поживой,
Дележки ожидали справедливой.

И видел лев, столь опытный в ловитвах,
Голодный блеск желаний их нехитрых.

Цари людей, цари зверей лесных
Нам не прощают помыслов кривых.

И лев решил: «Я, попрошайки, вам
За вашу алчность жалкую воздам!»

Он зарычал, в подручных страх вселив:
«Ты мыслишь, волк, что я несправедлив.

Так стань частицей моего величья
И раздели по-своему добычу».

Затрясся волк: «Ты заслужил всех боле,
Мясистый зубр — твоя, владыка, доля.

Козел, он потощей, он мне сгодится.
А зайца пусть возьмет себе лисица!»

«О жалкий зверь, не волк ты, а дворняга,
Когда совет свой глупый счел за благо!»

Так лев сказал и, думая не долго,
Ударил лапой, и не стало волка.

Лев рек лисе: «Свежатину сама
Дели, коль не лишилась ты ума!»

«Ну что ж, — лиса с почтением сказала, —
На завтрак скушай зубра для начала.

Козел тебе пусть будет на обед.
Да проживешь ты, шах мой, двести лет.

А зайца, повелитель, съешь на ужин.
Обильный ужин на ночь и не нужен!»

Воскликнул лев, меняя гнев на милость:
«Где ты, лисица, мудрости училась?

Как умудрилась ты не дать оплошки?»
«О повелитель мира, в миг дележки

Мне мудрость прибавляло тихомолком
Сознание того, что стало с волком!»

Слывет лисица хитрою не зря,
Ответ лисицы ублажил царя.

Он ей сказал: «Ты мне мила, лисица,
За то, что так сумела исхитриться!»

А хитрость и в былые времена
Была с умом и доблестью сходна.

...Да, те блаженны, кто учиться властен
На чьем-то счастье или же несчастье.

Судьбу лиса за то благословляла,
Что обратился к волку лев сначала,

Ведь обратясь он к ней, она бы сдуру
Дележкою свою сгубила б шкуру.

Рассказ о том, что произошло на судне между его кормчим и ученым грамматистом. Море в суфийской метафорике — символ Бога, Высшей Реальности. Полное упование на Него (таваккул), т. е. готовность отречься от своего низшего «я» и погрузиться в море Божественного единства («умение плавать») отличает просветленного суфия («кормчего») от ограниченного «грамматиста», изучавшего лишь взаимодействие вещественных феноменов («закон грамматики») и потому прожившему жизнь напрасно, не поняв ее смысла и цели.

РАССКАЗ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО НА СУДНЕ МЕЖДУ ЕГО КОРМЧИМ И УЧЕНЫМ ГРАММАТИСТОМ

Ученый грамматист ступил на судно
И сразу кормчего спросил занудно:

«Учил ли ты, с кем я отправлюсь в путь,
Закон грамматики когда-нибудь?»

Ответил кормчий: «Не читал я книг
И тайн твоей науки не постиг!»

Сказал ученый: «Да, ты знаешь мало,
Считай — полжизни у тебя пропало».

Они пустились в дальний путь и вот
Попали в бурю и в водоворот.

NB Сказал моряк: «Посудине конец,
Учился ли ты плавать, о мудрец?»

«Нет, мне занятье это не пристало!» —
«Считай, мудрец, вся жизнь твоя пропала!»

Порой, когда бушует все вокруг,
Готовность смерть принять — нужней наук.

Пучина тянет всех живых на дно,
Плыть по волнам лишь мертвым суждено.

NB Мне кажется, здесь указано отличие истинной мудрости от ложной. Истинная мудрость — ситуативна, т. е. позволяет своему носителю «быть на высоте» в любой жизненной ситуации. Часто, однако, за мудрость принимают обширную ученость (в данной притче — «знание грамматики»). Но сложность земной жизни (житейского «моря» с его постоянным движением и частыми бурями) требует от мудреца быстрых и правильных решений. Таким образом, учитель призван не только пополнять багаж знаний учеников, но и учить их жить — «плавать» в бурном житейском «море».

Притча о «моем» и «твоем». Только уничтожив свое низшее «я», т. е. подавив эгоистические стремления животной души (нафс), суфий обретает способность духовного единения с Аллахом («другом») и со своим ближним (особенно это относится к единению мюрида с его духовным наставником). Уничтожение низшего «я» совершается постепенно, на пути суфийского познания («в дороге»). В течение всего этого пути ищащий Бога «сожигает» огнем любви — стремления к Истине.

ПРИТЧА О «МОЕМ» И «ТВОЕМ»

Ко другу в двери друг стучал чуть свет.
«Кто ты, стучащий в двери, дай ответ?»

«Да это я», — сказал за дверью друг.
«Ступай, мне быть с тобою недосуг!»

Приветить друга друг не захотел:
«Я не толкую с теми, кто незрел.»

Пойдешь в далекий путь, займешься делом,
Даст Бог, и ты, незрелый, станешь зрелым!

Ступай скорее в дальние края,
Чтоб сжечь свое в огне разлуки „Я”!»

И друг ушел во скорби и тревоге,
И жег его огонь тоски в дороге.

Но, воротясь лет этак через пять,
Он в двери друга постучал опять.

Снедаемый любовью и виною,
Он робко потянул кольцо дверное.

Спросил хозяин: «Кто стучится в дверь?»
«Твой друг, что сам тобою стал теперь!»

Хозяин встретил гостя добрым словом:
«Двум „Я” нет места под единым кровом!

Теперь едино наше бытие,
„Твое” отныне то же, что „моё”.

Отныне мы не будем, видит Бог,
Разиться, как колючка и цветок!»

Рассказ о том, как спорили румийцы с китайцами. Этот сюжет известен и в более ранней суфийской литературе (например, он присутствует в поэме Низами «Искандер-наме»). В то время как ортодоксальные теологи и философы («китайцы») воссоздают «дробную» картину вещественного мира («расписной причудливый узор»), суфийские мудрецы «полируют» свое сердце, очищая его от низших страсти, дабы оно стало «чистым зерцалом», отражающим Творца и его творения. Поскольку Рум — мусульманское наименование Малой Азии (ср. псевдоним Руми — «обитель Рума»), под «румийцами» здесь могут подразумеваться суфии — последователи самого Руми.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК СПОРИЛИ РУМИЙЦЫ С КИТАЙЦАМИ

Рекли китайцы: «Ведомо заране,
Соперников нам нет в живописанье».

Румийцы внятно отвечали им:
«И мы владеем ремеслом своим!»

«Ну что ж, — сказал султан мужам умелым, —
Кто лучше, пусть докажет каждый делом!»

И согласились, чтоб пресечь раздор,
С китайцами вступить румийцы в спор.

В покое поместили их просторном
И разделили занавесом черным.

Китайцы, лишь ступив под этот кров,
Потребовали красок и холстов.

И щедро отпустил немало злата
Казнохранитель, чья казна богата,

Чтоб принесли без лишней суеты
Рабы китайцам краски и холсты,

Меж тем как Рума гордые сыны
Ответили: «Нам краски не нужны!»

И, запершись в дому, сильны и ловки,
Они подвергли стену полировке,

К прозрачности они торили путь,
Постигнув красоты закон и суть.

Прозрачность как луна, что в небе светит,
Но облака являют многоцветье,

Хоть краски, что на облаках видны,
Лишь отраженье солнца и луны.

Китайцы, труд свой завершив, султана
Призвали громким боем барабана.

И расписной причудливый узор
Пленил вошедшего владыки взор.

Затем к румийцам он направил путь,
Чтоб и на их умение взглянуть.

И те султана ввергли в изумление,
Покровы сняв со своего творенья,

Ибо в мгновенье это в тишине
На гладко полированной стене

Султан того увидел отраженье,
Что создало чужое вдохновенье.

NB Так людям сердце — чистое зерцало —
Дано, чтоб беспредельность отражало.

NB В притче созидательная деятельность (*«искусство росписи»*) противопоставляется усилиям по очищению сердца (*«полировка стены»*). Чем более очищается сердце (*«стена»*) от эгоизма и прочих пороков, тем более оно способно отражать красоту сотворенного Богом мира — и, в конечном счете, совершенства Самого Создателя, *«по образу и подобию»* Которого воссоздается, очищаясь, наш внутренний человек. Указанное противопоставление мы видим и в русских народных сказках, когда Иван-дурак (*мечтатель и не от мира сего*) противопоставляется старшим братьям (*хватким хозяйственникам*), однако, в результате, Иван-дурак получает в жены царевну (*мудрость*) и царство, а братья остаются с тем, что имели, а то теряют и это...

Притча о том, как суфии продали осла... Притча обличает лжесуфьев (*«продать готовым... чужую вещь и собственную честь»*), слепое подражание обычаям и обрядам которых (*«биг ногами в пол, все танцевали»*) наносит ущерб доверчивому «искателю духовности». О лжесуфиях Саади писал: «Раньше суфий был внешне распущен, а внутренне сосредоточен, а сейчас он внешне сосредоточен, а внутренне порочен!» (*«Гулистан»*, глава *«О нравах дервишей»*, пер. Р. Алиева).

ПРИТЧА О ТОМ, КАК СУФИИ ПРОДАЛИ ОСЛА, ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО ИХ СОБРАТУ, ЧТОБЫ ОДНАЖДЫ НАЕСТЬСЯ ВСЛАСТЬ

На эту притчу обрати вниманье,
Она о том, как вредно подражанье.

Почтенный суфий, истины носитель,
Пришел в странноприимную обитель.

Он знал о злоключениях собрата,
Чей не ухожен был осел когда-то.

И потому, чтоб не случилось зла,
Сам накормил и напоил осла.

Лишь после этого свое владенье
Оставил он слуге на попеченье.

Но что провидеть можем мы — рабы
Недоброй или доброй к нам судьбы?

Где путник до утра обрел жилище,
Теснились суфии, что были нищи.

Нам ведомо: людская бедность всех
Ввести способна и в соблазн и в грех.

И не тебе судить, о богатей,
Изнеможденных нищетой людей,

Которые, чтобы достать съестного,
Задумали продать осла чужого.

Ведь говорят, когда припрут беда,
Годна и оскверненная еда.

Итак, свершилось зло, осла не стало,
Но было снеди куплено немало.

И в доме суматоха поднялась:
«Уж нынче-то мы попираем всласть!

Три дня не нарушали мы поста,
Зато теперь душа у нас чиста:

Хоть и бедны, мы все ж творенья Божьи,
И долее поститься мы не можем».

Твердили суфии, едва не плача:
«Сегодня ночью и у нас удача!»

По слепоте и с голоду полову
Они сочли зерном (скажу я к слову).

С улыбкой суфий, хоть устал с дороги,
Взирал на тех, что были столь убоги.

Все воздавали суфию по чести,
Его сажали на почетном месте.

Касались их уста его руки,
Ему давались лучшие куски.

Но вот наелись все до пресыщенья,
И началось всеобщее раденье.

И думал суфий наш, впадая в раж:
«Не нынче веселиться, то когда ж?»

Плясали все, стучали в пол ногами,
Сметали пыль с лежанок бородами.

Взвивался дым из кухни в потолок,
Вздымалась пыль клубами из-под ног.

В том нет греха, что за один присест
Иной голодный суфий много ест.

Бывает часто в этой жизни нищей
Свет истины единственной их пищей.

Но суфиев таких наперечет,
Кто только светом истины живет.

Все остальные к плотскому стремятся,
Хоть праведными братьями гордятся.

А между тем раденья продолжались,
Припасы, всем на радость, не кончались.

И кто-то взял тамбур и песнь завел,
Запел: «Пропал осел, пропал осел!»

Бия ногами в пол, все танцевали,
«Пропал осел! Пропал осел», — кричали.

И странник наш, пируя среди ночи,
«Пропал осел!» — кричал не хуже прочих.

Он пел, плясал, покуда не устал,
Со всеми повторял: «Осел пропал!»

Уже рождался новый день, когда
Все разошлись спешно кто куда.

Осталось постояльцев маловато,
И пыль наш странник выбил из халата.

Свои пожитки спешил свернуть,
Чтобы навьючить на осла — и в путь.

Но своего в хлеву — о наказанье! —
Не обнаружил суфий достоянья.

Решил он: «Может, дальнею тропой
Повел слуга осла на водопой».

Но вскоре без осла слуга пришел,
И суфий вопросил: «Где мой осел?»

Сказал слуга: «Сам рассуди по чести —
Ведь ты проел осла со всеми вместе!»

«Но этого осла, свое владенье,
Я на твое оставил попеченье!

Не мне, а досточтимому кади
Свой довод в оправданье приведи,

Ибо осла, что мне служил с любовью,
Твое мне не заменит пустословье.

Сказал еще пророк: „То, что дано,
Да будет в должный срок возвращено!”

Пойдем, слуга, чтоб плату за утрату
Мне присудил судья по шариату!»

Сказал слуга: «В усилиях бесплодных
Что мог я сделать пред толпой голодных?

Котам голодным брось съестного малость
И отними попробуй, что осталось.

Я сладким был куском в когтях котов,
Я был одной лепешкой на сто ртов».

«Но почему потом ты не пришел
Дать знать о том, что мой пропал осел?

Сказал бы я судье: „С воров взыщи”.
А где они теперь? Ищи-свищи!

Они бы по велению закона
Мне возместили бы хоть часть урона!»

Сказал слуга: «Ты сам кричал безбожно,
Тебя дозваться было невозможно.

Тебя я звал, но ты не услыхал.
Ты сам плясал, кричал: „Осел пропал!”

И порешил, в конюшню возвратясь, я:
Осел был продан с твоего согласья!

Как мог я знать, что, истину познавший,
Не знаешь ты, где твой осел пропавший?»

Сказал скотина собственник былой:
«Мне наважденье ум застлало мглой.

Я разорен доверием поспешным,
Бездумным подражаньем людям грешным,

Продать готовым, чтобы всласть поесть,
Чужую вещь и собственную честь.

Я тяжким наказаньем поражен,
Но поздним пониманьем награжден!»

Рассказ о том, как некий хозяин выяснял достоинства купленных им рабов. За первым смысловым слоем притчи (призывом судить о человеке не по внешности, а по свойствам его души) скрыт второй — иносказание о «достоверном знании» (илем ал-йакин) и «достоверном зрении» (или восприятии) (айн ал-йакин). «Достоверное знание» приобретается с чужих слов: оно символизируется рассказом второго раба, давшим хозяину обманчивые представления о первом рабе. Но «достоверное зрение» доставляет непосредственные сведения о предмете: оно символизируется разговором с первым рабом лицом к лицу, что позволило хозяину уяснить истинный характер этого раба. «Достоверным знанием» обладают мусульмане, находящиеся на первом этапе религиозного познания, т. е. выполняющие внешние предписания веры (шариата): они знают об Истине с чужих слов — от наставников, достойных доверия. Суфийские подвижники, вступившие на путь мистического опыта (тарикат), непосредственно соприкасаются с Высшей Реальностью — обладают «достоверным зрением». Последний, третий, этап познания — отождествление с Истиной (хакикат).

РАССКАЗ О ТОМ, КАК НЕКИЙ ХОЗЯИН ВЫЯСНЯЛ ДОСТОИНСТВА КУПЛЕННЫХ ИМ РАБОВ

Один хозяин от богатств своих
Двух приобрел рабов недорогих.

И речью, что дается всем нам в дар,
Стал купленный испытывать товар.

Известно: наша речь на первый взгляд
Иль сахарный сироп, иль горький яд.

NB, Слова, что плохи или хороши, —
Лишь занавес пред сводами души.

Людская речь — завеса, а за ней
Порою клад, порою жало змей.

Скажу точней: за каждым словом — клад,
Но клад, который змеи сторожат.

Был первый раб с повадкой златоуста.
Словами выражал он мысль и чувство.

Казалось, речь его без берегов —
Морская ширь, где много жемчугов.

Не прям наш путь, нам свойственны грехи,
Как отделить нам суть от шелухи?

NB, Определяет лишь Корана свет,
Где истина, где суeta сует.

Скосив глаза, мы зреть обречены
На полуночном небе две луны.

И две луны нам кажутся при этом
Как бы вопросом нашим и ответом.

Но двух на небе лун — мы знаем — нет,
А есть одна, и в ней скрыт ответ.

Ты взгляда не коси, чтобы видна
Была на небе лишь одна луна.

Когда перед тобою собеседник,
Твой слух — не судия, а лишь посредник.

Туманна может быть и лживая речь,
И от обмана чтоб себя сберечь,

Доверься лишь тому, что видно глазу...
Но возвратимся к моему рассказу.

Хозяин понял: получил он в дом
Раба, что быстрым обладал умом.

Хозяин, подозвав раба второго,
Поморщился от запаха дурного.

Шел от раба такой тяжелый смрад,
Что покупщик покупке был не рад.

Он, морща нос, промолвил: «Ради бога,
Сядь или стань подалее немногого.

Сказать по чести, лекарям бы надо
Лечить твой рот от гнили и от смрада.

Так, говоришь, ты раньше был писцом
И каллиграфа труд тебе знаком.

Ну что ж, хоть от тебя исходит смрад,
Тебе, рабу, я и такому рад.

Ибо сжигать не стоит одеяла,
Коль под него одна блоха попала!»

Сказал хозяин: «Первый мой гулям,
Ты сходишь в баню и вернешься к нам!»

А сам остался он с рабом вторым,
Сказал ему: «Давай поговорим!

Ты так чистосердечен и толков,
Что стоишь ста иль тысячи рабов.

Я вижу: ты — слуга хороших правил,
А не такой, как друг тебя представил.

Он мне сказал, что ты — мой раб второй —
Нечестный, лживый и такой-сякой».

Ответил раб: «Мой друг душой вовек
Не покривит; он — честный человек.

Правдив он, и душа его чиста,
В нем выше чести только доброта.

Правдивость свойственна ему отроду,
Я за него готов в огонь и в воду.

Его слова не могут быть обманны,
Наверно, правда, есть во мне изъяны.

NB₃ Своих изъянов зресть мы не вольны,
Любой изъян видней со стороны.

Когда б порочный видел свой порок,
Он с легкостью его б исправить мог.

Я, например, не вижу черт своих,
Меж тем как вижу лица всех других.

Не всякий из Аллахом сотворенных
Сильней своих пороков затаенных».

«Постой, мне мыслей не постичь твоих!» —
Хозяин приказал, и раб затих.

Хозяин продолжал: «Чтоб стало ясно,
Что приобрел тебя я не напрасно,

Ты расскажи про друга своего,
О всех изъянах и грехах его!»

«Ну что ж, хозяин, грех того гуляма,
Что слишком прост, все говорит он прямо.

Второй порок, вернее, благодать,
Что он за правду жизнь готов отдать.

Порой мы промышляем добротой,
Боясь суда в преддверье жизни той.

И нам, чтоб истины постигнуть суть,
Хоть раз туда б хотелось заглянуть.

Так и вода истока там, на взгорье,
Мечтает стать рекой, текущей в море.

Сказал Пророк: „Узнает всяк из вас,
Что суждено ему, лишь в судный час,

Когда за зло и за добро ему
Воздастся мерой — десять к одному!”

Порою и щедры мы в ожиданье,
Что нам за щедрость будет воздаянье.

Но ведь жемчужин блеск не награжденье
Искателю дает, а утешенье.

И потому грешит дающий тот,
Кто за даянье щедрой платы ждет.

Даянье, коему ты знаешь цену,
Сродни не благостище, но обмену.

И потому даяние подчас
Не столько рук деянье, сколько глаз».

Раб продолжал: «Я назову, пожалуй,
Собрата моего порок немалый.

Он не в других порок заметить рад —
В себе изъяны ищет мой собрат.

В нем ты изъян еще такой найдешь:
К себе он плох, ко всем другим хорош!»

Прервал раба хозяин: «Ты теперь
Хваля деянья друга, пыл умерь,

Когда я сам увижу в нем изъяны,
Твои хвалы, пожалуй, будут странны!»

Ответил раб: «Клянусь я словом верным,
Клянусь Аллахом нашим милосердным,

Что ниспоспал пророков в светлый час
Не по своей нужде, а лишь для нас,

Клянусь великим именем Аллаха,
Который создал из воды и праха

Рабов и повелителей держав,
Что я в реченье о собрате прав!»

Тем временем гулям, что в бане мылся,
В дом своего владельца возвратился.

Хозяин отослал раба второго
И первого призвал, чтоб молвить слово.

Спросил хозяин, рядом усадив
Раба, который был сладкоречив:

«Скажи мне честно, мой слуга послушный,
Сладкоречивый раб и добродушный,

Насколько справедлив, насколько прав
Мой раб второй, тебе оценку дав?»

«Что ж говорил он обо мне плохого,
Что в страх тебя его повергло слово?

Подай хотя бы знак или намек,
Что наболтать, наклеветать он мог?»

«Тот мой никчемный раб сказал про друга:
Ты — как лекарство, что страшней недуга.

Он рассказал мне про твоё неверье,
Про вероломство, алчность, лицемерье».

От этих слов взърился раб мгновенно,
От гнева на губах вскипела пена.

Он закричал: «Тот раб — презренный пес,
Что с голодухи жрать готов навоз.

Честь, дружба, долг — ничто ему не свято!»
Так, распаляясь, раб честил собрата.

Опрровергал он бранно клевету.
Хозяин палец приложил ко рту

И молвил: «Из твоих я понял слов:
Не твой собрат ничтожен — ты таков!

Хоть чист твой рот и твой приятен вид,
Но все ж отсядь, душа твоя смердит».

Недаром говорят: «Лишь тот велик,
Кто может свой обуздывать язык!»

Известно нам, когда темна душа,
То красота не стоит и гроша.

Иной хоть некрасив, но все ж приятен
Тем, что душою чист, хоть и не статен.

Пусть чаша хороша, но ведь важней
Не красота ее, а то, что в ней.

На красоту приятно нам взглянуть,
Но все ж не красота важна, а суть.

Что красота? Она, увы, мгновенна.
Лишь наша сущность вечна и нетленна.

Немало раковин на дне морском,
Но лишь в немногих жемчуг мы найдем.

Ракушки схожи все, но неспроста
В той — жемчуг, в этой — только пустота.

Мы люди — раковины, и отнюдь
Не всех сходна с жемчужинами суть.

И облик наш подчас не так уж важен:
Кирпич крупнее, чем алмаз, и глаże.

Быть может, в сто, быть может, в двести раз
Твоя рука твоих сильнее глаз,

Но ты рукою схватишь то, что рядом,
Меж тем как целый мир охватишь взглядом.

NB₄ И мыслю, что рождается в сердцах,
Повергнуть можно сто миров во прах.

NB₁ В суфийской традиции учитель не только учит ученика, но и исцеляет его душу. А для этого за внешними словами, за строем и содержанием речи, за мимикой и жестикуляцией мудрец должен ясно видеть состояние души ученика, ее недуги и изъяны. В данной притче вопрошающий («хозяин») прибегает к выработанному за многие столетия суфийской

практики приему — побудить испытуемых («рабов») самих рассказать правду о своем внутреннем состоянии. Настоящий наставник, которому не безразлична судьба наставляемого, в процессе обучения уделяет внимание не только уровню знаний, но и состоянию души своих подопечных.

№₂ *Как известно, Священное Писание (будь то Библия, Коран, Веды, Авеста и др.) лежит в основе каждой культуры, являясь главным и незаменимым источником нравственного просвещения народа (в притче — «Корана свет»). Очень жаль, что до сих пор изучение книг Священного Писания, как литературных и этических первоисточников, не заняло в школьной программе подобающего места...*

№₃ *Мне кажется, что смысл этих слов в том, что человек не создан самодостаточным, и понять себя мы можем, лишь созерцая свое «отражение» в близких. Сообщество друзей — необходимое условие самосовершенствования каждой личности. Поэтому очень важно заботиться о той нравственной атмосфере, в которую погружены обучающие.*

№₄ *Интересно, какое именно действие мысли подразумевает здесь Ру-ми? Идет ли речь о силе мысли как таковой, пределы которой до сих пор неведомы? Или же — о силе мысли, проявленной в действии, резуль-таты которой (в особенности негативные) столь здимо воплотились в XX веке?..*

Правитель и наставник. Под покровом внешней морали здесь скрывается иносказание о двух «я» человека — высшем, на уровне духа (рух) и низшем — на уровне животной души (нафс). Человек, отождествивший себя с высшим «я» («шайх»), управляет своими страстями («желаниям и гневом»), а осознавший себя на «плотском» уровне — ими порабощен.

ПРАВИТЕЛЬ И НАСТАВНИК

В какой-то день одной земли правитель
Спросил того, кто был его учитель:

«Не терпишь ли, о шайх, какой нужды
По части платья или же еды?»

Сказал учитель: «О великий шах,
Я неразумье зрю в твоих словах.

Ведь я владею сам двумя рабами
Из тех, что правят на земле царями!»

Шах вопросил: «Кто ж эти два раба,
Служить которым и моя судьба?»

Промолвил шейх, почтительность презрев:
«Те два раба — желание и гнев.

Властитель истинный лишь тот, кто, к счастью,
Не упивается своею властью.

Ведь светит солнце из-за облаков
Равно и для владык, и для рабов!»

О том, как некий владелец сада внес разлад между суфием, факихом и потомком Али. Кроме прямого смысла (о пользе единства и вреде разлада между друзьями), притча содержит намек на разлад между тремя подходами к религии, которые в действительности призваны взаимно дополнять друг друга: суфий олицетворяет мистическое познание, факих (мусульманский законовед) — практическое наставление в праведности. Помимо этого, здесь присутствует скрытое указание на совместную «вину» животной души (нафс), разума (акл) и духа (рух) в прегрешениях человека, причем очередность наказаний свидетельствует о причастности ко греху первых духа («суфий» — носитель мистического озарения), во-вторых разума («сейид» — наследник «бараки», т. е. благословения, передаваемого от Мухаммада — «мудрейшего из людей»), и, в-третьих, плотского начала («факих» — знаток постановлений, относящихся к внешней жизни). Только действуя вместе, эти три начала могут «похитить запретные плоды» из мира («сада»), принадлежащего Творцу («садовнику»), т. е. — совершив грех.

О ТОМ, КАК НЕКИЙ ВЛАДЕЛЕЦ САДА ВНЕС РАЗЛАД МЕЖДУ СУФИЕМ, ФАКИХОМ И ПОТОМКОМ АЛИ

Прия в свой сад, садовник, на беду,
Увидел: рыскали в его саду

Три собирателя плодов чужих:
Сейид, почтенный суфий и факих.

Решил хозяин: в лад гостей немилых
Внесу разлад, коль их прогнать не в силах.

Ведь довод, что втроем они сильны,
Весомей ста свидетельств их вины.

Смекнул он так: я хитростью возьму,
Чтоб одолеть троих по одному.

Сказал садовник суфию с ухмылкой:
«Ходи, почтенный, в дом мой за подстилкой,

Вернись с паласом или же ковром,
Чтоб мирно посидеть нам вчетвером!»

Поплелся суфий, а владевший садом
Шепнул его друзьям, что были рядом:

«Почтеннейшие, должен я сказать,
Что вам пройдоха суфий не под стать.

Не знаю, как его отвратный вид
Ты терпишь, о факих, и ты, сейид?

Все чтят факиха, — рек владелец сада, —
Тебя, сейид, из рода Мухаммада.

Мы с вашего согласья хлеб едим,
Клянемся вашим именем святым.

Как вы не опасаетесь позора
И с тем общаетесь, кто хуже вора?

Его, когда придет с подстилкой нашей,
Гоните прочь, почтеннейшие, взашей.

Я вам признаюсь, что любой из вас
Дороже мне, чем собственный мой глаз.

И садом пользуйтесь, и лугом нашим,
Душа моя и та к услугам вашим!»

Был столь горяч садовника глагол,
Что суфий был не рад, когда пришел.

Вернувшегося те прогнали сами,
Что были только что его друзьями.

И суфия со злобой беспрчинной
Догнал садовник и огrel дубиной.

Хозяин сада был неумолим:
«Не надо шастать по садам чужим!

Джунайд иль Байазид тебя наставил
Красть и не почитать известных правил?..»

Избитый суфий наземь пал без сил,
Сказал: «Свое сполна я получил,

Так пусть и те получат в полной мере,
Кто за добро воздал мне недоверью.

Им не простит Аллах моих обид.
Что я вкусили, вкусить им предстоит.

Поймет, я знаю, скоро эта пара,
Как тяжела за легковерность кара!»

NB Наш мир подобен скалам и горам,
Что сказано — вернется эхом к нам!

Вот с суфием садовник расплатился
И к тем, в саду сидевшим, возвратился.

Промолвил он прправнуку Али:
«Лепешки в доме только испекли,

Вели моей прислужнице Каймаз,
Чтобы она их принесла для нас».

Сейид ушел: садовник хитровато
Сказал факиуху: «Солнце шариата,

Признаюсь я: ты для меня, факих,
Превыше праведников всех иных.

А тот, чья мать грешна, кто сам грешит, —
Случайный выродок, а не сейид.

И вообще сейчас любой пройдоха
Готов назвать себя родней Пророка.

Порой себя считает всех святей
И тот, чей был отец прелюбодей.

Чья голова кружится с перепою,
Считает: мир кружится сам собою!»

Лесть всем приятна, и, раскрывши рот,
Внимал факих садовнику, но тот

К прправнуку Али пошел навстречу,
Стал бить его, твердить такие речи:

«Тебя, наверно, предок твой Пророк
Не научил, что воровство — порок.

На льва походит лев, на ветку ветка,
Чем ты на своего походишь предка?

Кто звал тебя в чужой, невежда, сад?»
Садовник пнул ногой сейида в зад.

И так его отдал, сбивши с ног,
Как хариджит и тот едва ли смог.

Йазид и Шимр и те бы не смогли
Так зло избить прправнука Али.

Кричал сейид: «Факих, меня ты предал,
Черед твой то узнать, что я изведал.

Пусть барабан смирится с тем, что бьет
Глашатай палкою его в живот.

Я, может быть, не лучший из людей,
Но лучше я, чем садовод-злодей.

Меня ты предал, хоть и был я другом,
Сейчас и ты получишь по заслугам!»

Меж тем с сейидом рассчитавшись лихо,
И впрымь садовник взялся за факиха:

«Какой законник ты, какой факих?
Что в толстых книгах ты прочел своих?

Ужели эти книги говорят,
Что можно лезть в чужой плодовый сад?

Ты на руку нечист и глуп к тому же,
Воров с отрубленной рукой ты хуже!»

И палкой стал того тузить садовник,
Кто также был утрат его виновник.

Стонал несчастный: «Ты, садовник, прав,
Все заслужил я сам, друзей предав.

Я дружбою святой, законом чести —
Всем пренебрег, поверив лжи и лести.

Сильнее бей меня, я знаю сам,
Не много это по моим грехам!»

Садовник бил факиха, а потом
Из сада вышвырнул его пинком.

Мы знаем: с теми так всегда бывает,
Кто предает друзей иль покидает.

NB Здесь Руми, как мне кажется, особенно поэтично выражает ту идею воздаяния, которая, в той или иной форме, утверждается в каждой из великих религий человечества, а также содержится в фольклорных памятниках всех народов. Достаточно сравнить Евангельское: «...Какой мерите, такой и вам будут мерить» (Матф. 7, 2), — с индуистскими и буддийскими представлениями о кармическом воздаянии, а также с русской народной пословицей: «Как аукнешься, так и откликнется». В наше время, когда идет активный процесс расслоения общества на богатых и бедных и богатство зачастую поживается бесчестным путем, молодое поколение, как никогда, поставлено перед выбором: преступить ли моральные нормы из соображений корыстолюбия, или воздержаться от этого, памятуя о законе Божественного воздаяния? В этих условиях мне кажется особенно важным на многочисленных примерах из Священного Писания, а также окружающего мира, своего собственного опыта, мировой литературы и т. п. — наставлять подрастающее поколение именно в этом духовном законе. Как видно из притчи Руми, воздаяние настигло ее героев уже при жизни. Как мы знаем, бывает и иначе...

Рассказ о четырех индостанцах... Согласно мусульманскому воззрению, отвлекаться во время молитвы — проступок, делающий молитву недействительной (ее следует начать сначала). Помимо прямого смысла, притча может пониматься как предостережение против внутреннего разлада в самом человеке, пытающемся совершить духовное восхождение («намаз»). В таком случае четверо индостанцев олицетворяют животную природу (нафс), а также волю, разум и дух искателя Истины.

РАССКАЗ О ЧЕТЫРЕХ ИНДОСТАНЦАХ, КОТОРЫЕ ПЕРЕССОРИЛИСЬ МЕЖДУ СОБОЙ

Четыре индостанца как-то раз
Вошли в мечеть, чтобы сотворить намаз.

Аллаха ублажить мольбой посильной,
Просить его о милости обильной,

Но вот сказал из четырех один:
«Уже пора, кричи, о муаззин!»

Второй заметил первому сурово:
«Ты осквернил молитву, молив слово!»

Сказал второму третий: «Ты в свой час
За грех себя судил бы, а не нас!»

Четвертый прошептал: «По крайней мере,
Как трое вы, я не погряз в безверье!»

NB Кто грех чужой выискивает, тех
Бог судит строже, чем творящих грех.

И потому от этих четверых
Аллах не принял их молитв святых.

Блажен лишь тот, кто понял свой порок,
Кто осудил свой грех, извлек урок.

Людской души туманна половина,
Другая — в прегрешениях повинна.

Но если ссадина тебя тревожит,
Ты пластырь сам накладывай на кожу.

И пусть не дразнит безбородых тот,
Который от природы безбород.

NB *Как близко перекликаются эти слова с предостережением Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Не судите, да не судимы будете...» (Матф. 7, 1). На подобных примерах мы видим, насколько совпадают между собой основные нравственные предписания мировых религий. Читая эти притчи, вновь и вновь убеждаюсь в непреходящем общечеловеческом характере истинной мудрости.*

Рассказ о том, как шакал угодил в бадью с краской...
Шакал в восточном фольклоре — образ лукавства и вороломства, а павлин — бессмертия. Шакал символизирует в этой притче шарлатана, притворяющегося великим духовным наставником («кутбом» — «полюсом притяжения» для ищущих Истину, руководителем поколения). Однако «крашеный шакал» не излучает «небесного света», т. е. не имеет «бараки» — благословения выше, связанного с особыми духовными дарами; он также не умеет «кричать по-павлиннико», т. е. из уст его не раздаются благодатные поучения, внушаемые Богом. Ряд сопоставлений завершается упоминанием о паломнике («хаджи»), не дошедшим до святых мест, но заблудившемся в пустыне: таков и Иисусуфий, не имеющий внутреннего опыта общения с Богом, а лишь имитирующий состояние вдохновения. Ср. евангельское уподобление лицемеров от религии «окрашенным гробам» (Матф. 23, 27–28), наименование «крашеные», которое Талмуд присваивает носителям напускного благочестия (Сота 22б), а также слова Корана: «Они тщатся обмануть Аллаха и уверовавших, но обманывают только самих себя, не ведая [этого]» (Коран 2, 9).

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ШАКАЛ УГОДИЛ В БАДЬЮ С
КРАСКОЙ И, СТАВ РАЗНОЦВЕТНЫМ, РЕШИЛ, ЧТО ОН
ОТНЫНЕ НЕ ШАКАЛ, А ПАВЛИН

Однажды некий молодой шакал
В бадью со свежей краскою попал.

И, выбравшись наружу, стал гордиться,
Кричать: «Я райская отныне птица!

Среди шакалов я такой один,
Да не шакал я вовсе, а павлин!»

И впрямь, на том, чья шкура пестрой стала,
Чудесно солнце жаркое играло.

И был он не в пример другим шакалам
И голубым, и розовым, и алым.

Шакалье племя очень удивилось:
«Отвесь, собрат наш, что с тобой случилось?»

Скажи, чем возгордился ты сейчас,
Что свысока теперь глядишь на нас?»

Был друг шакала удивлен немало.
«Скажи, — спросил он, — что с тобою стало?

Ведь ты готов взобраться на мимбар
И поучать всех нас, кто юн и стар,

И с высоты своей гордыни ложной
Всех болтовней смущать пустопорожней.

Но что слова и пестрой шкуры цвет,
Когда в тебе святого пыла нет?

Раскрасить краской шкуру — слишком мало,
Чтобы Господня святость свойством стала.

Какую бы ты шкуру ни надел,
Весь век купаться в скверне — твой удел!»

Но гордый пестротой своей шакал
Так отвечал тому, кто порицал:

«Взгляни на облик мой, на яркий цвет,
Таких божков и у шамана нет.

Еще недавно был я незаметным,
Как райский сад теперь я стал стоцветным.

Склонитесь перед венцом моих красот,
Я — гордость веры, Божий я оплот.

Господня благодать — Аллаха милость
Так, как во мне, ни в ком не проявилась.

Хочу я, чтоб отныне всякий знал:
Я средь шакалов боле не шакал!»

«Но кто же ты такой, наш господин?»
Шакал ответил: «Райский я павлин!»

Его спросили: «Райские долины
Ты украшаешь ли, как все павлины?

Ты излучаешь ли небесный свет?»
Шакал подумал и ответил: «Нет!»

«Скажи еще, оплот наш и твердыня,
Умеешь ли кричать ты по-павлиньи?»

«Нет, не могу!» — сказал шакала сын.
«Тогда ты лишь хвастун, а не павлин.

Ибо никто, бывавший лишь в пустыне,
Нам не расскажет о святой Медине.

Ты жалкий зверь, который в краску влез,
Меж тем краса павлинов — дар небес!»

Притча о спорах по поводу облика слона. Притча, иллюстрирующая напрасные споры и трения, вплоть до взаимного ожесточения и неприятия, между представителями разных религий и философских учений. Между тем, по смыслу притчи, каждый из них воспринимает лишь часть Истины, всю же ее в целом способно обнаружить «свеченье свечки малой», т. е. достоверное, «эрительное» восприятие (айн ал-Йакин). Таким образом, светом подлинного знания обладает лишь озаренный мистик, остальные пребывают во «мраке» неведения, и потому односторонни в своих суждениях. Сюжет об опупывании слона в темноте (или слепыми) был распространен в суфийской литературе и до Руми — например, у Саны (первая пол. XII века). В русской поэзии сходный образ встречается у А. К. Толстого

(стихотворение «Правда»), изобразившего правду в виде необъятной реальности, грани которой открываются каждому по-своему:

«...И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.

...А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему;
Кто город называл ее высокую,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И послорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти...»

ПРИТЧА О СПОРАХ ПО ПОВОДУ ОБЛИКА СЛОНА

Был приведен для обозренья слон
И в некое строенье помещен.

Чтоб подивиться на такое чудо,
Немало праздного сбежалось люда.

Но в помещенье тьма была черна,
И люди только трогали слона —

И сразу же друг другу в возбужденье
Высказывали разные сужденья.

Погладил кто-то хобот и изрек:
«На желоб слон похож, на водосток».

Потрогав ухо, женщина сказала:
«Не отличить слона от опахала!»

И кто-то, тронув ногу, восхищенно
Сказал, что слон как некая колонна.

Другой ощупал бок и молвил: «Слон
Скорей всего похож на шахский трон!»

«„Алифа” он прямей», — решил юнец,
«Как „даль” он согнут!» — возразил мудрец.

NB Бывает так повсюду: мрак и тьма
Людей лишают знанья и ума.

Меж тем их разномыслие, пожалуй,
Исчезло б от свеченья свечки малой.

NB Согласно этой притче, именно невежество («мрак и тьма») разъединяет людей, поселяя в их душах фанатизм и взаимное недоброжелательство. Достаточно, однако, «свечки малой», т. е. внесения хотя бы частицы истинной мудрости в проблемы, разделяющие людей, чтобы реальность сделалась видима с разных сторон, а люди, прежде ожесточенно спорившие, пришли к общему мнению. Истинная мудрость, объединяя частные знания, дает узреть общую картину бытия и уничтожает вражду между носителями верных, но односторонних взглядов. Печальную картину «ощупывания слона в темноте» — фанатичного отстаивания узко понятых великих истин — мы наблюдаем в кровавой истории религиозных войн, взаимных гонений и истреблений между представителями разных вероисповеданий: вспомним Крестовые походы, многовековую деятельность «отцов-инквизиторов», Варфоломеевскую ночь, еврейские погромы и т. п. Внушить своим питомцам идею о том, что истина («слон из притчи») многогранна, — и никогда не следует считать себя обладающими «истиной в последней инстанции», — а также жажду поиска истинной мудрости («свечки малой») — одна из благороднейших задач воспитателя.

Рассказ о том, как спросили священника, что старше: он или его борода? Помимо традиционного в суфийской литературе и характерного для творчества Руми насмешливого обличения показной набожности, притча содержит скрытый призыв использовать отпущенное человеку время жизни для истинного исправления «черного нрава», а не для внешне-обрядового благочестия. Особенно это относится к людям в зрелом или преклонном возрасте — «белобородым», успевшим приобрести немалый жизненный опыт. Ср. призыв Саади:

«Ты, пятьдесят проживший лет! Быть может,
Тебя пять дней оставшихся встревожат?..»
(пер. А.Старостина).

РАССКАЗ О ТОМ, КАК СПРОСИЛИ СВЯЩЕННИКА, ЧТО СТАРШЕ: ОН ИЛИ ЕГО БОРОДА?

Священника, чья борода седа,
Спросили: «Старше ты иль борода?»

«Конечно, я, — священник удивился. —
Ведь я без бороды на свет родился!»

Спросили вновь: «Коль прожил больший срок,
Чем борода твоя, то как ты мог

Свой черный нрав не изменить нимало,
Хоть борода с годами белой стала?»

Встреча Руми с Шамсом

Отрывок из художественно-исторического романа «Джалаладдин Руми», написанного современным российским писателем Радием Фишем (М., «Накука», 1987).

...В ту памятную субботу Джалаладдин был снова приглашен на диспут в медресе «Пембе Фурушан», построенное на пожертвования цеха торговцев хлопком.

Темой диспута были два хадиса. Пророк Мухаммад сказал: «Первое, что сотворил Аллах, — белая жемчужина». И сказал еще: «Первое, что сотворил Аллах, — разум».

Спор разгорелся о том, однозначно ли выражение «белая жемчужина» перворазуму, именуемому по-арабски «аль-акл аль-аввал». И являются ли абсолютность, универсальность и потенциальность тремя стиронами, с которых можно рассматривать перворазум, или же они его эманации.

Диспут длился вторую неделю. И давно наводил на Джалаладдина, как, впрочем, почти все подобные диспуты, глухую тоску. Казалось, ученые мужи собирались не для того, чтобы понять друг друга, выслушать и вникнуть в смысл речей, а, напротив, ждали лишь оплошности или оговорки противника, чтобы поймать его на слове и показать собственную ученость. Стоило какому-нибудь улему прервать свою речь, чтобы перевести дыхание, как тут же находился другой, только и ждавший, как бы оглушить ворохом изречений и хадисов. Не самоотверженный поиск Истины, а ристалище самолюбий, где каждый упивался своей начитанностью, логикой и умом.

Это претило Джалаладдину. Но диспут был назначен настоятелем медресе Сейфеддином, некогда яростным противником Джалаладдина, а ныне признавшим его наконец, и отказаться от приглашения значило бы проявить мстительность и высокомерие.

Едучи по улице, Джалаладдин снова ощутил стыд, который часто посещал его в последние годы. Время ли обсуждать, что такое белая жемчужина и равна ли она перворазуму, когда тысячи людей смотрели на мужей веры и учености с упование, ожидая от них силы и разума, чтобы укрепить души перед лицом жизни. На что он тратил время, так скучно отпущенное каждому человеку?

Никогда еще стыд, охвативший его, не был так едок, как в тот осенний солнечный день, когда он ехал из медресе Торговцев хлопком, окруженный своими учениками. И потому, чем ближе он подъезжал к людному перекрестку, тем ниже склонялась на грудь его голова.

Мул внезапно остановился, Джалаладдин поднял глаза. Увидел обнаженные до локтя жилистые руки, схватившие под уздцы его иноходца, редкую бороду и сверлящий, точно шило, взгляд одетого купцом странника.

Двадцать шестое ноября 1244 года. Обычный осенний день. Не сошлились в битве в тот день великие армии, чтобы решить судьбу империй. Не взошел на престол основатель династии, которая повелевала миллионами. Не был открыт ни новый континент, ни новый вид энергии. Ничего, что поразило бы воображение и сразу заставило бы людей

запомнить эту дату, не случилось в тот неимоверно далекий теперь день. Просто встретились два человека.

Но чем дальше отступает во тьму веков тот день, тем необычней кажется последствия этой встречи.

NB, Встреча двух людей, которые открыли себя друг в друге, поняли, полюбили, — всегда чудо, может быть, самое удивительное из всех чудес. Но день их встречи остается обычно великой датой лишь в личной судьбе этих людей.

Два человека, встретившиеся в Конье семьсот с лишним лет назад, не только открыли себя друг в друге, они совершили еще одно великое открытие — Человека для Человечества. Не будь этой встречи, по-иному чувствовали, думали бы десятки миллионов людей — от Средней Азии на севере до Аравии на юге, от Индонезии на востоке до Северной Африки на западе.

Для второй природы человека, именуемой «культура», этот день имел такое же значение, как день встречи Сократа и Платона, Шиллера и Гёте.

В тот день родился для мира один из величайших поэтов земли — Джалаладдин Руми, воплотивший в своей поэзии верование, чувства и предания народов огромного региона и выразивший в ней с небывалой силой величие человеческого духа в его бесконечном стремлении к совершенству.

Много великих дат и славных имен забылось с тех пор. Время разрушило камни, развалило крепостные стены. Мы даже не знаем теперь, где стояло медресе Торговцев хлопком, в котором провел утром того дня Джалаладдин, где помещался караван-сарай Рисоторговцев, в котором провел предыдущую ночь его будущий друг. Но место, где встретились Джалаладдин Руми и Шемседдин Тебризи, сохранилось в людской памяти.

Если вам придется побывать в Конье, разыщите здание отеля «Сельджук-палац», неподалеку от центра. Встаньте у его угла, напротив дома Министерства просвещения: Мардж ал-Бахрайн — так называли люди это место. «Встреча двух морей». Двадцать шестого ноября 1244 года.

NB, Без зеркала, будь то отполированный металл или водная гладь, не может человек увидеть своего лица. Без другого человека не может он познать себя, ибо как родовое существо человек осуществляет себя и осознает лишь через других людей.

Но человек не зеркало. Он и отражатель, и излучатель. И субъект, и объект одновременно. И потому отношения двух людей, а в особенностях таких, как Джалаладдин и его новый друг, есть сложнейший психологический процесс самопознания, развивающийся как единство противоположностей, по законам диалектики, через снятие противоречий.

Стремление поэта к абсолютному тождеству с другом, к растворению себя в нем было и стремлением к познанию собственной истинной сущности, или, говоря его словами, Божественной истины. Но поскольку абсолютное растворение собственного «я» в другом остается недостижимым, истина может быть познана лишь относительно. Противоречие тождества-нетождества остается, так же как и остается стремление к снятию этого противоречия.

Дружба с загадочным странником, который схватил под уздцы его иноходца, стала реальной основой гуманистической диалектики Джалааддина Руми.

Но как странны, а порой незначительны бывают слова, по которым мы узнаем в другом человеке самого себя, свое собственное продолжение в мире, или, выражаясь старомодным языком, родственную душу?! Эти слова часто служат лишь знаком, неприметной для стороннего взгляда меткой. «Слово, — говорил Джалааддин Руми, — одежда. Смысл — скрывающаяся под ней тайна».

Двадцать шестого ноября 1244 года они сразу же заговорили о главном. Но слова, в которые был облечен вопрос, столь же важный для них, как и для нас, за семь столетий успели настолько обветшать, что недерживают более смысла. Чтобы постичь скрывающуюся за ними тайну, нужно как-то представить себе ту структуру мышления, которая была ими обозначена.

Все так же крепко держа под уздцы мула и не спуская глаз с Джалааддина, путник спросил:

— Эй, меняя мыслей и смыслов того и этого мира! Скажи, кто выше — пророк Мухаммад или Баязид Бистами?

Баязид Бистами, живший в IX веке подвижник, был одним из столпов суфизма. Он первым обнаружил, что углубление в размышления о единстве Божества может вызвать чувство полного уничтожения собственной личности, подобное растворению «я» влюбленного в «я» возлюбленной. Он говорил: «Я сбросил самого себя, как змея сбрасывает свою кожу. Я заглянул в свою суть, и... о, я стал Им! Такое состояние Баязид назвал «фана» — уничтожение, небытие, которое впоследствии большинство суфийских школ признало целью путника, проходящего тарикат. Правоверное духовенство усмотрело в словах Баязида претензию на божественность, объявило его языром — неверным, изгнало из родного города. Для суфииев, однако, Баязид Бистами стал высочайшим авторитетом и удостоился титула «Султан аль-арифин», то есть Султан Познавших.

Тем не менее вопрос, заданный незнакомцем, да еще посреди людной улицы, был кощунственной дерзостью. Одно дело — суфийский шейх, пусть даже такой, как Султан Познавших, и совсем другое — сам посланник Аллаха Мухаммад. И Джалааддин ответил, как на его месте ответил бы любой правоверный шейх или улем:

— Что за вопрос? Конечно, Мухаммад выше!

Шемседдин, без сомнения, ждал такого ответа. Но в нем-то и заключалась ловушка. Тонкая улыбка заиграла на его губах.

— Ладно, — сказал он. — Но почему тогда Мухаммад говорит: «Сердце мое покрывается ржавчиной, и по семидесяти раз в день я каюсь перед Господом моим!» А Баязид утверждает: «Я очистился от всех несовершенных качеств своих, и в теле моем нет ничего, кроме Бога. Преславен я, преславен я, о, сколь велик мой сан!»

Джалааддин выпрямился как от удара. Незнакомец, выходит, не только дерзок, но и весьма не прост. Быть может, он бился над тем же, над чем бьется мысль его, Джалааддина: абсолютность Истины и относительность познания ее.

Прежде чем ответить, Джалааддин, уже не скрывая волнения, долгим взглядом посмотрел в глаза незнакомцу. Его волнение передалось путнику. Впоследствии Шемседдин вспоминал: «Он сразу постиг совер-

шенство и полноту моих слов, и не успел я договорить, как почувствовал, что опьянел от чистоты его сердца».

— Мухаммад каждый день одолевал семидесят стоянок, — **NB₃**, ответил Джалааддин. — И каждый раз, достигнув новой ступени, каялся в несовершенстве познания, достигнутого на предыдущей. А Баязид вышел из себя от величия достигнутой им одной единственной стоянки и в исступлении произнес эти слова...

Кто выше, Мухаммад или Баязид?.. Если не понимать скрывающегося за этими словами смысла, вопрос кажется не менее бессодержательным, чем спор христианских богословов о том, сколько ангелов может поместиться на острие иглы, или диспут о белой жемчужине и перворазуме, в котором в тот день участвовал Джалааддин. Но, по сути, Шемседин спрашивал о другом: состоятельны ли претензии на постижение абсолютной истины, или же всякое познание относительно и каждая новая ступень есть отрицание предыдущей? Таков был смысл его вопроса, если перевести его на язык современности. Вопроса, на который до встречи с Джалааддином ни от кого не получал он вразумительного ответа.

Услышав ответ, Шемседин испустил вопль и без чувств упал на землю. По крайней мере так описывают со слов очевидцев эту сцену старинные хроники.

Принято считать, что слова «упал без чувств» — скорей всего риторическая фигура, благочестивое преувеличение, призванное подчеркнуть необыкновенную духовную силу поэта. И все же, думается, это правда. Люди того времени, влюбившись, болели и умирали от любви. Не уставали радоваться встрече с другом по целым неделям. Услышав глубокую мысль или точный афоризм, плакали, издавали возгласы восторга. За оскорбление словом, на которое мы часто и внимания не обращаем, они готовы были убить оскорбителя или умереть от его руки. При виде необычного явления дрожали от ужаса и падали ниц. Вряд ли все это риторические фигуры и благочестивые легенды.

В наш век гипертрофированного рассудка цивилизация приучила нас к сдержанности в выражении чувств. Форма, однако, неотделима от содержания. Мы неизмеримо больше знаем, вероятно, мыслим в массе логичнее, стройнее, но чувствуем ли мы с той же силой, что и люди тринацатого века? «Всякая потеря есть приобретение», — говорил Джалааддин Руми. — Всякое приобретение есть потеря.»

Он соскочил на землю, склонился над путником. Раster ему запястья, несколько раз развел и сложил ему руки на груди.

Шемседин пришел в себя. Встал. Они обнялись. Ничего не понимая, с изумлением глядели на эту сцену толпа, ученые улемы, мюриды Джалааддина.

Он взял путника под руку и пешком направился вместе с ним к дому золотых дел мастера Саляхаддина. Здесь они уединились для беседы.

NB₁ Как же высоко мыслят суфии о человеке! Какие грандиозные просторы, согласно их учению, открыты перед нашей душой — как в земной жизни, так и после нее! Как важно, чтобы учитель понимал, кто ему доверен для наставления: бессмертный дух, наделенный безграничными потенциями развития! И очень важно, чтобы ученик, благодаря учителю, открыл для себя истинное величие человека...

№₂, Какая важная мысль, и сколь прекрасна иллюстрация к ней, созданная самой историей встречи Руми с Шамсом! Насколько станет богаче жизнь человека, насколько внимательней будет он относиться к окружающим, если, узнав о самой возможности столь высокого уровня общения, поймет, что именно в сфере человеческих отношений и следует искать и ожидать настоящего чуда... К сожалению, наше современное общество не настроено на подобную идею — и предлагает искать чудеса где угодно: в области науки, техники, бизнеса, «завоевания» природы, — только не во взаимном раскрытии двух людей. Трудно даже представить себе, насколько светлее стала бы жизнь на земле, если бы каждое новое поколение с малолетства воспитывалось на таких примерах, как дружба Руми с Шамсом, — и если бы вместо подробных, доскональных сведений о строении вещества дети посвящались бы в «науку» о том, чём человек может стать для другого человека.

№₃, Насколько я понимаю, в данном богословском споре речь идет о различии между «прочным» состоянием духа, достигнутым суфием на данном этапе развития (именно о переходе от одного такого состояния к другому говорил Мухаммад), — и об озарении свыше, временами посещающем человека (о таком опыте свидетельствовал Баязид). Озарение свыше может посетить даже того ученика, который достиг невысокой ступени развития, дайбы дать ему предошутить и отчасти пережить те возможности, которые открываются на ступенях гораздо более высоких. Переводят эти понятия с языка мистики на более обыденный, следует говорить о разнице между ежедневным упорным трудом ради достижения цели — и посещающим человека вдохновением на этом пути (Баязид). Ученику просто жизненно необходимо различать эти понятия, без любого из которых движение вперед невозможно.

№₄, В то время как материализм ориентирует своих приверженцев на единственность и скоротечность земной жизни, не предполагая какого-либо продолжения духовного восхождения за ее пределами, — религиозная вера (в данном случае суфизм) утверждает, что путь самосовершенствования бесконечен: он продолжается в вечности после смерти земного тела. В том-то и состоит блаженство, дарованное Богом человеческому духу, что никакое достижение на этом пути не является предельным и завершающим, что за каждой данной ступенью, сколь бы высока и прекрасна она ни была, последует восхождение на новую, еще более возвыщенную и радостную ступень. В этом и состоит обетование вечной жизни (т. е. отнюдь не прозябания, а постоянного возобновления и развития), о котором свидетельствуют все великие религии человечества.

№₅, Видимо, за успехи в области науки и техники, связанные с гипертрофированным развитием интеллекта (в религиозной терминологии — «плотского разума»), человечеству приходится расплачиваться за счет потерять в эмоциональной сфере, утрачивая богатство и глубину чувств и переживаний. Современный учебный процесс, к сожалению, тоже почти целиком сориентирован на рассудочное восприятие мира. Как мы видим из многих мест настоящей книги, суфи подходили к обучению прямо противоположным образом. Суфийский путь состоит в переживании все новых состояний, в овладении все новыми формами внутреннего, «сердечного» опыта.

ЖЕРТВЕННЫЙ ПУТЬ МАНСУРА АЛ-ХАЛЛАДЖА

История величайшего святого и мученика Мансура Ал-Халладжа (857–921 гг.), впервые публично провозгласившего «символ веры» суфииев, достигших состояния «хакиката» (единения с Богом): «Ана л-Хакк!» («Я (есмь) Истинный!»), изложена советским востоковедом В. И. Брагинским в его книге «Хамза Фансури» (М., «Наука», 1988 г.).

Хусейн ибн Мансур Ал-Халладж родился в 857 г. в городке Тур к северо-востоку от Шираза. Его отец был чесальщиком хлопка — халладжем, и, что любопытно, будущий суфий обрел известность не только под прозвищем, восходящим к профессии отца, но и под его именем — в Иране и Турции, в Индии и в малайском мире Халладжа именовали Мансуром — Обретшим Победу. К прозвищу же Халладж нередко добавляли слово «тайны» — для многих он был Халладж Ал-Асрар — «Чесальщиком хлопка тайн».

Хлопок выращивали в районе иракского города Васит. Туда и переехала семья юного Хусейна. В одной из школ Васита Халладж выучил наизусть Коран и старался декламировать его про себя так, чтобы призывание Аллаха вело к единению с божественной Волей. Этим упражнением начался его суфийский путь.

Он перебрался в Тустар неподалеку от Васита и стал учеником шейха Сахля ат-Тустари. Потом уехал в Басру, а затем в Багдад, где получил хирку из рук Амра ибн Усмана Макки и учился у знаменитого шейха Джунейда Багдади, впоследствии весьма его невзлюбившего. Здесь же он женился на Умм Ал-Хусейн, до конца жизни оставшейся его единств-

венной женой. Вслед за тем Халладж совершил свое первое паломничество. В Мекке он год предавался строжайшему подвижничеству и выполнял все обряды хаджжа в полном молчании, чтобы слышать голос Аллаха, который, по его словам, начал звучать в его сердце.

Вернувшись в Багдад, он произнес свои знаменитые слова: «Ана-л-Хакк» — «Я есмь Истинный». Джунейд сурово его осудил. Позднейшая традиция, однако, сравнивая притязания на божественность Халладжа и коранического Фараона, утверждала, что Фараон, обуянный гордыней, видел лишь себя, не видя Всевышнего, тогда как Халладж, отвергший свое «я», видел лишь Всевышнего, не видя себя.

Такое объяснение не вполне точно отражает взгляды Халладжа, который, вероятнее всего, под христианским влиянием (кстати сказать, в Иисусе он видел свой высший идеал) учил о двух духах — божественном (лахут) и человеческом (насут). Когда человеческий дух очищается, божественный может частично воплощаться в нем:

Твой дух смешался с моим духом,
Как вино смешивается с прозрачной водой

— писал он. И вся его поэзия была неумолчной, редкой по красоте беседой с этим Духом, торжествующей в минуты единения с Ним и пронзительно печальной в долгие часы и дни покинутости, когда земные твари «остаются слепыми и беспомощными, ибо Свидетель ушел, оставил их в одиночестве».

Учение о возможности воплощения божественного Духа в человеческом действительно резко противоречило исламу. Не случайно позднейшие суфии, в том числе и Хамза, отвергли образ воды, смешанной с вином, и говорили о прозрачном вине в кубке столь ясного стекла, «что два кажутся одним». Впрочем, у Халладжа были образы, дававшие больше оснований для истолкования в русле «вахдат Ал-вуджуд», в частности знаменитый образ мотылька, который «благодаря гибели в пламени сам становится пламенем».

В Багдаде Халладж начал свою проповедь и приобрел как множество сторонников, в том числе из семьи одного везира, считавшего его пророком, так и множество противников, в том числе из семьи другого везира, считавшего его лжецом и нечестивым чародеем. Продолжая нести взятую на себя миссию, он совершил второй хаджж, а затем отправился в Индию, проповедовал в Гуджарате и Синде, потом в Хорасане и Мавераннахре и наконец достиг Турфана — западной части Китая.

Он учил о любви как единственной причине Творения и силе, пронизывающей все мироздание. В предвечности Всевышний беседовал Сам с Собой, созерцая величие Своей Сущности. Так родилась Любовь. Желая созерцать ее, Творец вывел из предвечности Свой образ, наделенный всеми Его атрибутами и именами. То был прототип человека — Адам, и отныне через него Любовь возвращалась к своему Источнику (читатель, разумеется, узнал этот мотив). «Не желай Его любви, — говорил Халладж, — но не переставай любить Его». Любовь пролагает свой путь через страдания, которые влюбленный должен безропотно принять и, более того, — которых он должен желать. Ибо «страдание — это Он сам, тогда как счастье только исходит от Него». Эта любимая Хал-

ладжем идея определила всю его дальнейшую жизнь. Она же привела его к смерти.

После возвращения в Багдад по Великому Шелковому пути он в третий раз отправился в Мекку. Там, на Арафате, в день жертвоприношения Ибрахима, он решил принести в жертву себя.

Вернувшись, Халладж стал говорить нечто никому не понятное: он желает умереть, принесенный в жертву Законом во имя Закона. Правоверные факихи преследовали его, защитники с трудом его отстаивали, ссылаясь на то, что иносказательные речи суфия не подлежат судебному ведомству. В первый раз все обошлось. Но он водил дружбу с кем не надо, а эти «кто не надо» желали лучшего правления и более справедливого обложения налогами. К тому же он оказался как-то причастен к заговору Ибн Ал-Мутазза — однодневного халифа. Он скрылся в Сусе и там, у гробницы пророка Даниила, был схвачен.

«Узилище», в которое попал Халладж в 913 г., не было особенно мрачным — восемь лет и восемь месяцев этим «узилищем» оставался халифский дворец, где он приобрел значительное влияние. В числе сочувствовавших ему была даже мать халифа Муктадира. Но противники, не жалея сил, настаивали на казни нечестивца, объявившего себя Всевышним. Везир Хамид Ал-Аббас довел дело до конца — процесс Халладжа возобновили.

Против него были выдвинуты два обвинения: во-первых, он — кармат и агент Фатимидов, во-вторых, вместе с карматами он призывает разрушить Каабу. Удар был рассчитан верно. Карматы — крайняя мессианская секта в исламе, со дня на день ожидавшая прихода мессии — Махди, были грозной силой, опустошившей владения багдадского халифа. За их спиной стояли правители Египта — Фатимиды, создавшие «альтернативный» халифат и присвоившие титул «повелителя правоверных». Положение Муктадира действительно было серьезным. А разве Халладж не посещал северный Синд и Мультан, где властвовали карматы, и разве в домах его учеников не нашли бумаг, украшенных какими-то подозрительными рисунками и испещренных непонятными знаками, и разве он не писал одному из учеников: «Разруши Каабу свою!»? Что проку в объяснениях, будто эти слова означают лишь призыв, подобно наставнику, принести себя в жертву во имя веры! Верховный судья — кади Умар Хаммади настоял на буквальном истолковании аллегорического письма и тем самым вынес Халладжу смертный приговор.

Хамза едва ли знал о политических мотивах, приведших к казни Халладжа. Едва ли он был также осведомлен об идеи «двух духов», о стихах Халладжа и многом другом, что — и то не полностью — раскрылось перед современными учеными. Все же он был явно знаком с некоторыми моментами учения Халладжа, говоря о котором, упоминал божественный Дух-Слово (рух натика) — собеседника Халладжа, халладжиевскую формулировку «Хуба хуба» («Он — это он»), относящуюся к Адаму — подобию Творца и прототипу Хамзы, как и всякого человека, и, конечно же, знаменитое изречение «Я есмь Истинный!», устанавливающее отношение между Духом и Адамом с его потомками. Другое дело, что толковал он это изречение в традициях «вахдат ал-вуджуд». Но

еще лучше Хамза знал житийную легенду о Халладже, вероятнее всего, в том виде, в котором сохранил ее Аттар в своих «Поминаниях святых». Легенда же эта, где, как и во всякой легенде, «стерлись случайные черты» и высветилось главное, воссоздает образ Халладжа вернее, чем скрупулезное исследование.

Багдадский суфий для Хамзы — это прежде всего мужественнейший из воителей «большого джихада»: битвы со страстями. Подражая ему, Хамза и вступает в эту битву. Ведь, одержав победу, «Мансур стал Насиром», то есть не только достиг единения с Аллахом (Насир — одно из Его имен), но и дарует победу другим (Мансур — имя Халладжа — означает «обретший победу», Насир — «дарующий победу»). Такова очередная искусная игра словами, наполняющимися различными значениями в тайном (суфийском) и явном (событийном) планах.

Еще важнее, однако, что Халладж у Хамзы — предводитель влюбленных, а значит, и его, Хамзы, предводитель, пожелавший узреть лицо Возлюбленной и достигший цели ценою жизни:

Зrimo тело твое, его образ — зrim!
Но незримо таится в нем вечная суть.
Если хочешь узреть сокрытый в нем Лик,
Как Мансур, на виселицу вознесись!
В смятенье Хамза Фансури пребывал,
Но все ж со страстями вышел на бой,
Сговорившись с Мансуром, храбрым бойцом,
Без сожаленья он отдал жизнь.

Этому Халладжу и стремился подражать Хамза, хотя и не считал, что смерть влюбленного (точнее, смерть его отдельного «я») — это непременно физическая кончина: «Однако под словом смерть, — писал он, — не следует понимать самоубийство оружием либо ядом. Умереть — значит всецело предаться Всевышнему посредством отъединенности и уединенности, которые суть отречение и отлучение». У биографа еще будет случай остановиться на значении этих парных терминов. Пока же нельзя не обратить внимание на то, что строки Хамзы о созерцании с виселицы Лица Возлюбленной близко соответствуют словам Халладжа во время казни, переданным в сочинении Аттара: «Они вознесут меня на вершину виселицы созерцающим Твое могущество».

Итак, обратимся к рассказу Аттара, ибо из него и возникает перед нами образ того Халладжа, перед которым преклонялся малайский поэт.

Халладжа решили предать смерти за его возглашение «Я есмь Истинный!». «Скажи: Он есть Истинный», — кричали ему. «Да, Он — все, — отвечал Халладж. — Вы говорите, будто от моих слов Он исчез, напротив, это Хусейн исчез. Океан не прибывает и не мелеет».

«Слова Халладжа имеют сокровенный смысл», — говорили Джунейду. «Пусть его казнят! — отвечал он. — Сейчас не время для сокровенных смыслов».

Когда Халладж был брошен в темницу, там томились триста узников. «Хотите, чтобы я вас освободил?» — обратился он к ним ночью. «Отчего бы тебе не освободить самого себя?» — спросили они. «Я — узник Бога. Я — страж спасения», — отвечал Халладж. По мановению его

руки с узников пали цепи, а в стене темницы образовался пролом. «А ты не пойдешь с нами?» — спросили узники. «Нет, отвечал он, — у меня с Ним тайна, которую можно открыть только на виселице». О прошедшем рассказали халифу. «Так начнется мятеж! — воскликнул он. — Убейте его или бейте до тех пор, пока он не отречется». Ему нанесли триста ударов палками — по удару за каждого освобожденного узника. При каждом ударе раздавался спокойный голос: «Не страшись, о сын Мансура».

Потом его повели на казнь.

Скованный тринадцатью тяжелыми цепями, Халладж шел гордо и весело, размахивая руками и пританцовывая, как истый бродяга. «Чем ты так гордишься?» — спрашивали его. «Тем, что иду на бойню», — отвечал он. Когда его подвели к основанию виселицы, воздвигнутой у ворот Баб ат-Так, он поцеловал бревна и ступил на лестницу. «Как ты себя чувствуешь?» — язвительно осведомились палачи. «Ступень восхождения истинного человека — вершина виселицы», — отвечал он.

«Что ты скажешь о нас, твоих учениках, — спросили его последователи, — и о тех, кто осудил тебя и готов забросать камнями?» — «Им суждено два вознаграждения, а вам лишь одно», — отвечал он. — Вы хорошо ко мне относились, только и всего, а ими движут сила веры в Единого Бога, и желание строго исполнить Его Закон».

К виселице подошел Шибли — один из самых одаренных суфииев Багдада. «Халладж, — спросил он, — что такое суфизм?» — «Ничтожнейшая часть его — то, что ты здесь видишь», — отвечал Халладж. «А какова же возвышеннейшая часть?» — «Та, которой тебе не достичь», — отвечал он. И тотчас толпа принялась забрасывать Халладжа камнями. Шибли, чтобы не привлекать к себе внимания, бросил в него комок земли (позднейшие агиографы говорили, что розу). Халладж тяжело вздохнул. «Ты не издал ни звука, когда в тебя летел град камней, отчего же ты вздыхаешь из-за какого-то комочка земли?» — спросили его. «Те, кто бросали камни, не ведали, что творят: им есть оправдание. Но меня гнетет, что комок бросил именно он — ведь он-то знал, что я этого не заслужил».

Потом ему отрубили кисти рук. Он засмеялся.

«Почему ты смеешься?» — охнула толпа. «Нетрудно отрубить руки тому, кто скован цепями, — отвечал он. — Но лишь тот поистине человек, кто отрубил руки атрибутам, скрывающим Лик».

Ему отрубили ноги. Он улыбнулся.

«Этими ногами я прошел свой земной путь, — сказал он, — но у меня есть другие ноги, которые и поныне странствуют по обоим мирам. Их вам не отрубить». С этими словами он потер лицо кровавыми обрубками, так что и его лицо, и руки обагрились кровью. «Зачем ты это сделал?» — спросили его. «Я потерял много крови, — отвечал он. — У меня побледнело лицо, и вы можете подумать, будто оно бледно от страха. Вот я и измазал лицо кровью, чтобы предстать перед вами розовощеким. Ведь румяна героев — их кровь». — «Даже если ты хотел нарумянить лицо, зачем было пачкать кровью руки?» — «Я совершил омовение». — «Какое еще омовение?» — «Когда сотворишь хотя бы два раката молит-

вы с любовью, — отвечал Халладж, — омовение можно совершать только кровью».

Потом ему выкололи глаза. В толпе послышались крики. Одни плачали, другие бросали камни.

Когда ему хотели отрезать язык, он единственный раз попросил: «Не спешите, дайте мне сказать еще одно слово. О Боже, — воскликнул он, обратив лицо к небу, — не отвергай их за те страдания, которые они причиняют мне ради Тебя и не лишай их за это блаженства. Хвала тебе за то, что они лишили меня ног, ибо я прошел предначертанный Тобою путь. И когда они разлучат мое тело с головой, они вознесут меня на главу виселицы созерцающим Твое могущество».

Потом ему отрезали уши и нос.

Мимо проходила старуха с кувшином в руках. Завидев Халладжа, она крикнула: «Рубите, рубите тяжко и верно. О чём еще говорить с Богом этому смазливому чесальщику хлопка?» Последние слова Халладжа были: «Любовь единящегося — это единение с Единым» (по другой версии: «Самозабвенному довольно единения с Единым»).

Потом ему отрезали язык.

Лишь в час вечерней молитвы Халладжа наконец обезглавили. Даже в этот миг он продолжал улыбаться. Каждая капля его крови растекалась струйкой, вычерчивавшей имя Аллаха. «Халладж докатил мяч своей судьбы до поля покорности, — писал Аттар. — Каждый из его отсеченных членов возглашал: „Я есмь Истинный!“».

На следующий день, опасаясь, как бы похороны Халладжа не стали причиной мятежа, его останки сожгли. Когда же пепел бросили в воды Тигра и он поплыл по реке, все вновь услышали тот же голос: «Я есмь Истинный!»

Вот такого Халладжа, победоносного мученика Любви, Хамза и знал, такого хотел отразить в зеркале сердца. Как бы перефразируя его загадочные последние слова, он писал: «Под „сотоварищем“ Господа (преславен Он и возвышен!) разумеется человеческое „я“. Если же человек отъединит свое „я“, то уединится, иными словами, когда отъединит „сотоварища“, пребудет с Ним в единении. А достигший единения стяжает имя влюбленного». И Хамза заканчивал эту главу о любви словами Халладжа: «Я есмь Истинный!»

АБУ НАСР АС-САРРАДЖ АТ-ТУСИ

Абу Наср Абдаллах бен Али бен Мухаммад бен Йахия ас-Саррадж ат-Туси (умер в 988 г.) — известный суфийский теоретик и наставник, за глубокие познания в богословии и доступное изложение мистического опыта прозванный «Павлином бедных», т. е. суфиев (таус ал-фукара). Составил своего рода «учебник» суфизма, в котором описал последовательность различных духовных состояний («стоянок»), достижимых мюридами на пути тариката. Обосновывал свои взгляды обильными цитатами из Корана, а также ссылками на изречения своих видных предшественников-богословов. Теологическое обоснование суфийского пути, доказательство его «ортодоксальности» в рамках общепринятых исламских традиций, согласование его положений с мнениями признанных философов и законоведов было в X веке необходимо для легализации суфийских школ во всех пределах мусульманского мира и опровергения обвинений в ереси, раздававшихся в адрес суфиев из уст ряда традиционных теологов. В приведенных ниже главах Ат-Туси упоминаются и сопоставляются мнения и изречения целого ряда суфийских мудрецов-мистиков.

Самое блестательное в суфизме

О стоянках и состояниях

ГЛАВА О СТОЯНКАХ И ИХ СУЩНОСТЯХ

Сказал Шайх — да будет милостив к нему Аллах: «Если спрашивают о значении слова „стоянки”, то отвечают: „Это стояние (*макам*) раба перед Аллахом, сообразно служению Аллаху (*ибадат*), подвижничеству (*муджахадат*), благочестивым упражнениям (*райадат*) и обращению к Аллаху, которые определены ему”. Всевышний сказал: „Это — для тех, кто убоился стояния передо Мной и Моей угрозы” (Коран 14, 17). Он сказал также: „И нет среди нас никого без известной стоянки” (Коран 37, 164)».

Шайх сказал, что Абу Бакара Ал-Васити спросили о словах Пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — «души — войска расставленные». Он ответил: «Расставленные по своим стоянкам».

Существуют такие стоянки, как раскаяние, благочестие, воздержание, бедность, терпение, удовлетворенность, упование и некоторые другие.

ГЛАВА О ЗНАЧЕНИИ СОСТОЯНИЙ

Сказал Шайх: «Что касается состояний, то они суть искренние поминания Аллаха (*зикр*), когда они поселяются в сердцах либо же когда сердца поселяются в них. Об Ал-Джунайде сообщают, что он сказал: „Состояние — это то, что нисходит на сердца, но не длится долго”. Говорят также: „Состояние — скрытое поминание”. Передают, что Пророк сказал: „Лучшее поминание — скрытое”. В отличие от *стоянок*, о которых мы говорили ранее, *состояния* не обретаются путем подвижничества, служения и благочестивых упражнений. Бывают такие *состояния*, как наблюдение, близость, любовь, страх, надежда, страстное желание, приязнь, успокоение, созерцание, уверенность и некоторые другие. Об Абу Сулаймане ад-Дарани сообщают, что он говорил: „Когда действие передает в сердца, все части тела получают отдохновение”. Сказанное Абу Сулайманом допускает два толкования. Согласно первому, он имел в виду, что все части тела получают отдохновение от подвижничества и тягот богоугодных дел, когда человек блудит свое сердце и берегает душу от посторонних мыслей и порицаемых искушений, которые отвлекают его от поминания Всевышнего. А может быть, Абу Сулайман подразумевал под этим следующее: человек настолько полно утверждается в подвижничестве, богоугодных делах и служении Аллаху, что они становятся его вотчиной. Тогда он начинает наслаждаться ими в своем сердце и находить их приятность; его покидают утомление и страдание, которые он испытывал ранее. Кто-то из суфииев — я полагаю, это был Мухаммад бен Васи, — сказал: „Двадцать лет я страдал ночами, а потом двадцать лет я наслаждался ночами”. Другой — я думаю, это был Малик бен Динар, — сказал: „Двадцать лет я вгрызался в Коран, а потом двадцать лет наслаждался его произнесением”.

Ал-Джунайд сказал: „Соблости права Аллаха можно, лишь оберегая сердце [от посторонних мыслей]. Тот, у кого нет сердечной тайны, старается понапрасну, его благодеяние не может быть искренним”.

ГЛАВА О СТОЯНКЕ РАСКАЯНИЯ (ТАУБА)

Абу Йакуб ас-Суси сказал: «Первая стоянка предавшихся Аллаху Всевышнему — раскаяние». Ас-Суси спросили о *раскаянии*, и он ответил: «Отвращение от всего, что порицает религиозная наука, и обращение ко всему, что она одобряет». Сахла бен Абдаллаха спросили о *раскаянии*. Он ответил: «Это значит не забывать о своих грехах». Когда же о *раскаянии* спросили Ал-Джунайда, он сказал: «Это — забвение своих грехов». Шайх сказал: «Ответ ас-Суси — о *раскаянии ищущих*, стремящихся к своей цели и домогающихся ее с переменным успехом. Сюда же относятся и слова

Сахла бен Абдаллаха. Ал-Джунайд же, ответив, что *раскаяние* — это забвение человеком своих грехов, подразумевал *раскаяние постигших Истину*, которые не помнят о своих грехах, поскольку их сердца наполнены величием Аллаха и постоянным поминанием Его. Это похоже на слова Рувайма бен Ахмада, который на вопрос о *раскаянии* ответил: „*Раскаяния бывают разные*”. Зу-н-Нуна спросили о *раскаянии*. Он ответил: „Простые люди раскаиваются в грехах, а избранные — в небрежении”.

Что касается суждений о *раскаянии*, принадлежащих *познавшим, нашедшем Бога и избранным из избранных*, то к ним относится высказывание Абу-л-Хусайна ан-Нури: „Раскаяние означает раскаяться во всем, кроме Аллаха”. То же самое подразумевал тот — я полагаю, это был Зу-н-Нун, — кто говорил: „Грехи приближенных к Богу — добродетели благонравных”. Говорят также: „Лицемерие познавших — искренность ищущих”. Действительно, в начале своего искания и обращения (к Богу) *познавший* приближается к Нему с помощью богоугодных дел и послушания. Когда же он овладевает ими в полной мере и достигает в них совершенства, его озаряет свет Истинного пути, к нему приходит божественное попечение, его охватывает божественное покровительство, и он начинает созерцать сердцем своим величие своего Господина, размышляя о творении Создателя и извечности Его милости. Тогда-то он раскаивается в том, что в начале своего искания был так сосредоточен на своих богоугодных поступках, благих делах и послушании, обращал на них так много внимания и находил в них успокоение.

Как же отличаются друг от друга раскаявшиеся! Один раскаивается в грехах и дурных поступках, другой — в мелких прегрешениях и небрежении, тогда как третий — в том, что следил за своими добрыми делами и актами послушания.

Раскаяние предполагает *осмотрительность*.

ГЛАВА О СТОЯНКЕ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ (ВАРА)

Сказал Шайх: «Стоянка осмотрительности — достойная стоянка. Пророк говорил: „Главное в вашей религии — осмотрительность”.

Осмотрительные делятся на три категории. Одни из них опасаются сомнительных вещей, вызывающих у них подозрение. Это вещи, которые не являются ни явно дозволенными, ни явно запретными, которые нельзя однозначно назвать абсолютно дозволенными или абсолютно запретными. Они лежат между этими двумя определениями, поэтому осмотрительный воздерживается от них.

Другие же опасаются тех вещей, от которых их удерживает сердце и от которых у них трепещет в груди, когда они пытаются ими воспользоваться. Такое свойство ведомо лишь „обладателям познающих сердец” и *постигшим Истину*. Об этом передают со слов Пророка: „Грех — то, что трепещет в груди твоей”.

К третьей группе осмотрительных принадлежат *познавшие и нашедшие [Бога]*. Как говорил [о них] Абу Сулайман ад-Дарани: „Все, что отвлекает тебя от Аллаха, — твоя напасть”. Когда Сахла бен Абдаллаха спросили о несомненно дозволенном, он ответил: „Дозволенное — то, в чем нет

ослушания Аллаху, а несомненно дозволенное — то, в чем нет забвения Аллаха". *Осмотрительность*, в которой нет забвения Аллаха, — это *осмотрительность*, о которой спросили аш-Шибли: „О Абу Бакр, что такое *осмотрительность*?“ Он отвечал: „Когда ты опасаешься, что твое сердце может отвлечься от Аллаха — велик Он и славен! — хотя бы на мгновение ока“. Первая *осмотрительность* присуща обычным верующим, — вторая — избранным, а третья — избранным из избранных.

Осмотрительность предполагает *воздержание*.

ГЛАВА О СТОЯНКЕ ВОЗДЕРЖАНИЯ (ЗУХД)

Сказал Шайх: «*Воздержание* — достойная стоянка. Оно — основа благих состояний и правоверных положений, первый шаг тех, кто стремится к Аллаху — велик Он и славен! — предается Ему, находит в Нем удовлетворение, уповают на Него. Тому, кто не тверд в *воздержании*, не достичь того, что следует за ним, ибо любовь к мирскому — начало всех прегрешений, а *воздержание* от мирского — начало всех добродетелей и послушания. Говорят, что назвать человека „воздерживающимся от мирского“ — значит назвать его тысячей хвалебных имен, а назвать человека „возжелавшим мирского“ — значит назвать его тысячей порочащих имен. Следуя воле Аллаха, *воздержанию* предавался и посланник Аллаха. Существует лишь *воздержание* от дозволенного, ибо отказ от запретного или сомнительного — религиозная обязанность.

Воздерживающиеся делятся на три категории. Одни из них — это начинаяющие, то есть те, чьи руки очистились от собственности, а сердца — от того, чем обладали руки. Ал-Джунайда спросили о *воздержании*. Он ответил: „Очищение рук от собственности, а сердец — от жадности“. Сари ас-Сакати спросили о *воздержании*. Он ответил: „Чтобы сердце очистилось от того, от чего очистились руки“.

Следующая категория воздерживающихся — достигшие совершенства в *воздержании*. Их описание содержится в ответе Рувайма бен Ахмада, сказавшего, когда его спросили о *воздержании*: „Отказ от всего в этом мире, что приятно душе“. Это — *воздержание постигших Истину*, ибо *воздержание* от мирского может быть приятно душе, поскольку оно включает в себя отдохновение, похвалу, одобрение и обретение высокого положения среди людей. Поэтому лишь тот, кто всем сердцем отказался от этих приятных сторон [*воздержания*], достиг в нем совершенства.

Третья категория — это люди, которые познали и удостоверились в том, — что, будь вся мирская жизнь для них дозволенной собственностью, за которую у них не потребуют отчета в будущей жизни и которая ничуть не уменьшит их положения в глазах Аллаха, они все равно воздержатся от нее исключительно ради Аллаха — велик Он и славен! Их *воздержание* основывается на том, что Аллах, сотворив однажды этот мир, с тех пор даже не взглянул на него. Если бы мирская жизнь имела в глазах Аллаха значение, равное хотя бы весу комариного крыла, Он не позволил бы неверующему испить в ней и глотка воды. Потому-то эти люди воздержались от своего же *воздержания* и раскаялись в нем. Аш-

Шибли спросили о *воздержании*. Он ответил: „*Воздержание* — это не что иное, как небрежение, ибо мирская жизнь есть ничто, а *воздержание от ничего* — небрежение!” Йахья бен Муаз сказал: „Мирская жизнь подобна невесте: кто желает ее, причесывает ей волосы. Отказывающийся же от нее, напротив, чернит ей лицо, растрепывает ей волосы и разрывает ее одежду. *Познавший* занят исключительно Аллахом и не обращает внимания на мирскую жизнь”.

Воздержание предполагает принятие и добровольное предпочтение *бедности*.

ГЛАВА О СТОЯНКЕ БЕДНОСТИ (ФАКР) И ОПРЕДЕЛЕНИЕ БЕДНЫХ (ФУКАРА)

Сказал Шайх: «*Бедность* — достойная стоянка, ведь Всевышний описал бедных и упомянул их в Своей Книге. Он сказал: „Для бедных, которые были стеснены ради Аллаха...” (Коран 2, 274). Пророк говорил: „*Бедность* правоверного раба божьего украшает его больше, чем хороший по-вод голову лошади”. Ибрахим бен Ахмад Ал-Хаввас сказал: „*Бедность* — плащ благородства, одеяние посланников, рубаха праведников, венец богобоязненных, украшение верующих, добыча познавших, цель ищущих, крепость покорных, тюрьма грешников, прощение дурных поступков и возвеличивание добрых; она поднимается в степени [духового совершенства] и подводит к вершинам [познания], она — удовлетворение Могущественного и дар, которым Он одаряет своих друзей из числа благонравных. *Бедность* — девиз праведников и обычай богобоязненных”.

Бедные делятся на три категории. К первой относится тот, кто ничего не имеет и ни от кого ничего не требует ни явно, ни в глубине души. Такой человек ни от кого ничего не ждет, а если ему дают, он не принимает. Это — *стоянка приближенных к Аллаху*. Рассказывают, что Сахл бен Али бен Сахл Ал-Исбахани говорил: „Позор всякому, кто называет наших сподвижников „бедными”, ибо они богаче всех тварей на свете”. Абу Абдаллах бен Ал-Джалла спросили о сущности *бедности*; Он ответил: „Махни на все рукой и скажи: „Господь мой — Аллах!” Абу Али ар-Рузбари рассказывал: „Спросил меня Абу Бакр аз-Закках: „О Абу Али, почему бедные (т. е. суфии) отказываются даже от необходимого, когда они испытывают нужду?” Я ответил: „Потому что им достаточно Дающего без [Его] дара”. Он сказал: „Да, это так, но мне пришло в голову кое-что другое”. — „Давай же, — сказал я, — поведай мне о том, что пришло тебе в голову”. Он ответил: „Потому что этим людям нет пользы в бытии, ибо Аллах — вот все, в чем они нуждаются. Нужда же не вредит им, поскольку их бытие — Аллах”. Я слышал это высказывание от Абу Бакра Ал-Вуджайхи, который слышал его от самого Абу Али. Я слышал также, как Абу Бакр ат-Туси говорил: „Долгое время спрашивал я, почему наши единомышленники предпочитают *бедность* всему прочему? Никто не смог удовлетворить меня своим ответом, поскольку я не обратился к Насру бен Ал-Хаммами, который сказал: „Потому что *бедность* — первая ступень единобожия”. Этот ответ удовлетворил меня”.

Ко второй категории бедных принадлежит тот, кто ничего не имеет, ничего ни у кого не просит, не требует и не вымогает намеками, но берет, когда ему дают без просьбы. Рассказывают, что Ал-Джунайд сказал: „Признак истинного бедняка в том, что он не просит и не отворачивается, [когда сму дают], а когда отворачиваются от него — он молчит”. Рассказывают, что Сахла бен Абдаллаха спросили об истинном бедняке. Он сказал: „Он не просит, не отвергает и не откладывает про запас”. Абу Абдаллаха Ал-Джалла спросили об истинной бедности. Он ответил: „Когда что-то не твое, а если и было твоим, то сейчас не твое, а раз оно не твое, то твоим и не было”. Ибрахима Ал-Хавваса спросили о признаке истинного бедняка. Он ответил: „Отказ от жалоб и скрывание следов лишений”. Говорят, что тот, кто достиг этой стоянки, достиг стоянки правдивейших.

К третьей категории бедных относится тот, кто ничего не имеет, а в случае нужды обращается к кому-либо из своих братьев по духу, которые, как он знает, всегда рады исполнить его просьбу. Искуплением за его просьбу будет искренняя милостыня. Ал-Джурайри спросили об истинной бедности. Он ответил: „[Бедняк] не ищет не-сущего, покуда не потеряет сущего”. Рувайма спросили о бедности. Он ответил: „Отсутствие всего сущего. [Бедняк], обращаясь к мирским вещам, делает это не для себя, а для других”. Стоянка такого бедняка — стоянка правдивейших в бедности.

Бедность предполагает стоянку терпения».

ГЛАВА О СТОЯНКЕ ТЕРПЕНИЯ (САБР)

Сказал Шайх: «Терпение — достойная стоянка. Аллах Всевышний хвалил терпеливых и упомянул их в Своей Книге, сказав: „Поистине, будет дана полностью терпеливым их награда без счета!” (Коран 39, 13). Ал-Джунайда спросили о терпении. Он ответил: „Несение бремени ради Аллаха Всевышнего, покуда не кончатся злые времена”. Ибрахим Ал-Хаввас говорил: „Большинство тварей избегают переносить тяготы терпения, прибегая к просьбам и помощи со стороны и полагаясь на них, как будто они их [истинные] повелители”. Около аш-Шибли остановился человек и сказал: „Какое терпение тяжелей всего для терпеливых?” Аш-Шибли ответил: „Терпение в Аллахе Всевышнем”. — „Нет”, — сказал человек. „Терпение ради Аллаха”, — сказал аш-Шибли. „Нет”, — отвечал человек. „Терпение с Аллахом”, — сказал аш-Шибли. „Нет”, — отвечал человек. Аш-Шибли разгневался и воскликнул: „Так что же? — о горе тебе!” Человек ответил: „Терпение от Аллаха!” Тут аш-Шибли испустил громкий вопль и едва не скончался.

Я спросил Ибн Салима в Басре о терпении. Он ответил: „Бывает три вида терпеливых: старающийся терпеть, терпеливый и долготерпеливый. Старающийся терпеть терпит в Аллахе Всевышнем. Один раз он в состоянии перенести тяготы, а другой — нет. Такого имел в виду Ал-Каннад, когда на вопрос о терпении он ответил: „Соблюдение обязательного, отвращение от запрещенного и прилежное выполнение того, что приказано”.

Терпеливый — это тот, кто терпит в Аллахе, ради Аллаха, не испытывает нетерпения, ибо оно не может овладеть им, и от кого не услышишь жалобы. Рассказывают, что Зу-н-Нун сказал: „Я вошел к больному, которого посещал. Беседуя со мной, он застонал. Я заметил ему: „Неискренен в любви к Нему тот, кто не терпит Его ударов!” Он ответил: „Напротив, неискренен в любви к Нему тот, кто не наслаждается Его ударами!” Когда аш-Шибли поместили в приют для умалищенных и надели колодки, к нему пришли несколько его друзей. Он спросил их: „Вы кто такие?” Они ответили: „Мы люди, которые тебя любят”. Тогда он принял швырять в них кирпичи, и они обратились в бегство. Аш-Шибли воскликнул: „О лжецы! Они утверждают, что любят меня, а моих ударов вытерпеть не могут!”

Что касается долготерпевшего, то он терпит в Аллахе, ради Аллаха и благодаря Аллаху. Даже если на него обрушатся сразу все напасти, он не поддастся и не изменит себе ни с точки зрения своих обязательств [перед Аллахом] и Истины, ни с точки зрения внешности и наружности.

Когда аш-Шибли спрашивали о *терпении*, он приводил в пример следующие строки:

Слезы начертали на щеке строку,
которую прочел даже тот, кто не силен в чтении.
Стон влюбленного от боли томления
и страха расставания порождает тоску.
Он превзошел само терпение,
и оно возвратило к нему о помощи.
И тогда влюбленный крикнул терпению: „Терпи!”

В области религиозной науки доводом в пользу этого служит рассказ о пророке Закарии. Когда к его шее приставили пилу, он застонал. Тогда Аллах Всевышний внушил ему: „Если от тебя ко мне поднимется хотя бы еще один стон, поистине, я столкну небо и землю друг с другом!”

Терпение предполагает *упование* на Аллаха».

ГЛАВА О СТОЯНКЕ УПОВАНИЯ (ТАВАККУЛ)

Сказал Шайх: «*Упование* — достойная стоянка. Аллах Всевышний повелел *упование* и связал его с верой (*ал-иман*), когда сказал: „На Аллаха уповайте, если вы верующие!” (Коран 5, 26). Еще Он сказал: „И на Аллаха пусть уповают упевающие!” (Коран 14, 15). В другом месте Он сказал: „На Аллаха пускай уповают верующие” (Коран 14, 14), отличая *упование* упевающих от *упования* верующих. Затем Он упомянул *упование избранных из избранных*, сказав: „А кто уповаает на Аллаха, тому достаточно Еgo”. При этом Он не обратил их ни к чему, кроме себя Самого. Он сказал также Господину посланников и главе всех упевающих (т. е. Мухаммаду): „И упрай на Славного, Милосердного, который видит тебя, когда ты встаешь” (Коран 26, 217).

Упевающие делятся на три категории. Что касается *упования* верующих, то о его условии упомянул Абу Тураб ан-Нахшаби. Когда его спросили об *уповании*, он сказал: „*Упование* — это предание тела служе-

нию [Аллаху] и устремление сердца к Господнему величию, а также удовлетворение самым необходимым: когда [уповающему] дают, он благодарит, а когда его лишают, он терпит, удовлетворенный, согласный с судьбой". Зу-н-Нуна спросили об *уповании*. Он ответил: „Это — оставление заботы о своей душе и отказ от своей силы и могущества". Абу Бакр аз-Заккак сказал: „Уповать — значит запасать пищу только на один день, не заботясь о дне завтрашнем". Рувайма спросили об *уповании*. Он ответил: „Уверенность в божественном обещании". Об *уповании* спросили Сахла бен Абдаллаха. Он ответил: „Быть вольным с Аллахом, но [лишь] в том, что Он пожелает".

Что касается *упования избранных*, то Абу-л-Аббас Ибн Ата сказал о нем: „Кто уповаёт на Аллаха, но не ради Аллаха, тот в своем *уповании* не уповаёт на Аллаха. Только тогда, когда он уповаёт на Аллаха, в Аллахе и ради Него, он в своем *уповании* уповаёт на Аллаха, а не на что-либо другое". Когда об *уповании* спросили Абу Йакуба, он ответил: „Гибель души (т. е. своего „я"), которая наступает, когда исчезает все приятное ей как в этой, так и в будущей жизни". Абу Бакр Ал-Васити сказал также: „Корень *упования* — нужда и необходимость. Упевающий не должен в своих желаниях ни на минуту забывать об *уповании*, но он также не должен ни на одно мгновение в своей жизни обращаться сердцем к своему *упованию*". Об *уповании* спросили также Сахла бен Абдаллаха. Он сказал: „*Упование* все состоит из одного только лица, у него нет затылка. Настоящее же *упование* свойственно только обитателям могил". Все говорившие указывали на сущность *упования* упевающих, другими словами — *избранных*.

Что касается *упования избранных из избранных*, то о нем сказал аш-Шибли, когда его спросили об *уповании*: „Чтобы ты был для Аллаха [таким], как будто тебя никогда не было, и чтобы Аллах был для тебя [таким], как будто Он был всегда". Кто-то из суфииев говорил: „Никто из людей не достигнет совершенства в *уповании*, ибо совершенство в совершенстве доступно одному лишь Аллаху — преславен Он!" Абу Абдаллаха бен Ал-Джалла спросили об *уповании*: Он ответил: „Поиск прибежища у одного лишь Аллаха!" Ал-Джунайда спросили об *уповании*. Он сказал: „Когда сердце полагается на Аллаха в любых обстоятельствах". Передают, что Абу Сулайман ад-Дарани сказал Ахмаду бен Аби-л-Хавари: „Ахмад, путей к будущей жизни много, и твой учитель (т. е. Абу Сулайман) знает многие из них, за исключением одного — благословенного *упования*. Поистине, я не ощущал даже его аромата!" Кто-то из суфииев сказал: „Кто желает полностью отдать должное *упованию*, пускай выроет могилу для своей души, похоронит ее в ней и позабудет об этом мире и его обитателях, ибо никто из людей не достигнет совершенства в *уповании*".

Упование предполагает удовлетворение».

ГЛАВА О СТОЯНКЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ (РИДА) И ОПИСАНИЕ ЕЕ ОБЛАДАТЕЛЕЙ

Сказал Шайх: «Удовлетворение — достойная стоянка. Аллах — велик Он и славен! — упомянул удовлетворение в Своей Книге и сказал: „Ал-

лах доволен ими, и они довольны Аллахом” (Коран 5, 119). Он говорил еще: „А удовлетворение Аллаха — больше” (Коран 9, 73), указывая, что удовлетворение Аллаха — велик Он и славен! — Своими рабами больше и предшествует их удовлетворению Им. Удовлетворение — величайшие врата Аллаха и рай в земной жизни. Оно состоит в том, что сердце раба пребывает в покое перед лицом божественного решения. Ал-Джунайда спросили об удовлетворении. Он сказал: „Это — отказ от собственной воли”. Ал-Каннада спросили об удовлетворении. Он ответил: „Спокойствие сердца перед божественным приговором”. Об удовлетворении спросили Зу-н-Нуна. Он ответил: „Ликование сердца перед божественным приговором”. Ибн Ата сказал: „Удовлетворение — созерцание сердцем предвечного приговора, который вынес Аллах [Своему] рабу, ибо сердце раба знает, что Аллах избрал для него наилучшее, и потому удовлетворяется этим выбором и оставляет недовольство”. Абу Бакр Ал-Васити сказал: „Пользуйся удовлетворением изо всех сил, но не давай ему пользоваться тобой, дабы его сладость и любование им не отгородили тебя [от Аллаха]”.

Удовлетворенные пребывают в своем удовлетворении в трех состояниях. Одни из них действуют, стремясь избавиться от волнений, покуда их сердца не начинают одинаково относиться к Аллаху во всех неприятностях, тяготах и невзгодах, а также в отдыхновении и дарах, которые Он ниссылает Своим повелением.

Другие отрещаются от видения своего удовлетворения Аллахом в лицезрении удовлетворения Аллаха ими самими, в соответствии со словами Всевышнего: „Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом” (Коран 5, 119). Они не могут утвердиться в удовлетворении, даже если они одинаково воспринимают нужду и изобилие, лишения и дары.

Наконец, третий поднимается выше этого. Они отрещаются как от лицезрения удовлетворения ими Аллаха, так и от своего удовлетворения Им в силу предвечного удовлетворения Аллаха Своими тварями. Как сказал Абу Сулайман ад-Дарани: „Дела людей — это не то, что может удовлетворить либо прогневить Аллаха. Напротив, Он испытывает удовлетворение одними людьми, наделяя их делами тех, кто вызывает Его удовлетворение, и гневается на других людей, наделяя их делами тех, против кого обращен Его гнев”.

Удовлетворение — последняя стоянка. Оно предполагает состояния „обладателей познающих сердец” (т. е. суфиев), постижение сокровенного, подготовку душ к искренним поминаниям [Аллаха] и истинам, присущим состояниям. Первое состояние из состояний „обладателей познающих сердец” — наблюдение».

ГЛАВА О НАБЛЮДЕНИИ ЗА СОСТОЯНИЯМИ, ИХ СУЩНОСТЯМИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИХ ОБЛАДАТЕЛЕЙ

Сказал Шайх: «Наблюдение — достойное состояние. Аллах Всевышний сказал: „Аллах наблюдает за всякой вещью!” (Коран 33, 52). Всевышний — велик Он и славен! — сказал еще: „Не произнесет он (человек) и единого слова, иначе как у него — готовый наблюдатель” (Коран

50, 17). Он сказал также: „Аллах знает вашу тайну и скрытые разговоры” (Коран 9, 79) и „Он знает, что вы скрываете и что обнаруживаете” (Коран 64, 4). Подобного в Коране много. Рассказывают, что Пророк говорил: „Служи Аллаху, как будто ты видишь Его, ибо, если ты Его не видишь, Он видит тебя!” *Наблюдение* для раба Божьего значит следующее: он узнает и удостоверяется в том, что Аллах Всевышний наблюдает за его сердцем и душой и знает, что в них. Потому-то раб и наблюдает за [посещающими его] порочными мыслями, отвлекающими сердце от поминания своего Господина. Как говорил Абу Сулайман ад-Дарани: „Разве может укрыться от Него то, что в сердцах?! Ведь в них нет ничего, кроме того, что Он сам туда вложил. Так как же укроется от Него то, что от Него же и исходит?!” Ал-Джунайд передавал: „Ибрахим Ал-Аджурри сказал мне: „О юноша, пусть до Аллаха дойдет [хоть] пылинка твоего благого намерения! Для тебя это будет лучше, чем если бы к Нему поднялось [целое] солнце!”” Ал-Хасан бен Али ад-Дамагани сказал: „Храните свои души; воистину, Он непрерывно наблюдает за ними!”

Наблюдающие в своем *наблюдении* пребывают в трех состояниях. То, о чем говорил Ал-Хасан бен Али, есть начальное состояние *наблюдения*. О втором состоянии говорил Ахмад Ибн Ата: „Лучший из вас тот, кто наблюдает божественную Истину посредством божественной Истины, отречившись от всего, кроме божественной Истины, и следя по стопам Избранника (т. е. Пророка) в своих поступках, нравственности и поведении”.

Что касается третьего состояния, то оно присуще величайшим из наблюдающих. Они наблюдают за Всевышним и просят Его, чтобы Он оберегал их в их *наблюдении*, ибо Аллах — велик Он и славен! — выделил достойнейших и избранных рабов Своих тем, что во всех их состояниях Он не предоставил их самим себе, не доверил их кому-либо другому, а Сам взял их под Свою опеку. Он сказал: „Он заботится о праведниках” (Коран 7, 195).

Ибн Ата сказал как-то одному из хорасанских „мудрецов”, которого одолело невежество, но который при этом занимался аскезой: „Неужели ты не знаешь, что творимое твоим телом — грязь по сравнению с тем, что ты созерцаешь своим сердцем, а созерцаемое сердцем — прах по сравнению с тем, что ты наблюдаешь в тайниках своего сердца. Наблюдай же за Аллахом Всевышним и в тайниках своего сердца и в своем повседневном образе жизни. Это лучше, чем совершать [богоугодные] дела и [непрестанно] молиться!”

Наблюдение предполагает *состояние близости*.

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ БЛИЗОСТИ [К БОГУ] (АЛ-КУРБ)

Сказал Шайх: «Аллах Всевышний говорил: „А когда спрашивают тебя обо Мне рабы Мои, то ведь Я — близок” (Коран 2, 182). Еще Он сказал: „Мы ближе к нему (рабу), чем шейная артерия” (Коран 50, 15) и „Мы ближе к этому, чем вы сами, но вы не видите” (Коран 56, 84). Затем Он сказал, описывая ангелов: „Те, к которым они взывают, сами

ищут пути к их Господу, кто из них ближе” (Коран 17, 59). „Путь” здесь означает „близость”. Всевышний сказал: „Мы ближе к этому, чем вы сами, но вы не видите” (Коран 56, 84), упомянув их (людей) близость к Нему. Затем Он упомянул „их близость” в смысле обращенной к Нему мольбы о близости каждого из людей, [сказав]: „...Кто из них ближе” (Коран 17, 59).

Состояние близости для раба означает, что он свидетельствует своим сердцем близость к себе Аллаха, а затем приближается к Нему посредством послушания Ему и полного сосредоточения перед Его лицом, постоянно поминая Его в тайниках своего сердца и явно.

Приблизившиеся пребывают в трех состояниях. Одни приближаются к Нему путем различных актов послушания, понимания, что Всевышний знает о них все, что Он близок к ним и что они находятся в Его власти.

Другие уже достигли здесь совершенства. Как говорил Амир бен Абд Ал-Кайс: „Я никогда не взирал на какую-либо вещь, не видя при этом, что Аллах Всевышний ближе к ней, нежели я”. Как сказал поэт:

Я постиг тебя в своем сердце в полной мере,
и язык мой вел с тобой тайную беседу.
Мы сходились относительно одних идей
и расходились по поводу других.
Даже если бы [чужие] похвалы на мгновение
удалили тебя от моего взора,
Любовный экстаз (ваджд)
приблизил бы тебя ко мне ближе,
чем мои собственные внутренности.

Ал-Джунайд сказал: „Знай, что Аллах приближается к сердцам Своих рабов ровно настолько, насколько Он видит их сердца приблизившимися к Нему. Следи же за тем, что близко твоему сердцу”. Другой суфий сказал: „У Аллаха Всевышнего есть рабы, которых Он — велик Он и славен! — приблизил к Себе тем, чем Он близок им, и они стали близки Ему тем, чем они близки Ему”. Это — вторая степень состояния близости.

Что касается этого состояния у величайших и достигших пределов [познания], то оно соответствует тому, что сказал Абу-л-Хусайн ан-Нури вошедшему к нему человеку. [Вначале] он спросил: „Ты откуда?” — „Из Багдада”, — ответил тот. „У кого ты там обучался?” — спросил ан-Нури. „У Абу Хамзы”, — ответил человек. [Тогда] ан-Нури сказал: „Если вернешься в Багдад, скажи Абу Хамзе, что самая большая близость в том смысле, который мы имеем в виду, есть самая большая удаленность”. Как говорил Абу Йакуб ас-Суси: „Пока раб пребывает в состоянии близости, она не является близостью. [Она станет таковой], когда он в близости отречется от близости. Когда он утратит в близости видение близости, это будет [истинной] близостью”. Речь в первом случае идет о видении рабом своей близости к Аллаху, а во втором — о близости к нему Аллаха.

Состояние близости предполагает состояния любви и страха».

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ ЛЮБВИ (МАХАББА)

Сказал Шайх: «Что касается состояния любви, то Всевышний упомянул о ней во многих местах Своей Книги. Он сказал: „Аллах приведет людей, которых Он любит и которые любят Его” (Коран 5, 59) и „Скажи: „Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, тогда вас полюбят Аллах” (Коран 3, 29). В другом месте Он сказал: „Они любят их, как любят Аллаха. А те, которые уверовали, сильнее любят Аллаха” (Коран 2, 160). В первом айате (Коран 5, 59) Он упомянул о Своей любви раньше, чем Он упомянул об их любви. Во втором же айате (Коран 3, 29) Он сначала упомянул их любовь к Нему, а затем Свою любовь к ним. В третьем айате (Коран 2, 160) Он упомянул только их любовь к Нему.

Состояние любви для раба — видение своими глазами того, чем его облагодетельствовал Аллах, а сердцем — того, что Аллах близок к нему, заботится о нем, оберегает и выступает его поручителем. Кроме того, любовь — это видение рабом посредством веры и достоверного знания предвечного божественного промысла, правого руководства и извечной любви к нему Аллаха. [Когда раб увидит все это], он возлюбит Аллаха — велик Он и славен!

Любящие пребывают в трех состояниях. Первое состояние любви — любовь простых верующих. Она проистекает от милости и благосклонности к ним Аллаха. О Пророке передают, что он сказал: „Сердца по своей природе склонны любить того, кто милостив к ним, и ненавидеть того, кто приносит им зло”. Об условии этого состояния любви упомянул Сумнун: „Чистая привязанность наряду с непрерывным поминанием. Ведь тот, кто любит, часто поминает объект своей любви”.

Сахла бен Абдаллаха спросили о любви. Он ответил: „Согласие сердца с Аллахом, постоянство и обязательность этого согласия, подражание примеру Пророка наряду с истовостью в поминании Аллаха Всевышнего и блаженством в тайной беседе с Ним — велик Он и славен!” Ал-Хусайна бен Али спросили о любви. Он ответил: „Ты прилагаешь все силы, а Возлюбленный поступает как Ему вздумается!” Одного из шайхов спросили о любви. Он ответил: „Неистовство сердец в восхвалении Возлюбленного и одновременно послушание Ему и согласие с Ним”. Поэт сказал:

Если бы любовь твоя была искренней, ты бы повиновался ей.
Ведь влюбленный повинуется тому, кого он любит!

Второе состояние любви проистекает от видения сердцем самодостаточности Аллаха, Его достоинства и величия, знания и могущества. Это — любовь искренних и постигших [Истину]. Ее условие и описание содержится в высказывании Абу-л-Хусайна ан-Нури. Когда его спросили о любви, он ответил: „Разрывание покровов и раскрытие тайн”. О любви спросили также Ибрахима Ал-Хавваса. Он сказал: „Уничтожение желаний и сжигание всех привязанностей и потребностей”. О любви спросили Абу Саида Ал-Харраза. Он ответил: „Блажен испивший чашу любви Его, вкушивший наслаждения от тайной беседы с Преславным и близости с Ним! Он вкусила в своей любви наслаждения, сердце его исполнилось любовью, в веселье воспарил он к Аллаху и, снедаемый

страстью, потерял голову от томления по Нему. Как прекрасен влюбленный в своего Господа; пораженный любовным недугом страдалец! У него нет ни прибежища, ни друга, кроме Всевышнего!"

Третье состояние любви — любовь правдивейших и познавших [Бога]. Она проистекает из того, что они видят и знают о предвечной и беспричинной любви Аллаха. Поэтому они также любят Его без всякой причины. Описание этой любви содержится в ответе Зу-н-Нуна на вопрос: „Что такое чистая, незамутненная любовь?” Он сказал: „Чистая, незамутненная любовь к Аллаху — уход любви из сердца и всего тела, покуда там ее совсем не останется. Тогда все будет в Аллахе и для Аллаха. Таков [истинно] любящий Аллаха!” Абу Йакуб ас-Суси сказал: „Любовь несовершенна, пока любящий не перейдет от созерцания любви к созерцанию Возлюбленного, уничтожив само сознание любви для того, чтобы Возлюбленный существовал бы для него в сокровенном мире, а не в его любви. Когда влюбленный достигнет этой [степени] отношения, он окажется влюбленным без любви”. О любви спросили Ал-Джунайда. Он ответил: „Когда свойства возлюбленного приходят на смену свойствам влюбленного”. Такой же смысл в словах [Аллаха]: „Пока Я не возлюблю его (раба). Когда же Я возлюблю его, Я стану глазами, которыми он видит, слухом, которым он слышит, рукой, которой он ударяет”».

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ СТРАХА (ХАУФ)

Сказал Шайх: «Что касается страха, то мы одновременно упомянули любовь и страх, поскольку состояние близости предполагает оба эти состояния. У одного человека при видении близости к нему Аллаха сердцем овладевает страх, а у другого, напротив, — любовь. Это зависит от того, как Аллах распределил между людскими сердцами веру, уверенность и страх, что является раскрытием сокровенного. Если сердце раба, находясь вблизи своего Господа, видит Его величие, достоинство, внушающее трепет, и могущество, это ввергает его в страх, смущение и робость. Если же сердце раба, находясь вблизи своего Господа, видит Его доброту, Его извечную благосклонность, милость и любовь к нему, это склоняет раба к любви, страшному желанию, волнению, любовному пылу, и он начинает тяготиться своим существованием сознательно, по собственной воле и способности. Так предопределил Великий и Всеведающий.

Страх бывает трех видов. Всевышний упомянул о страхе и связал его с верой: „Не бойтесь их, а бойтесь Меня, если вы верующие!” (Коран 3, 169). Это страх наиславнейших (аджилла) из познавших. В словах же Аллаха: „А тому, кто боится сана Господа своего, — два сада” (Коран 55, 46) — говорится о страхе людей средних; слова же: „Они боятся дня, когда перевернутся сердца и взоры” (Коран 24, 37) — относятся к страху простых людей.

Одни из них боятся гнева Аллаха и Его наказания, согласно словам Всевышнего: „Они боятся дня, когда перевернутся сердца и взоры” (Коран 24, 37). Это — простые люди. Их сумрак — волнение сердец, вызванное их знанием о могуществе Того, кому они поклоняются.

Что касается людей средних, то они боятся быть отделенными [от Аллаха] и того, что они не смогут сохранить в чистоте свое познание [Аллаха]. Аш-Шибли спросили о страхе. Он ответил: „Когда ты боишься, что Аллах не вернет тебя самому себе”. Абу Саид Ал-Харраз рассказал такую историю: „Я пожаловался одному из познавших на страх. Он ответил мне: „Я мечтаю увидеть человека, который знал бы, что такое страх перед Аллахом! Ведь большинство страшящихся страшатся перед Аллахом за самих себя, жалея свою душу и действуя с целью избавить ее от приговора Аллаха — велик Он и славен!”” Ибн Хубайк сказал: „По-моему, страшящийся — тот, кто пребывает во власти времени, ведь все сотворенное боится времени, а время его хранит”. Ал-Каннад сказал: „Признак страха в том, чтобы не тешить себя, говоря: „О если бы...” и „Как-нибудь потом...” Кто-то из суфииев сказал: „Признак страха перед Аллахом Всевышним — трепет сердца и ужас перед божественной угрозой”. Ибн Хубайк сказал также: „По-моему, страшящийся — тот, кто страшится самого себя больше, чем Шайтана”.

Что касается страха избранных, то о нем сказал Сахл бен Абдаллах: „Если хоть пылинка их страха достанется людям земли (т. е. простым смертным), то все они достигнут блаженства!” Его спросили: „И сколько же этого страха будет у страшящихся?” Он ответил: „Подобно горе!” Ибн Ал-Джалла сказал: „По-моему, страшящийся — тот, кто страшится только одного Аллаха Всевышнего”.

Ал-Васити сказал: „Величайшие страшатся быть отделенными [от Аллаха], а малые — божественного наказания. Страх величайших более последователен, ибо, пока в душе человека остается свойственное ей безрассудство, он несовершенен, пусть даже он проявил полное самоотречение и предался [Аллаху]”. Шайх сказал: «Безрассудство души означает ее заботу о себе, притязания и видение своего послушания.

Страх составляет пару с надеждой».

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ НАДЕЖДЫ (РАДЖА)

Сказал Шайх: «Надежда — достойное состояние. Аллах Всевышний говорил: „Был для вас в посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и последний день” (Коран 33, 21). А в другом аяте: „Они надеются на Его милость и боятся Его наказания” (Коран 17, 59). Он сказал также: „И кто надеется на встречу со своим Господом, пусть творит дело благое” (Коран 18, 110). Комментаторы Корана утверждали, что „встреча со своим Господом” — это воздаяние Господа. Пророк сказал: „Если взвесить страх и надежду верующего, то они уравновесятся”. Кто-то из суфииев сказал: „Страх и надежда — два крыла любого поступка, Он взлетает лишь с помощью их обоих”. Абу Бакр Ал-Варнак сказал: „Надежда — передышка, которую Аллах Всевышний дает сердцам страшящихся. Не будь ее, их души пропали бы, а разум помутился”.

Надежда делится на три части: надежда на Аллаха, надежда на широту Его милости и на Его воздаяние. Надежда на воздаяние и широту Его милости присуща ищущему, который слышал, что Аллах упомянул [в Коране] о Своих дарах, и надеется на них. Он узнал [также], что

великодушие, милость и щедрость являются свойствами Аллаха, а его сердце нашло отдохновение в *надежде* на божью милость и великодушие. Так, например, о Зу-н-Нуне рассказывают, что он, молясь, повторял: „О Господи, воистину, у нас больше *надежды* на широту Твоей милости, чем на наши [благие] дела; мы больше надеемся на Твое прощение, чем на Твое наказание, уготованное нам”. Кто-то из суфиев сказал: „Боже, Ты добр к тому, кто устремился к Тебе в своем искании и надеялся на Тебя в своих невзгодах! О предел желаний надеющихся, дай нам *надежду* на скорый отдых, который напоит нас из источников Твоей радости и приведет нас к Твоей *близости!*”

Раб, чья *надежда* обращена [исключительно] к Аллаху Всевышнему, достиг совершенства в *надежде* и не требует у Аллаха ничего, кроме Него Самого. Аш-Шибли спросили о *надежде*. Он ответил: „Надеяться — значит просить Аллаха не отделять тебя от Него”. Зу-н-Нун рассказал: „Странствуя в пустыне, я повстречал женщину. Она спросила меня: „Ты кто?” Я ответил: „Я чужак”. Тогда она спросила: „Разве рядом с Аллахом Всевышним может быть печаль чужбины?”»

РАЗДЕЛ О ЗНАЧЕНИИ СОСТОЯНИЙ СТРАХА И НАДЕЖДЫ

Что касается высказываний людей, достигших вершин и совершенства в *страхе* и *надежде*, то это слова Ахмада Ибн Ата. Когда его спросили о *страхе* и *надежде*, он сказал: «Люди были призваны к *надежде* и *страху*, и покуда раб не пройдет их путем и не пребудет между ними, он не постигнет их истины и будет привязан к тому в них, что на самом деле, не является их сутью». Его спросили: «Что же такое *страх* и *надежда?*» Он сказал: «Двое поводьев души, не позволяющих ей от вольности и безопасности, отчаяния и отделенности [от Аллаха] перейти к безрассудству». Абу Бакр Ал-Васити сказал: «*Страх* — это потемки. Страшащийся пребывает в замешательстве под их покровом и постоянно стремится найти выход из них. Когда же ему является *надежда* с ее светом, он выходит к местам отдохновения. Здесь им овладевает *желание*. Красота дня полезна лишь в сочетании с сумраком ночи, и потому в них обоих благо вселенной. Так же и сердце: то оно в плену у тьмы, то вдруг забрезжат зарницы *надежды*, и оно становится повелителем». Любовь, страх и надежда сопрягаются друг с другом. Кто-то из суфиев сказал: «Всякая любовь, если она не сопровождается страхом, поражена ржавчиной, как поражен ею всякий страх без надежды. Это же относится к *надежде* без *страха*».

Надежда и *любовь* предполагают *страстное желание*.

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ СТРАСТНОГО ЖЕЛАНИЯ (ШАУК)

Сказал Шайх: «*Страстное желание* — достойное *состояние*. Пророк говорил: „Разве можно не желать страстно рая?! Ведь он, клянусь Господином Ал-Кабы, базилик трепещущий, река постоянно текущая и *прекрасная!*” Передают, что Пророк в своей молитве повторял:

„Прошу Тебя о наслаждении созерцать Твой лик и о *страстном желании* встретить Тебя!” Наслаждение созерцать лиц Аллаха Всевышшего относится к будущей жизни, *страстное желание* встретить Его — к этой. Передают, что желающий рая спешит творить добрые дела. Передают также, что рай желает троих: Али, Аммара и Салмана.

Страстное желание свойственно рабу божьему, который изнемогает от своей земной жизни, страстно желая встретить своего Возлюбленного. Одного из суфииев спросили о *страстном желании*. Он сказал: „Нестовство сердца при поминании Возлюбленного”. Другой сказал: „*Страстное желание* — огонь, который Аллах Всевышний разжигает в сердцах Своих друзей, пока он не сожжет в них все [мирские] помыслы, желания, отвлечения и потребности”. Ал-Джурайри сказал: „Если бы в страсти не было наслаждения, многоженство было бы непереносимо”. Абу Саид Ал-Харраз сказал: „Их сердца исполнились любовью, в веселье воспарили они к Аллаху — велик Он и славен! — и, снедаемые *страстным желанием*, потеряли голову от томления по Нему. Как прекрасны влюбленные в своего Господа страдальцы, пораженные любовным недугом! У них нет ни прибежища, ни друга, кроме Всевышнего!”

Испытывающие *страстное желание* пребывают в нем в трех *состояниях*. Одни страстно желают воздаяния, великолюдия, милости и благосклонности, обещанных Всевышним Своим друзьям.

Другие страстно желают своего Возлюбленного из-за того, что они сильно любят Его, тяготятся своим существованием [без Него] и жаждут встречи с Ним.

Третий же видят близость своего Господа, Его неизменное присутствие, и сердца их наслаждаются поминанием Всевышнего. Было сказано: „Желают того, кто отсутствует, Он же присутствует [в мире] неизменно”. Тот, кто посредством *страстного желания* отрешается от *страстного желания*, [становится] желающим без желания. Его близкие видят в нем признаки *страстного желания*, но сам он его отрицает.

Страстное желание предполагает *приязнь*.

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ ПРИЯЗНИ (УНС)

Сказал Шайх: «*Приязнь* к Аллаху Всевышнему означает доверие Ему, успокоение в Нем и обращение к Его помощи. Больше этого о ней трудно сказать. Предание сообщает, что Мутариф бен аш-Шиххир написал Умару бен Абд Ал-Азизу: „Да будет твоя *приязнь* *приязнью* к Аллаху и да прибегнешь ты лишь к Нему одному!” Поистине, у Аллаха есть такие рабы, которые ищут Его *приязни*, и при всей их малочисленности их стремление добиться Его *приязни* сильнее, нежели у множества других людей. Чем более одиноки другие люди, тем сильнее *приязнь* этих рабов, и, напротив, чем больше *приязнь* людей, тем сильнее одиночество этих рабов. Мутариф бен Абдаллах — один из известнейших *табиун*, а Умар бен Абд Ал-Азиз — один из праведных халифов. Со слов одного из познавших Аллаха передают: „У Аллаха — велик Он и славен! — есть рабы, которых Он пожелал посвятить в истину *приязни* к Нему. Он от-

нял у них Своей приязнью чувство *страха* перед всем, кроме Него самого". *Приязнь* к Аллаху для раба — это его полная непорочность и чистота его поминания Аллаха. Он испытывает отвращение ко всему, что отвлекает его от Всевышнего, и тогда Тот осчастливливает раба Своим присутствием.

Обладатели *приязни* пребывают в трех *состояниях*. Одни испытывают *приязнь* к *поминанию* и *неприязнь* к забвению, *приязнь* к послушанию и *неприязнь* к греху. Передают, что Сахл бен Абдаллах сказал: „Начало *приязни* для раба в том, что его душа и все члены тела испытывают *приязнь* к разуму, [затем] разум и душа испытывают *приязнь* к знанию божественного закона и, наконец, разум, душа и все члены тела искренне испытывают *приязнь* к богоугодным делам. Тогда-то раб испытывает *приязнь* к Аллаху, другими словами, находит в Нем успокоение”.

Второе *состояние приязни* присуще рабу, уже испытавшему *приязнь* к Аллаху и *неприязнь* ко всему помимо Него, то есть к помыслам и соблазнам, которые отвлекают от Него. Передают, что Зу-н-Нуна спросили о признаке *приязни* к Аллаху. Он ответил: „Если ты видишь, что Всевышний наделил тебя *приязнью* к Своему творению, значит, Он внушил тебе *неприязнь* к Себе. Если же ты видишь, что Он наделил тебя *неприязнью* к Своему творению, значит, Он внушил тебе *приязнь* к Себе”. Ал-Джунайда спросили о *приязни*. Он сказал: „Когда уходит стеснение, но остается почтение”. Когда о *приязни* спросили Ибрахима Ал-Маристани, он ответил: „Когда сердце радуется Возлюбленному”.

Третье *состояние приязни* — отречение от видения *приязни*, когда она существует вместе с почтением, *близостью* и восхвалением Аллаха. Со слов одного из познавших Аллаха передают: „У Аллаха есть рабы, которых Он обогатил стольким почтением к Нему, сколько Он отнял у них *приязни* к чему-либо, кроме Него”. Передают, что некий человек написал Зу-н-Нуну: „Да дарует тебе Аллах *приязнь* Своей *близости*!” Тот написал ему в ответ: „Да удалит тебя Аллах от Своей *близости*, ибо, когда Он дарует тебе *приязнь* Своей *близости*, — это твоя судьба, а когда Он удаляет тебя от Своей *близости* — это Его предопределение”. Слова „удалит тебя от Своей *близости*” означают: „внушит тебе трепет в *близости* с Ним”. О *приязни* спросили аш-Шибли. Он ответил: „Твоя *неприязнь* к себе, к своей душе и ко [всей] вселенной”.

Приязнь к Аллаху предполагает *успокоение*.

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ УСПОКОЕНИЯ (ИТМАНИНА)

Сказал Шайх: «Аллах Всевышний сказал: „О ты, душа успокоившаяся!” (Коран 89, 27). В комментарии [пояснено]: „успокоившаяся в вере”. Аллах — велич Он и славен! — сказал также: „Те, которые уверовали и сердца которых успокаиваются в поминании Аллаха, — о да! ведь поминанием Аллаха успокаиваются сердца...” (Коран 13, 28). Аллах сказал также в рассказе о [пророке] Ибрахиме — мир ему: „Но чтобы сердце мое успокоилось” (Коран 2, 262).

Сахл бен Абдаллах сказал: „Если сердце раба доверится своему Господу и найдет в Нем успокоение, то состояние раба укрепится. Если же оно укрепится, все будет приятно рабу”. Ал-Хасана бен Али ад-Дамагани спросили о словах Аллаха — велик Он и славен! — „сердца тех, которые уверовали, успокаиваются в поминании Аллаха” (Коран 13, 28). Он ответил: „Сердца возрадовались и возликовали, доверились и привязались, а затем Он открылся [им]”. Ад-Дамагани пояснил: „[Сердца] возрадовались, познав величие и могущество Аллаха Всевышнего, возликовали, познав Его милость и доброту, доверились, познав достаточность Аллаха [для бытия людей] и Его правдивость, привязались, познав доброжелательность и мягкость Аллаха”. Аш-Шибли спросили о значении слов Абу Сулаймана ад-Дарани: „Душа, когда она получает свою пищу, успокаивается”. Он ответил: „Она успокаивается, когда узнает, кто дает ей пищу”.

Успокоение — возвышенное состояние. Оно присуще рабу, у которого возобладал разум, укрепилась вера, углубилось знание, поминание которого очистилось, а внутренняя сущность стала неизменной.

Успокоение бывает трех видов. Первый присущ простым верующим, которые, поминая Аллаха, находят успокоение в своем поминании. Им достаточно от Него, чтобы Он отвечал на их молитвы, щедрее наделял их хлебом насыщенным и отводил напасти. По этому поводу Всевышний сказал: „душа успокоившаяся” (Коран 89, 27), то есть успокоившаяся в вере в то, что Аллах есть единственный, кто побуждает и кто запрещает.

Второй вид успокоения присущ избранным, поскольку они удовлетворились Его предопределением и терпеливо снесли Его испытания. Они поступали искренно, были богобоязненными, доверились и нашли успокоение в словах Аллаха — велик Он и славен: „Поистине, Аллах — с теми, кто убоялся, и с теми, кто делает добро” (Коран 16, 128) и „Поистине, Аллах с терпеливыми” (Коран 2, 153). Они успокоились и доверились словам Аллаха „с терпеливыми”. Однако к их успокоению [все же] примешивается то, что они наблюдают за своим послушанием [Аллаху].

Третий вид успокоения присущ избранным из избранных, постигшим, что их сердца не смогут успокоиться в Нем, не смогут находиться с Ним, почитая и возвеличивая, ибо у Него нет предела, которого можно было бы достичь: „нет ничего, подобного Ему” (Коран 42, 9). В чем же сможет найти успокоение и чему сможет довериться сердце того, кто в глубине души постиг подобное положение дел?! Ведь испытывающийажду желания и все время стремящийся к большему погружается в море, которое нельзя объять воображением. Эти слова я извлек, сократив, из высказываний Ал-Васиты.

Успокоение предполагает *свидетельство*.

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ СВИДЕТЕЛЬСТВА (МУШАХАДА)

Сказал Шайх: «Аллах Всевышний сказал: „Поистине, в этом — напоминание тому, у кого есть сердце или кто слушает и свидетельствует” (Коран 50, 36), то есть „ тот, чье сердце присутствует”. Всевышний сказал также: „...И свидетелем, и тем, о ком он свидетельствует” (Коран

85, 3). Абу Бакр Ал-Васити пояснил: „Свидетель” — это Господь, а „ тот, о ком Он свидетельствует”, — вселенная, [Вначале] Он вверг тварей в небытие, а [затем] произвел на свет”. Абу Саид Ал-Харраз сказал: „От того, кто свидетельствует Аллаха в своем сердце, отступает все, кроме Него, все вокруг гибнет и исчезает пред бытием Божьего величия, в сердце остается один только Аллах — велик Он и славен!” Амр Ал-Макки сказал: „Свидетельство — это сокровенное, которое сердца встречают в сокровенном. Его нельзя достичь ни видением воочию, ни путем экстаза”. Он сказал также: „Свидетельство — связующее звено между видением сердца и видением воочию, ибо видение сердца при раскрытии достоверного знания увеличивает самообман”.

Об этом Пророк сказал Абдаллаху бен Умару: „Служи Аллаху, как будто ты видишь Его”. Что касается слов Всевышнего „он свидетельствует” (Коран 50, 36), то говорят, что это созерцание вещей проницательным взглядом и видение их как воочию мысленным взором. Амр Ал-Макки сказал: „Свидетельство означает присутствие, оно, [в свою очередь], значит близость, в соответствии со словами Аллаха — велик Он и славен: „И спроси их о селении, которое [присутствовало] у моря” (Коран 7, 163), что означает „находилось близко от моря”, „смотрело на море”. Амр Ал-Макки сказал: „Свидетельство — это то, что сопутствует уверенному знанию. Оно озарено отблесками присутствия, которые не выходят за пределы сердца”. Он сказал также: „Свидетельство — это присутствие в смысле нахождения вблизи [от Аллаха], которое сопряжено с уверенным знанием и его истинами”.

Свидетельствующие, пребывают в трех состояниях. Первое из них [присуще] малым людям, то есть, ищущим. О нем говорил Абу Бакр Ал-Васити: „Они созерцают вещи проницательными взглядом и видят их мысленным взором как воочию”.

Второе состояние свидетельства присуще людям средним. О нем упомянул Абу Саид Ал-Харраз: „Люди пребывают в деснице Божьей и в Его власти. Если же между Аллахом и рабом возникнет [состояние] свидетельства, в душе и помыслах раба не останется ничего, кроме Аллаха Всевышнего!”

Третье состояние свидетельства есть то, о чем упомянул Амр Ал-Макки в „Книге свидетельства”: „Истинно, сердца познавших, созерца Аллаха, утверждают Его бытие. Они видят Его во всем, а все сущее — в Нем. Их свидетельство происходит в Его присутствии, для них, но посредством Него. Они одновременно находятся в Его присутствии и отсутствуют, отсутствуют и находятся в Его присутствии, поскольку Он один и в присутствии и в отсутствии. Они созерцают Его явным и скрытым, скрытым и явным, последним и первым, согласно словам Аллаха — велик Он и славен: „Он — первый и последний, скрытый и явный, и Он о всякой вещи знающ!” (Коран 57, 3)

Свидетельство — возвышенное состояние. Оно есть внешнее проявление истин уверенного знания и потому предполагает уверенность».

ГЛАВА О СОСТОЯНИИ УВЕРЕННОСТИ (ЙАКИН)

Сказал Шайх: «Аллах Всевышний упомянул уверенность в нескольких местах Своей Книги в трех сочетаниях: *уверенное знание* (Коран 102, 5), *око уверенности* (Коран 102, 7) и *истина уверенности* (Коран 69, 51).

Пророк сказал: „Просите у Аллаха Всевышнего прощения, благополучия и уверенности в этой и будущей жизни”. Он сказал также: „Да будет милостив Аллах к брату нашему Исе! Будь у него больше уверенности, он смог бы ходить и по воздуху”.

Амир бен Абд Кайс сказал: „Даже если бы покров, [скрывающий Аллаха], приоткрылся, у меня не прибавилось бы уверенности”, то есть „даже если бы я воочию увидел сокровенное, в которое я верил [не видя]”. Эти слова суть мистический восторг, экстаз и познание истины.

Передают, что Пророк сказал: „Люди будут воскрешены в том состоянии, в каком они умерли”. Знание не есть видение во всех смыслах этого слова. Поэтому [слова Амира] могут иметь другой смысл, то есть он имел в виду, что у него не прибавилось бы *уверенного знания* [об Аллахе]. Абу Йакуб ан-Нахраджури сказал: „Если раб достиг совершенства в уверенности, несчастье станет для него наслаждением, а благополучие — напастью”.

Уверенность — это раскрытие, а раскрытие бывает трех видов: наглядное раскрытие через лицезрение в День воскресения; раскрытие сердцами истин веры через *состояние уверенности*, когда для познающего нет предела и у него не возникает вопрос „как?”. Наконец, третье состояние — раскрытие знамений, когда пророки являются божественное могущество посредством чудес, а остальные — посредством сверхъестественных деяний и действенности молитв.

Уверенность — возвышенное *состояние*. Уверенные пребывают в трех состояниях. Первое присуще малым людям, то есть *щущим* и простым верующим. О нем сказал кто-то из суфииев: „Первая ступень уверенности — вера в то, что в леснице Божьей, и отчаяние в том, что в руках людских”. Об этом же говорил Ал-Джунаид, когда его спрашивали об уверенности. Он отвечал: „Уверенность — исчезновение [всякого] сомнения”. Абу Йакуб сказал: „Если раб находит удовлетворение во всем, что уготовал ему Аллах, то, значит, уверенность его достигла совершенства”. Рувайма бен Ахмада спросили об уверенности. Он ответил: „Когда сердце постигает смысл таким, какой он есть [на самом деле]”.

Второе состояние [*уверенности*] присуще людям средним, то есть *избранным*. О нем спросили Ибн Ата, и он ответил: иногда противодействие [божественной воле] исчезает вовсе”. Абу Йакуб сказал: „Когда раб достигает истины уверенности, он начинает переходить от уверенности к уверенности, покуда она не станет его вотчиной”. Абу-л-Хусайна ан-Нури спросили об уверенности. Он сказал: „Уверенность — это *свидетельство*”. А о *свидетельстве* мы уже упоминали.

Третье состояние присуще великим, то есть *избранным из избранных*. О нем сказал Амир бен Усман Ал-Макки: „Уверенность есть полное признание за Аллахом всех Его свойств”. Он сказал еще: „Предел уверенности — постоянное внимание сердец Аллаху — велик Он и славен! —

тем движениям божественного внушения, которые низводит на них *уверенность*”. Абу Йакуб сказал: „Раб не может заслужить уверенности, пока он не разорвет всех связей между собой и Аллахом, соединяющих божественный престол с землей; когда Аллах, и никто другой, станет его единственной целью и когда он предпочтет Аллаха всему прочему”.

Прибавлению уверенности нет предела. Всякий раз, как люди углубляют свое познание и понимание веры, их уверенность увеличивается все больше и больше. Уверенность — исток всех состояний, и все они в конечном счете восходят к ней. Она — последнее состояние и скрытая сторона всех состояний. Все же состояния суть внешняя сторона уверенности. Вершиной уверенности является достижение веры в истинность сокровенного, когда исчезают все сомнения, и колебания. Вершина уверенности — это также предвкушение радости [встречи с Богом], сладость тайной беседы [с Ним], чистота видения Аллаха Всевышнего, когда сердца — созерцают истины состояния уверенности, отвергая [рациональные] доводы и противодействуя недоверию.

Аллах Всевышний сказал: „Поистине, в этом — знамения для присматривающихся к знакам” (Коран 15, 75) и „на земле есть знамения для уверенных” (Коран 51, 20).

Абу Бакр Ал-Васити сказал: „Если человек достигает уверенности в чем-либо, он начинает созерцать состояния. Если же ему открываются истины чего-либо, он покидает стезю человеческую”.

Аллах призвал людей приближаться к Нему, что означает проявлять правдивость. Всевышний призвал людей также и к *свидетельству* сказав: „правдивейшие, свидетели и благочестивые”. „Свидетели” здесь — это те, кто вручил Ему свои души, а „благочестивые” (Коран 4, 71) — те, кто bлюдет свои договоры и обязательства [по отношению к Нему]».

ОМАР ХАЙАМ

Омар Хайам (1048 — 1131) — один из самых загадочных поэтов Востока, мыслитель, «совмешавший несовмешаемое». Парадоксальность его творчества состоит в соседстве идей и утверждений, в корне друг другу противоречащих: усердного благочестия — и сомнений в Высшей Справедливости; веры в истинность точных наук (Хайам сам был выдающимся математиком, астрономом и философом) — и убежденности в непознаваемости мира, в тщетности всякого исследования; призывов к самоограничению, вплоть до аскетизма и «умерщвления плоти» — и настойчиво повторяющихся вариаций той мысли, что жизнь мгновенна¹, а потому единственный смысл ее — в эпикурейско-гедонистическом наслаждении плотской любовью, вином и т. д. Со временем переложения рубайет (четверостиший) Хайама на английский язык поэтом Эдвардом Фицджеральдом (1859 г.) и первого знакомства европейцев с его творчеством и по сей день — Хайам не перестает поражать читателей этими непримиримыми противоречиями, как бы лежащими в основе его мировоззрения (хотя многим поверхностным знатокам его творчества Хайам предстает именно в ипостаси гедониста, отрицателя Промысла и вечной жизни души). Русский востоковед В. А. Жуковский в конце 19 в. писал о Хайаме так: «Он вольнодумец, разрушитель веры; он безбожник и материалист; он насмешник над мистицизмом и пантегистом; он правоверующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, учений; он — гуляка, раззвратник, ханжа и лицемер... Он мягкая натура, преданная более созерцанию Божественных вещей, чем жизненным наслаждениям; он скептик-эпикуреец... Можно ли, в самом деле, представить человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмешаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений...».

Разгадка парадокса Омара Хайама — в том, что он суфий. В рубайах, содержащих сомнения в справедливости Аллаха и столования по поводу краткости и «никчемности» земной жизни, поэт всего лишь показывает несостоятельность как официальной мусульманской теологии, так и ортодоксальной аристотелианской философии: ни та, ни другая не в состоянии должным образом осветить главные вопросы бытия, указать человеку подлинные смысл и цель жизни. Сделать это способно лишь суфийское учение, приводящее ищущего к прямому взаимодействию с духовным миром, с Богом как Высшей Реальностью, в которой примиряются все видимые противоречия земного мира. Образы винопития и плотской любви, занимающие особенно важное место в стихах Хайама, могут быть правильно поняты, лишь исходя из общесуфийского контекста этих образов. Истинное истолкование возводит генеалогию этих метафор к библейской Песни Песней, где под видом

любви юноши и девушки изображено взаимодействие Бога с человеческой душой, а образ вина («пира») намекает на интуитивное экстатическое познание Истины: «Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь.» (Песнь Песней 2, 4). Подобная же образность прослеживается и в Коране: наслаждение праведников в раю присутствием Аллаха и Его откровениями изображаются в виде «пира» и общения с прекрасными гуриями и юношами: «Вечно юные отроки будут обходить их с чашами, кувшинами и кубками с напитком из родников, от которого не болит голова и не хмелеют...» (Коран 56, 17–19). В мусульманском раю («ал-джанна») текут ручьи из молока, вина и меда (Коран 47, 15), символизирующие, по мнению интерпретаторов, первоначальное духовное познание (молоко), экстатическое Богообщение (вино) и высшую мудрость (мед). Однако, согласно метафорике Хайама (и других суфийских поэтов), все эти духовные наслаждения доступны «ищущему Истину» уже здесь — в земном мире, где человеческому духу дана радостная возможность воссоединиться с Аллахом, Источником своего бытия, пройдя суфийский путь посвящения (тарикат):

«Я спрашивал судьбу: «Кого же любишь ты?»

Она в ответ: «Сердца, где радость вечного дома».

Рубайи

* * *

Меж твердой верой в Бога и безбожьем — одно мгновенье.
Меж правильным путем и бездорожьем — одно мгновенье.
Цени же это краткое мгновенье, как драгоценность:
В итоге жизни что мы вспомнить можем? Одно мгновенье!

* * *

Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

* * *

Те, что украсили познанья небосклон,
Взойдя светилами для мира и времен,
Не расточили тьму глубокой этой ночи,
Сказали сказку нам и погрузились в сон.

* * *

О тайнах сокровенных невеждам не кричи
И бисер знаний ценных пред глупым не мечи.
Будь скончан в речах и прежде взгляни, с кем говоришь:
Лелей свои надежды, но прячь от них ключи.

* * *

Конечно, цель всего творенья — мы,
Источник знанья и прозренья — мы.
Круг мироздания подобен перстню,
Алмаз в том перстне, без сомненья, — мы.

* * *

Если розы не нам — и шипов вместо дара довольно.
Если свет не для нас — нам очажного жара довольно.
Если нет ни наставника, ни ханаки, ни хырки —
С нас и церкви, и колокола, и зуннара довольно.

* * *

NB Рабы застывших формул осмыслить жизнь хотят,
Их споры мертвичиной и плесенью разят.
Ты пей вино! Оставь им незрелый виноград.
Оскомину суждений, сухой изюм цитат.

NB Здесь Хайам гениально противопоставляет «вино», т. е. знание совершенное, веселящее душу, ведущее к полноте жизни — «незрелому винограду», т. е. знанию «пресному», оставляющему душу безразличной. Попытки же заключить живую жизнь в мертвые формулы Хайам уподобляет «сухому изюму». Таким образом, существуют три метода обучения, два из которых, вместо того, чтобы приносить пользу, набивают оскомину ученикам...

* * *

Пренебреги законом, молитвой и постом,
Зато делись, чем можешь, с голодным бедняком:
Будь добр... Твоя награда — я сам порукой в том —
Теперь земное счастье, бессмертие — потом.

* * *

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надоено немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

* * *

Нет благороднее растений и милее,
Чем черный кипарис и белая лилля.
Он, сто имея рук, не тычет их вперед;
Она всегда молчит, сто языков имея.

* * *

Дружи с разумными людьми, чтобы не знать мытарства,
Беги за тридевять земель от подлого коварства.

NB Тебе отраву даст мудрец — отраву эту выпей,
Тебе лекарство даст подлец — не принимай лекарства!

NB Здесь особое внимание обращается на намерение. Истинная мудрость всегда права, поэтому когда кажется, что мудрец подносит отраву, — на самом деле он предлагает именно то, что служит исцелению, каким бы горьким ни представлялось это средство. Мудрец — символ человека, желающего тебе блага. Как сказано в Евангелии, «от избытка сердца говорят уста» (Матф. 12, 34); поэтому следует смотреть не только и, может быть, не столько на то, что принимаешь, но и на то, кто и с каким намерением это предлагает. Сказанное, конечно же, в особой мере относится к учебному процессу и к самому наставнику: большой вопрос — может ли учитель, как бы ни был он умен и развит, принести пользу ученику, если не любит его?..

* * *

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничым владыкою, ничым рабом не быть, —
Тогда б благословить за счастье можно б небо.

* * *

Бегут за мигом миг и за весной весна,
Не проводи же их без песен и вина.
Ведь в царстве бытия нет блага выше жизни, —
Как проведешь ее, так и пройдет она.

* * *

О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет,
Где нет любви мучений, где грез о счастье нет!
День без любви — потерян: тусклее и серей,
Чем этот день бесплодный, и дней ненастя нет.

* * *

Мне свят веселый смех иль пьяная истома,
Другая вера мне иль ересь незнакома.
Я спрашивал судьбу: «Кого же любишь ты?»
Она в ответ: «Сердца, где радость вечно дома».

* * *

В том не любовь, кто буйством не томим.
В том хворостинок отсырелых дым.
Любовь — костер пылающий, бессонный.
Влюбленный ранен, он неисцелим.

* * *

NB Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

NB Так что же — Хайам отрицает религию как таковую? Это никак не вяжется с его другими стихами (ср. с соседними четверостишиями). Очевидно, дело в том, что Хайам выступает против подмены живого общения с Богом и людьми в духе любви и радости (что, как известно, свойственно суфиям) — раболепием человекоугодничества в области религии. Слишком часто религиозные догмы и традиции «бралися на вооружение» корыстными и властолюбивыми «жрецами», предпочитавшими держать народ в духовном невежестве для сохранения своих прерогатив. Таким образом, религия, согласно общему смыслу поэзии Хайама, призвана освобождать, возвышать, просвещать и окрылять души, а не подавлять или порабощать их. Поскольку же вокруг поэт мог наблюдать скопеее последнее, то он и выразил в данном четверостишии «резюме» своего отношения к господствующим в различных религиях иерархам.

* * *

В кумирню, в келью иль в мечеть вступая,
Боятся люди ада, ищут рая.
Но разве так проникнут в тайну Бога?
Нет, к истине ведет стезя иная.

* * *

Отречься от вина? Да это все равно,
Что жизнь свою отдать! Чем возместишь вино?
Могу ль я сделаться приверженцем ислама,
Когда им высшее из благ запрещено?

АЛ-ГАЗАЛИ

Абу-Хамид Ал-Газали (1059/59—1111 гг.) — великий теоретик суфизма, осуществивший последовательное изложение теории мусульманского мистицизма, богословски и логически обосновавший все посылки, положения и выводы этой теории. Его четырехтомный труд «Воскрешение наук о вере» (ихха улум ад-дин), являющийся своего рода энциклопедией суфизма, содержит, помимо теоретических построений и философских рассуждений (о Боге, творении мира, душе и духе человека, религиозных обязанностях мусульманина, мистическом опыте и т. п.), обширный художественный материал — притчи, стихи, легенды, в том числе фольклорного происхождения. Этот материал стал поистине сокровищницей, из которой черпали сюжеты и образы для своих произведений позднейшие суфийские авторы, в том числе и Джалаладдин Руми.

Воскрешение наук о вере

О сущности веры в Единого, которая есть основа таваккула

Знай, что *таваккул* — одна из составных частей веры, а все они могут содержать лишь знание, состояние и действие. Так и *таваккул* содержит знание, которое есть посылка, действие, которое есть заключение, и состояние, которое есть искомое в *таваккуле*.

Начнем же с разъяснения знания, т. е. основы. Оно, по сути дела, и называется верой, так как вера — это убежденность в сердце, это знание. Если знание сильное, оно может быть названо истинным, достоверным знанием, но последнее включает в себя многие компоненты, из которых мы нуждаемся только в тех, на основании которых мы можем строить *таваккул*. Это вера в Единого, которую поясняет твое высказывание: «Нет Божества, кроме Аллаха, и нет Ему сотоварищей»; вера в могуще-

ство, о которой ты говоришь следующими словами: «Он Властитель»; вера в великолодущие и мудрость, на что указывают следующие твои слова: «Ему слава». Тот, кто сказал: «Нет Божества, кроме Аллаха, и нет Ему сотоварищев, Он Властитель, и Ему слава», тот обладает полной верой, а она — основа *таваккула*. Я имею в виду, что смысл этого высказывания является главной необходимой характеристикой его сердца.

Вера в Единого — это основа, и о ней много можно говорить. Она из Наук откровения. Однако иногда эти науки связаны с действиями посредством состояний, и Наука поведения совершается только через них. Мы будем рассматривать только ту часть ее, которая связана с практикой. Иначе нельзя, ведь единобожие — это огромное море, у которого нет берегов.

Итак, мы утверждаем, что вера в Единого имеет четыре стадии. Она делится на ядро, ядро ядра, оболочку и оболочку оболочки. Приблизительно изобразим это в простых понятиях. Представим себе орех, у него две скорлупы, ядро, а в нем жидкость, т. е. ядро ядра. Первая стадия веры в Единого — когда человек говорит языком своим: «Нет Божества, кроме Аллаха», но сердце не замечает Его или отрицает Его. Это вера лицемеров. Вторая стадия — когда сердце искренне верит в смысл сказанного, как верят все мусульмане. Это стадия простых верующих. Третья стадия — когда человек видит это через открытие посредством Света Божьего. Это стадия приблизившихся. Тут человек видит многие вещи, но все их в их множестве видит исходящими от Единого Всемогущего. Четвертая стадия — не видеть в сущем ничего, кроме Единого. Это ясновидение правдивейших. Суфии называют его исчезновением в вере в Единого, так как человек, если он не видит ничего, кроме Единого, не видит и самого себя. А если он не видит самого себя, погрузившись в веру в Единого, он самоисчезает в своем единобожии в том смысле, что перестает видеть себя и все сущее.

Человек первой стадии — единобожник только языком, который спасает своего хозяина в этом мире от меча и острия копья.

Человек второй стадии — единобожник в том смысле, что он верит в своем сердце в смысл формулы единобожия. Нет недоверия в его сердце, ибо на нем завязан узел не для того, чтобы раскрыть его откровению, но для спасения его обладателя от наказания в загробной жизни, после того, как он умрет. Этот узел не ослаблен грехами. Есть уловки, которые предназначены для того, чтобы развязать узел или ослабить, они именуются ересью. Однако есть и приемы, которыми можно бороться с первыми. Они предназначены также для того, чтобы закрепить узел и затянуть его на сердце. Эти приемы именуют *каламом*, а знающего их называют *мутакаллимом*. Он противостоит сеятелю ереси и стремится не дать ему развязать узел на сердце простых верующих. *Мутакаллим* может касаться имени единобожника, поскольку своим *каламом* он защищает смысл формулы единобожия для сердец простых верующих, чтобы узел на них не ослаб.

Третий человек — единобожник, так как он видит во всем только одного Творца, если открылся ему Истинный таким, как Он есть. Он видит только одного Творца Истины, ведь сама Истина открылась ему

как она есть. Однако он повелел своему сердцу завязать на себе узел смысла формулы Истины. Это стадия простых верующих и *мутакаллимов*, поскольку *мутакаллим* отличается от простого верующего не своей верой, а только тем, что он измышляет *калам*, которым не дает искусителю ересью развязать узел на сердце верующего.

Четвертый человек — единобожник, ибо в Его в^{идении} нет никого, кроме Единого. Он ничего не видит не потому, что сущее множественно, а потому, что оно Едино.

Так, первый человек — как верхняя скорлупа ореха, второй — как внутренняя скорлупа, третий — как ядро, четвертый — как масло, выжатое из ядра. Верхняя скорлупа ореха бесполезна: если вкусить ее, она окажется горькой, если заглянуть в нутро ее, она покажется отвратительной, если использовать ее как дрова, пламя угаснет и повалит густой дым, если сложить ее дома, в нем будет меньше места; иначе говоря, она годится только на то, чтобы некоторое время прикрывать собой орех, потом ее отбрасывают.

Подобно этому, единобожие только на языке, без убежденности в сердце, бесполезно, весьма зловредно и порицаемо в своей внутренней сущности и внешней форме. Оно годится лишь на то, чтобы некоторое время прикрывать внутреннюю скорлупу до прихода смерти. А внутренняя скорлупа не что иное, как сердце и тело. Единобожие лицемера защищает его тело от меча воинов-мусульман. Им не приказано раскалывать сердца, своим мечом они поражают тело, т. е. скорлупу. Смерть снимает ее с человека, и после этого от его лицемерного единобожия нет никакой пользы. Но в отличие от наружной, внутренняя скорлупа приносит очевидную пользу. Она защищает ядро, предохраняет его от порчи во время хранения. Снятая с ядра, она может быть полезна в качестве дров, но она гораздо менее полезна, чем ядро.

Так и пустая вера без открытия весьма полезна рядом с верой на словах, но недостаточна в сравнении с открытием и в^{идением}, происходящими с распахнутой грудью, которая разверзлась, освещенная светом Истинного.

Это откровение и есть то, что подразумевается в речении Всевышнего: «Кого пожелает Аллах вести прямо, уширяет тому грудь для ислама» (Коран 6, 125), а также в речении Его: «Разве ж тот, грудь которого Аллах расширил для ислама и он обладает светом от своего Господа» (Коран 39, 22). Так ядро ценно само по себе рядом со скорлупой, и все оно идет в дело, но и оно не свободно от примеси сока в отличие от выжатого из него масла. Так же и настоящее единобожие есть высокое стремление для путников, но к нему примешивается наблюдение другого и внимание к множеству в отличие от единобожия того, кто видит Единого Истинного.

Ты скажешь: «Как он может воображать, что видит только Единого, если он видит небо, землю и все осозаемые тела, которых множество? Как много может быть одним?»

Знай же, что это высшая из Наук откровения, а тайны этой науки не могут быть изложены на страницах книги, ибо знающие говорили: «Раскрытие тайны Божественного господства есть неверие». Так же это

не связано с Наукой поведения. Да, можно привести довод, который умерит твой гнев по поводу невероятности сказанного: предмет может быть множествен в одном в\$идении и понимании и един в другом в\$идении и другом понимании. Так, например, человек множествен, если посмотреть на его душу, тело, конечности, сосуды, кости и внутренности, в другом же видении и в другом понимании он един, ибо мы говорим, что он — один человек. Он один в системе человечества, по отношению к другим людям. Как много людей смотрят на человека, и им не приходит в голову думать о множестве его внутренностей, конечностей, об отделении души его от тела и членов и разнице между ними. Он, если смотреть на него объемлющим взглядом, предубежденно монаден и неразлагаем на составные части, но под другим взглядом состоит из разнящихся между собой частей. Так и все сущее, и Творца и творение, можно и видеть и понимать по-разному. В одном понимании оно единое, в другом — множественное, у одних оно более множественно, у других — менее. Примером тому является человек, хотя он и не тождествен предмету, нас интересующему. Тем не менее он показывает вообще судьбу множественного в процессе в\$идения его как единого.

Это толкование поясняет, что нужно отказаться от отрицания и непризнания ради стадии, которой ты еще не достиг, но в которую веруешь верой убежденного. И если ты будешь верить в такое единобожие, будет в нем и твоя доля, даже если то, во что ты веруешь, не стало еще твоим качеством, подобно тому как, когда ты веруешь в пророчество, тыучаствуешь в нем, хотя ты и не пророк. Эта доля будет определяться силой твоей веры.

В\$идение Единого Истинного иногда бывает длительным, иногда происходит как мгновенный разряд молнии. Последнее бывает чаще. Длительное же в\$идение необычайно редко и ценно. На это указывал Ал-Хусайн бен Мансур Ал-Халладж. Когда он увидел, что Ал-Хаввас роется в книгах, он сказал ему: «Чем ты занимаешься?» — «Я роюсь в книгах, чтобы улучшить свое положение в таваккуле». Ал-Хаввас был из тех, кто полагался на Аллаха, из мутаваккилей. И Ал-Хусайн сказал ему: «Ты посвятил жизнь свою совершенствованию своего внутреннего. Но где же исчезновение в вере в Единого?» Похоже, что Ал-Хаввас собирался совершенствоваться, будучи на третьей стадии единобожия и намереваясь достигнуть четвертой стадии, а это и есть все стадии единобожия...

Ты скажешь, что необходимо разъяснить это в той степени, в какой таваккул базируется на какой-то стадии веры в Единого.

Я отвечу тебе, что четвертая стадия не поддается объяснению и таваккул строится не на ней, а происходит на третьей стадии. Первая стадия веры — лицемерие, это ясно. Вторая — убеждение простых мусульман...

...На третьей же стадии веры базируется таваккул, так как единобожие только убеждением не дает состояния таваккула. Мы упомянем тот аспект единобожия, который связан непосредственно с таваккулом, не отделяя одно от другого, чего не признают книги, подобные нашей: тебе откроется, что есть только один Деятель — Всевышний и что все созданное — существа и хлеб насущный, подаяние и воздержание от Не-

го, жизнь и смерть — создано и задумано единственным Творцом, имя Которому — Великий и Всемогущий, и никем другим. Если это открылось тебе, то ты не замечаешь ничего, кроме Него. Его ты боишься, к Нему обращаешься с надеждой на спасение, Ему доверяешь и на Него полагаешься.

Таким образом, Он — единственный и неповторимый Деятель. Все другое есть лишь действующее по принуждению и не может самостоятельно привести в движение самой простой частички земного или небесного мира. Если врата Науки откровения открылись перед тобой, ты поймешь это гораздо лучше, чем путем в\$идения только взглядом.

ИБН АЛ-АРАБИ

Мухъя ад-дин Мухаммад ибн Али Ибн Ал-Араби (1165–1240), известный как «Величайший Шейх» (аш-шайх Ал-акбар) суфизма — крупнейший средневековый мусульманский философ и мистический поэт, автор фундаментальных трудов по теории, практике и истории суфизма — «Мекканских откровений», и «Гемм мудрости» и др., поэтического дивана (собрания стихотворений) «Толкователь желаний», создатель нескольких сотен литературных и философских произведений. Он составил мистический комментарий к Корану, обошел все культурные центры Ближнего Востока, каждом из которых основал суфийские школы и воспитал учеников. Ибн Ал-Араби рассматривался рядом исследователей как философ-пантеист, поскольку противостоял своей философской концепцией положениям перипатетиков (рационалистов-аристотелианцев). Однако это неверно, поскольку постулаты его учения, выглядящие на первый взгляд пантеистическими, полностью вписываются в суфийскую традицию, которая рассматривает вселенную как «инобытие» Аллаха, Его «одеяние», «завесу», «покров» (в противоположность пантеистам, отождествляющим материальный мир с Богом). Свое учение о всеведении Бога и о познании Творца человеком Ибн Ал-Араби обобщил в следующих стихотворных строках:

«Лишь знание скрепляет и неразлучно:
Бог знает нас, а потому Он — с нами;
Его не зная, мы — не с Ним.»

(Перевод А. В. Смирнова).

Мекканские откровения

Путы для готовящегося вскочить

И вот Аллах Всевышний познал Себя и познал мир. Поэтому мир явился «по образу» [Божьему]. Аллах создал человека как благородный микрокосм, в котором соединились воедино идеи большого мира. Аллах

сделал человека копией, соединяющей в себе то, что есть в большом мире, и Имена, [имеющиеся] в Божественном Присутствии. Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — сказал о человеке: «Воистину, Аллах создал человека по Своему образу». Поэтому мы сказали, что мир был создан «по образу». Среди приверженцев рационального рассуждения существует разногласие относительно того, к кому восходит местоимение «своему», однако наших слов «[Аллах], познав Себя, познал мир» достаточно тому, кто проницателен и обладает острым сердечным видением.

Ввиду того, что Совершенный человек создан по совершенному [Божественному] образу, он по праву обладает «представительством» [Аллаха] в этом мире и [Его] «заместительством».

Здесь мы дадим разъяснение относительно истинной сущности строения этого наместника, его положения и его образа. Под человеком мы отнюдь не подразумеваем человека-животного, мы имеем в виду человека как такового и как [Божьего] наместника, ибо лишь благодаря его «человечности» и «наместничеству» он получил совершенный образ. Не каждый человек является наместником. Мы не признаем человека-животного [Божьим] наместником. Принаследженность к мужскому полу также не является непременным условием наместничества, и мы ведем речь о совершенном образе, которым могут обладать как мужчина, так и женщина. Ведь в понятие «человечность» входят и мужчина и женщина, и мужской пол и женский. [Принаследженность к какому-то полу] есть акциденция, которая не входит в сущность понятия «человечность», ибо ее разделяют все живые существа. Вместе с тем данная акциденция может являться необходимым условием для иных сущностей, например в плане производства потомства. Впрочем, это уже другой вопрос, который мы осветили в нашем сочинении «Книга о супружестве».

Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — засвидетельствовал наличие совершенства как у мужчин, так и у женщин, в достоверном предании. Достигли совершенства многие мужи, а среди женщин — Мариям, дочь Имрана, и Асия — жена Фирауна. Одного из друзей Божьих спросили о числе «заместителей». Он — да будет милостив к нему Аллах — ответил: «Сорок душ!» Тогда вопрошающий спросил его: «Почему ты не говоришь сорок мужей?» Тот ответил: «Среди них могут быть женщины». Мы имеем в виду, что совершенство проявляется в том, в ком оно проявляется, хотя «мужчинам над ними [женщинами] преимущество». Это преимущество имеет исконный характер, ибо Хавва произведена из Адама, и потому у него над ней первенство в плане [первенства] в сотворении. Такое же преимущество имеет Всеобщий Разум над Всеобщей Душой, Перо — над Хранимой Скрижалью. Ведь это объясняется тем, что женщина изначально была пассивна по отношению к мужчине. Отсюда — «преимущество».

Вернемся назад и скажем, что Величайший Элемент хранится в сокровеннейших тайниках Сокровенного и в определенный момент обращается к миру записи и начертания тогда, когда последний еще не обладает конкретным бытием. Этот Элемент — самая совершенная из всех сущностей вселенной. Если бы на нас не лежало обязательство

хранить тайну, мы пространно рассказали бы о нем и объяснили, как относится к нему то, что существует помимо Аллаха. Как известило нас ниспосланное Аллахом свидетельство, в момент обращения [Элемента к миру] Всеславный создал Перворазум. О нем говорят, что он — первый, ибо он — начало мира записи и начертания. Причиной обращения послужило то, что в сотворенной вселенной имелась человеческая сущность, а человек есть конечная цель творения.

Аллах сотворил Перворазум и все, что последовало за ним, вплоть до области, где находится Центр мироздания, в качестве предварительных условий для сложения человеческого организма, причем знание об этом сложении извечно присутствовало в [Божественном] знании. Этот мир стал вотчиной, подготовленной для человека, которая обеспечивала наличие основ [его бытия]. Ведь явившись на свет, человек представал в образе наместника [Аллаха] и [Его] заместителя, а значит, этот мир должен был непременно существовать до него, а он должен был стать последним существом [мира] на деле, хотя с точки зрения конечной цели творения он был первым существом.

Это можно сравнить с тем процессом, когда некто, стремясь получить тень и укрытие, обращает свой мысленный взор к крыше [строения], а затем он спускается вниз, к фундаменту. Таким образом, фундамент становится последним как объект знания, однако первой вещью, [созданной] на деле. Крыша же была первой как объект знания, но последней вещью, получившей бытие на деле. Так же и конкретное бытие человека есть конечная цель [Божественного] знания, объект приложения всеобщей Божественной заботы. Человек есть соединение всего, всеобъемлющее бытие, величайший отпечаток [Бога], благородный свод [Божественных Имен], самая совершенная в своем строении сущность.

Мекканские откровения

Что касается Его любви к нам ради нас, то она проявилась в том, что Он сообщил нам о делах, которые не приведут нас к вечному блаженству [в раю] и спасению, причем дела эти не согласуются с нашими потребностями и не соответствуют нашей натуре. Всеславный создал тварей, чтобы они восхваляли Его, поэтому Он наделил их способностью к произнесению словословий и похвалы, а также способностью совершать земные поклоны. Затем Он известил нас об этом, сказав: «Нет ни одной вещи, которая не прославляла бы Его хвалою» (Коран 17, 46), то есть не превозносила бы Его посредством того, что у нее имеется, и того, что от нее будет исходить в дальнейшем. Он также сообщил нам: «Разве ты не видишь, что хвалит Аллах то, что в небесах, и то, что на земле» (Коран 57, 1) и [даже] «птицы, простирающие крылья» (Коран 67, 19) — каждый знает свою молитву и свое восхваление; он не разлучается с ними и прилежно выполняет. Аллах обратился с этим стихом к Своему Пророку — да благословит его Аллах к да приветствует! — и позволил ему засвидетельствовать [сказанное] воочию, и Пророк увидел его. Поэтому Аллах сказал ему: «Разве ты не видел...»

Он не сказал: «Разве вы не видели...» — ведь мы и не могли бы это увидеть, поскольку для нас это — вера, а для Мухаммада — да благословит его Аллах и да приветствует! — видение воочию. Таким же образом Аллах обратился к Пророку, когда Он показал ему, что всякая вещь совершает [перед Аллахом] земной поклон: «Разве ты не видел, что Аллаху поклоняется и тот, кто в небесах, и кто на земле: и солнце, и луна, и звезды, и горы, и деревья, и животные, и много людей» (Коран 22, 18). Аллах не забыл никого, ибо Он упомянул и «того, кто в небесах», и «того, кто на земле», то есть и высший мир, и мир дольний. Затем Аллах показал ему, как совершает земной поклон всякая вещь; эта речь обращена к каждому, кому Аллах показал это. Это есть сущностное, заложенное в самой природе поклонение, которое происходит от Богоявления: Аллах явился тварям, они возлюбили Его и принялись восхвалять Его не по обязанности, а в силу сущностной потребности.

Это — сущностное поклонение Аллаху, которое Он вменил Своим тварям по праву, которое Ему причитается. Он сказал для людей [зрительного откровения], а к их числу принадлежат обыкновенные представители рода человеческого, а также любой, обладающий разумом: «И разве они не видели то, что создал Аллах из разных вещей, тень у них склоняется направо и налево, поклоняясь Аллаху, а сами они смиренны» (Коран 16, 50). Это — удел наделенных зрительным даром. Аллах сообщил, что склонение тени направо и налево есть не что иное, как совершение земного поклона пред Аллахом в знак самоуничижения и покорности Его величию. [Словами] «а сами они смиренны» Он указал на наличие в душах теней разумности, поскольку они преклонились перед Аллахом со смиренением. Затем Он продолжил, сказав: «Аллах поклоняется то, что в небесах и на земле из движущихся» (Коран 16, 51), то есть тех, кто перемещается по земле и ходит, а также тех, кто обитает в небесах; «и ангелы», то есть те, кто не находится ни на небе, ни на земле. Потом Он сказал: «Они [ангелы] не превозносятся» (там же), то есть не становятся выше поклонения Господу своему. Далее Аллах приписал им «боязнь», дабы сообщить нам, что [ангелы] знают Того, пред Кем они совершили земной поклон. Потом охарактеризовал их как «исполняющих повеление», сказав, что «они делают то, что им повелено». Затем Он сказал о тех, «кто пребывает с Господом своим»: «Они восхваляют ночью и днем неустанно, не ослабевая» (Коран 21, 19), то есть не испытывая утомления.

Все это указывает на то, что весь мир пребывает на стоянке свидетельства и поклонения, хотя способность мыслить принадлежит не каждому сотворенному. Она имеется в разумных человеческих душах, в частности в душах преступных, причем в самих душах, а не в оболочках, в которые души заключены, ибо оболочки в своем [стихийном и неосознанном] поклонении [перед Богом] и восхвалении [Его] подобны остальному миру. Так, все члены [человеческого] тела провозглашают хвалу Богу. Разве ты не знаешь, что против человеческих душ в День воскресения будут свидетельствовать кожа, руки, ноги, язык, слух, зрение — словом, все части и силы [человеческого организма], подчинен-

ные душам [в земной жизни]. Приговор же принадлежит Аллаху, Высочайшему и Величайшему!

Сказанное связано с Его любовью к нам ради Самого Себя. Того, кто был верен [ей], Он отблагодарит, а того, кто изменил, накажет; Самого Себя Он любил, возвеличивание Свое и восхваление!

Что касается Его любви к нам ради нас самих, то она состоит в следующем: Он научил нас тому, что является благом для нас как в этой, так и в будущей жизни. Он установил перед нашими взорами доказательства, необходимые для познания Его, дабы мы могли познать Его и не пребывали бы о Нем в неведении. Затем Он дал нам хлеб насыщенный и облагодетельствовал нас, несмотря на небрежение, проявленное нами уже после того, как нам было доказано, что любое благодеяние, в котором мы находимся, — Его творение и возвращается к Нему и что Он сотворил данное благодеяние исключительно ради нас, дабы мы могли наслаждаться им и пребывать в нем. И вот Он поставил нас во главе и дал нам полную свободу.

Однако после того, как это наисовершеннейшее благодеяние было совершено [Аллахом], мы не возблагодарили [Его], тогда как разум требует обязательной благодарности благодетелю. Мы уже узнали, что не существует иного благодетеля, кроме Аллаха, и что среди других Его благодеяний было и то, что Он направил к нам от Себя Посланника, дабы научить нас знанию и правильному поведению.

Любовь Всевышнего к Своим рабам не имеет ни начала, ни предела; она не приемлет преходящих явлений и акциденций. Ведь Его любовь к Своим рабам есть начало бытия — для тех, кто пришел раньше, и для тех, кто пришел позднее. И так до бесконечности. Отношение любви Аллаха к людям есть отношение созидания, где бы они ни были, будь то состояние их небытия или же, наоборот, состояние их бытия. Он в равной степени пребывает с ними и в состоянии бытия, и в состоянии небытия, ибо Он знает их, не переставая, и не прекращает созерцать и любить их. При этом у Него не возникает ни единого нового свойства, которого у Него не было бы ранее. Он никогда не переставал любить Своих тварей и знать их. Его слова: «Я пожелал быть позванным...» — являются указанием на то, как все обстоит на самом деле. Ведь Божественному Величию не пристало быть помысленным иначе, чем в качестве [единственного] деятеля и творца. Действительно, ни одна постоянная сущность [созденной вещи] сама по себе не существовала, однако Он [всегда] знал ее и пожелал явить ее на свет. Тогда Он создал ей бытие, точнее вызвал бытие в ней самой, другими словами — облек ее в одеяние бытия. Так возникла первая сущность, за ней вторая, затем третья и так далее, одна за другой, непрерывно, начиная с первого существа, восходящего непосредственно к изначальности Истинного. Последней же вещи не существует, так как бытие продолжается беспрерывно в индивидуальных вещах, конечно лишь только общие роды и виды. Что же до будущей жизни, то в ней прекратит существование лишь определенный вид сотворенных вещей. В земной же жизни, хотя она и конечна, нет конца созиданию все новых сотворенных вещей, ибо нет конца бытийным возможностям, подобно тому, как было установлено, что Истинный безначально вечен. Действи-

тельно, Его бытие не имеет начала, как не имеет начала любовь Всеславного к Своим рабам.

В ходе Божественного извещения у возлюбленного возникает вновь созданное воспоминание о любви, но вовсе не любовь как таковая. Коран — речь Аллаха, Который никогда не прекращает говорить. Вместе с тем Он сказал, извещая [людей]: «Не приходит к ним никакое вновь созданное напоминание их Господа...» (Коран 21, 2). То есть «напоминание» возникло только у нас, а не у Него самого и пришло к нам от нашего Господина, нашего Повелителя, нашего Благодетеля, нашего Кормильца. Аллах сказал также: «Не приходит к ним вновь созданное напоминание от Милостивого» (Коран 26, 4), то есть «напоминание от Милостивого» вновь возникло у нас, но не в Нем Самом. Итак, Божья милость, дар и благодеяние были изначально, а за ними — [благоприятный] исход и [счастливое] завершение, тогда как о «приходе» хотя бы одного имени [Бога], предполагающего страдания, не упоминалось. Ведь Аллах [называл] Себя либо «Господом», либо «Милостивым», дабы сообщить вам, [люди], о Своем истинном намерении по отношению к вам.

Дополнение к рассуждению о Божественной любви

Мы также любим Аллаха, ибо Аллах говорит: «Он любит их, а они любят Его» (Коран 5, 59). Любовь относится к нам не так, как она относится к Нему. Любовь, относимая к нам, определяется нашей сущностью и делится на два вида. Первый вид называется «духовной любовью», второй — «природной любовью». Мы любим Аллаха Всевышнего одновременно двумя этими видами любви. Это трудно себе представить, тем более что не всякая душа наделена знанием истинного положения дел и верой в это знание, как это сообщено в предании со слов Самого Аллаха. Потому-то Аллах даровал подобное знание Своему Пророку — да благословит его Аллах и да приветствует — и сказал при этом: «И так Мы внушили тебе дух от Нашего повеления: ты не знал, что такая книга и вера, но мы сделали его светом, которым Мы ведем кого угодно из Наших рабов» (Коран 42, 52). А мы, слава Аллаху, из их числа.

Разделив нашу любовь к Аллаху, мы получим четыре вида любви, не более и не менее. Вот они:

1. Мы любим Его ради Него Самого;
2. Мы любим Его ради нас;
3. Мы любим Его ради того и ради другого сразу;
4. Мы любим Его ни по одной из упомянутых причин.

Здесь возникает другой вопрос: почему мы все же любим Его, если достоверно установлено, что мы любим Его не ради Него Самого, не ради нас, не ради того и другого? Каков же этот четвертый вид любви?..

...Существует еще одно деление, то есть если мы любим Его, то:

1. Любим ли мы Его посредством Его Самого;
2. Посредством нас;
3. И так и этак, либо же — ни так и ни этак.

Обо всем этом последует разъяснение и рассуждение, если пожелает Аллах.

Кроме того, в настоящем дополнении мы расскажем о начале нашей любви к Нему и о том, есть ли у этой любви предел, у которого она прекращается, или же его вовсе не существует. А если такой предел есть, то каков он? Этого вопроса мне не задавал никто, за исключением одной доброй женщины из числа людей этого дела. Затем мы остановимся на вопросе о том, является ли любовь сущностным свойством влюбленного, либо же она есть нечто привходящее в его бытийную сущность. Наконец, мы выясним, является ли она лишь отношением между влюбленным и возлюбленным, которое не обладает самостоятельным бытием. Все эти вопросы требуют рассмотрения в данном дополнении.

Знай, что любовь не приемлет соучастия, но лишь в том случае, когда сущность влюбленного единна и не делится на части. Если же она состоит из нескольких частей, то ее любовь может прилагаться по-разному, но в отношении разных предметов. Если эти разные предметы имеют единую неизменную сущность, либо если эти предметы присутствуют во множестве отдельных личностей, то и любовь прилагается ко многим. В этом случае человек любит сразу многих возлюбленных. Ведь если верно, что влюбленный может любить более одного возлюбленного, то, значит, он может любить и нескольких одновременно.

Эмир верующих сказал по этому поводу:

Моим поводом завладели три женщины:
Они правят моим сердцем в любую сторону.

В его словах «моим поводом» кроется секрет, поскольку, говоря о той части себя, которую он отдал этим возлюбленным, он употребил единственное число, а не множественное, то есть «разные поводья». Это указывает на то, что данный влюбленный, даже будучи составной сущностью, все равно любит лишь нечто одно, явившееся ему в этих трех возлюбленных. Иными словами, это нечто присутствует в существе каждой из них. Доводом в пользу такого толкования служит окончание стиха: «Они правят моим сердцем в любую сторону...». Если бы он любил в каждой из них нечто свое, чего нет у другой, то он непременно дал бы каждой из них свой собственный повод, и каждая правила бы им в свою сторону, не туда, куда правит другая. В действительности же, здесь один любит одного, а этот последний присутствует во многих, поэтому влюбленный любит многих. Такова и наша любовь ко Всевышнему: есть те, которые любят Его ради Него; те, которые любят Его ради себя; те, кто любит Его и ради того и ради другого. Последний тип влюбленного более совершенен в своей любви, так как он более совершен в познании Аллаха и в созерцании [Его]. Ведь среди нас есть те, кто познал Его в созерцании и полюбил Его в совокупности упомянутых выше причин. Есть и те, кто познал Его не в созерцании, а посредством предания и полюбил Его ради Него Самого. Есть среди нас также те, кто познал Его в Его благодеяниях и полюбил Его ради себя. Есть и те, кто полюбил Его по совокупности упомянутых причин.

Дело в том, что созерцание может осуществляться только в образе, а образ состоит из множества элементов. Влюбленный обладает составным образом. Вот он слышит частью своего образа [предание об Аллахе] и начинает любить Его по причине этого предания. К примеру, он слышит слова Аллаха, которые Он вложил в уста Своего Пророка: «Помог ли ты ради Меня [Моему] другу и враждовал ли ты из-за Меня с врагом [Моим]?» То есть, если ты полюбил что-либо ради Него и, напротив, испытал к чему-то вражду из-за Него, то это — не что иное, как смысл нашей любви к Нему. Мы исполнили от чистой души все то, что Он хотел бы от нас, чтобы мы исполнили. Те части моего образа, которые не в состоянии созерцать Аллаха, подчиняются тем, которые могут это сделать. Так что наши члены и наша животная натура находятся под властью разумной души и не могут противиться ей, ибо они подобны орудиям, приданым этой душе, и она распоряжается ими, как пожелает: то ли угождая Аллаху, то ли вызывая Его неудовольствие. Каждая часть человеческого тела сама по себе, отршившись от [повелений] своей души, не может поступать иначе как угождая Аллаху, ведь она в конечном счете принадлежит Ему. Все в сотворенном бытии пре-бывает в таком состоянии, за исключением «двух тяжких тварей» (Коран 5, 33). Это подтверждается словами Всевышнего: «Нет ни одной ве-щи, которая не прославляла бы Его хвалою» (Коран 17, 46). Под этим прославлением Аллах имеет в виду хвалу, возносимую Аллаху не ради награды, поскольку она является частью сущностного поклонения, при котором испрашивание награды нельзя даже представить. Это — любовь к Всеславному ради Него Самого.

Однако некоторые разумные души, которым для познания Аллаха была дарована мыслительная способность, оказались не предрасположены к познанию Его. По этой причине Он схватил в горсть человеческие частички, «извлеченные из их спин», и заставил их свидетельствовать против самим себя насилино. Таким образом, люди покорились Аллаху насилино, а не добровольно, поскольку они были схвачены в горсть [Божественной дланью]. Затем он будто бы отпустил их на свободу из той горсти, однако на самом деле они продолжали быть схваченными, не чувствуя этого и воображая себе, что они свободны.

СААДИ

Абдаллах Мушрифаддин ибн Муслихаддин Саади Ширази (между 1203 и 1210–1292) — гениальный суфийский поэт, писатель и философ, создатель бессмертных книг «Гулистан» («Розовый сад») и «Бустан» («Плодовый сад»), в которых он в непревзойденной по совершенству художественной форме прикованно изложил основные идеи, духовные цели и методы суфизма. Обе книги состоят из коротких занимательных рассказов, сгруппированных по темам («Гулистан» написан ритмизированной и отчасти рифмованной прозой, перемежающейся со стихами; «Бустан» — стихами). Каждый рассказ содержит важную идею, связанную с суфийским мировоззрением и воспитанием, причем за поверхностным смыслом скрываются глубокие пласти душевных истин и прозрений.

Гулистан

Из главы седьмой

О ВЛИЯНИИ ВОСПИТАНИЯ

РАССКАЗ 1

У некоего вазира был сын-тупица. Вазир послал его к ученому учиться и попросил:

— Воспитай его — быть может, он поумнеет. Долгое время ученый обучал сына вазира, но не влияло на него воспитание. Послал ученый к его отцу человека сказать: «Не становится он умным, а меня с ума свел!»

NB Коль восприимчив человек душою,
То воспитанье след оставит в нем,

Когда ж дурна природа — на железо
Мы полировкой блеск не наведем.

Хотя б купал ты пса в реке неделю —
Всё ж будет он грязнее с каждым днем.

Когда осла Исы сведешь ты в Мекку,
Из Мекки он вернется все ж ослом...

NB *Пожалуй, лучше не скажешь! Эти слова, по моему мнению, надо буквально «начертать пред глазами» тех, кто из кожи вон лезет, — и даже оправдывает любые свои подлости, — ради «возвышенной цели» — оставить своим отпрыскам поболее материальных благ. А то, что происходит дальше, — в точности описал Саади...*

РАССКАЗ 2

Некий мудрец наставлял своих сыновей:

— Любимые дети, учитесь какому-нибудь ремеслу, ибо не заслуживают доверия богатство и мирское добро; в этом мире легко могут исчезнуть золото и серебро: или вор украдет все, или сам владелец расстратит их мало-помалу; ремесло же — это живой родник и вечное богатство. Если человек, владеющий ремеслом, лишится власти, — не беда, ибо ремесло в его душе — богатство. Куда бы он ни пошел, он всюду встретит уважение, будет встречен по чести и усажен на почетном месте, а человек, не владеющий ремеслом, всегда нищенствует и терпит лишения.

Тому, кто властвовал, несносна власть других,
Тому, кто в неге рос, не снести обид людских.

*

Однажды смута в Сирии была,
И многие покинули жилище;

Ученые, из прежних мужиков,
Пошли в вазиры, кинув пепелище,

А неучи, вазиры сыновья,
В деревне у крестьян просили пищи.

*

NB Ты хочешь от отца наследства? Это — знанье.
Другое ты в полдня прокутишь достоянье.

NB Здесь, на мой взгляд, затронута очень важная проблема: наследственная передача навыков ремесла как его самая естественная форма развития. Кому, как не отцу, передать наследнику те знания и навыки, которые были накоплены опытом многих поколений? И кто сделает это добросовестнее, чем отец? За десятилетия социалистического хозяйствования большинство таких родовых профессиональных связей были порушены, и теперь нашему обществу предстоит долго и с большим трудом заживлять эту рану. Часто задается вопросом: в чем причина неуспешности большей части отраслей хозяйства в нашей стране? Ответ, по-видимому, следует искать у Саади: прервалась передача знаний («от отца наследства»), обеспечивавших из века в век выживание как ремесла, так и рода...

РАССКАЗ 3

Некий ученый обучал одного царевича. Он его безжалостно терзал, неимоверно его истязал. Однажды мальчик, ослабев от побоев, пошел с жалобой к отцу и, сняв одежду, показал свое истерзанное тело. У отца скжалось сердце, он вызвал учителя и сказал:

— Ты не позволяешь себе бить и истязать детей подданных, так как же ты бьешь моего сына? Какова тому причина?

— Причина заключается в том, — ответил он, — что говорить речи с умом и совершать достойные поступки должны все люди вообще, а цари в особенности, ибо все, что они делают и говорят, становится притчей во языцах, а слова, что простыми людьми произнесены, и поступки, что ими совершены, не имеют такой цены.

Если дервиш сто поступков свершил недостойных —
Ни одного не заметят дервиша друзья.

Если же глупость случится сказать падишаху —
Слава о ней донесется в чужие края.

Поэтому-то учитель царевича и счел нужным, воспитывая нрав царских сыновей, — да взрастит их Аллах с добрым нравом, — стараться больше, чем воспитывая простых людей.

NB Кто в детстве не получит воспитанья,
Не будет счастья в жизни знать потом;

Сгибай сырую палочку как хочешь —
Сухую выпрямишь одним огнем.

Понравились царю этого ученого суждения и наставления. Пожаловал он ему почетное платье исыпал дарами, возвысил его в более высокий сан.

NB Очевидный смысл этих слов ясен: обучать нужно в детстве и ранней юности, когда душа подвижна и восприимчива, подобно гибкой ветви («сырой палочке»). Но здесь можно усмотреть и иной смысл, по-моему, очень важный для нашей педагогической практики: как бы самим процессом не иссушить душу — и не обречь ее этим «огнем» поздних неуспехов и раскаяний, если она, утратив гибкость, столкнется в жизни с ситуациями, требующими неординарных решений и дальнейшего обучения. С другой же стороны, человек и сам призван сохранять свою душу гибкой и способной к учению — до самого конца жизни. Кажется, на это самое и ориентирует учеников суфийский метод обучения.

РАССКАЗ 4

Видел я одного школьного учителя в Магрибе, человека с кислым лицом и злым языком, бессердечного и бесчеловечного, жадного и невоздержанного, так что при виде его падал дух у мусульман; сердца людей наполнялись мраком и тоской, когда он читал Коран. Несколько чистых мальчиков и непорочных девочек томились в его жестоких руках, как в плену. Они не осмеливались смеяться и не решались говорить, ибо он то одному давал пощечину по серебряной щечке, то другого хлестал тростью по хрустальной ножке. Короче говоря, дошло до меня, что его подлую душу распознали, избили его и прогнали, а школу одному доброму человеку передали. Новый учитель был добродушен и благочестив, благороден, мягкосердечен и красноречив. Не говорил он слова упрека иначе, как по необходимости, и с его языка не срывалось ни одного обидного замечания. У детей исчез страх перед суворостью первого учителя. Как только они ангельский нрав второго учителя заметили, они на его ласку бесноватостью ответили. Надеясь на его мягкость и снисхождение, забыли они учение, большую часть времени проводили за игрой и ломали неисписанные грифельные дощечки друг другу об голову.

Когда наставник не довольно крут,
То дети все вверх дном перевернут.

NB Через две недели побывал я в этой мечети снова и увидел, что прогнали учителя второго, а первого учителя опять обласкали и посадили на прежнее место. Я искренне огорчился и воскликнул:
— О Господи, зачем же этого дьявола опять сделали учителем ангелов!

Мои слова услыхал некий старец, остроумный и познавший мир. Он засмеялся и сказал:

Царь в школу сына поместил, чтоб тот вступил на правый путь,
Серебряной дощечкой царь велел ему украсить грудь.

И золотом по серебру слова начертаны сурово:
«Полезней жезл учителей, чем баловство отца родного»!

NB Здесь мы встречаем известную концепцию «кнута и пряника» в педагогическом процессе. Однако эти «кнут и пряник», применяемые не вместе, а по отдельности, не достигают своей цели (представим себе, каков эффект обучения, если при чтении Корана «сердца наполняются мраком и тоской»! О втором — «мягком» — учителе и говорить не приходится). Очевидно, учителю не только должно иметь в себе оба этих начала — «строгость и милость», но и уметь живо и действительно сочетать их в педагогическом процессе.

РАССКАЗ 7

Я слыхал, как некий старец говорил своему ученику:

— О сынок, если бы души сынов Адама были привязаны к подателю хлеба насущного столько же, сколько к самому насущному хлебу, то они стали бы благороднее ангелов.

Еще тогда тебя Творец на краткий миг не забывал,
Когда зародышем ты был, еще не жившее созданье;

Тебя природой наделил, рассудком, разумом, душой,
Дал красоту, дал мысль и речь, воображенье и сознанье.

Он десять пальцев на руках дал в дар тебе для дел твоих,
А руки прикрепил к плечам — и дал тебе существованье.

И ты, ничтожный человек, решил, неблагородства полн,
Что Он забудет дать тебе хоть что-нибудь на пропитанье?

NB Интересная мысль: человек может стать «благороднее ангелов»! Почему это возможно? Наверно, потому, что сама земная жизнь исполнена лишений и тесноты, и для того, чтобы помочь ближнему, человеку приходится всегда чем-то поступиться. Таким образом, от него требуется некая самоотверженность и даже жертвенность в добрых делах, в то время как ангел совершает добро от преизбытка, а не от недостатка. В каком же случае человек способен превзойти благородством ангела? Только в том, когда он «привязан к Подателю хлеба насущного столько же, сколько к самому хлебу». Если разуметь под «хлебом» всевозможные материальные блага, то именно на их приобретение, удержание и умножение направлены мысли и действия подавляющего большинства людей. Заметим, что Саади не требует здесь от каждого человека каких-то особых духовных подвигов или дерзаний: речь идет об элементарной благодарности Тому, от Кого мы ежечасно столько благ получаем... И, оказывается, именно само переживание благодарности есть действенный

способ совершенствования души — вплоть до того, что она оказывается способной превзойти ангелов. И как раз наименьшее из доступного человеку, — благодарность, — способно возвысить его наибольшим образом! Не в этом ли следует усматривать величайшее благорасположение к нам Творца, поместившего человека в такие условия жизни, которые предоставляют столько возможностей быть благодарным?..

РАССКАЗ 9

В сочинениях мудрецов говорится: «Скорпион рождается путем необычным, от других животных отличным, ибо он съедает внутренности матери, разрывает ее чрево и уходит в пустыню, как раз после этого и остаются те шкурки, которые мы видим в норках скорпионов». Однажды я изложил это поверье одному вельможе.

— Я сердцем верю в то, что этот рассказ правдив, — сказал он, — да как и мог бы он быть лжив? В соответствии с тем, как они обращаются в детстве с матерью, так их, естественно, любят и почитают, когда они вырастут!

Внимал однажды сын отцовским наставлениям,
Отец сказал: «О сын, запомни мой завет:

Тот, кто родителей своих не уважает,
Не будет знать любви, узнает много бед».

РАССКАЗ 11

Когда я был дитятею, я спросил у одного взрослого человека, когда наступает совершеннолетие.

— В книгах написано, — отвечал он, — что оно имеет три признака: во-первых, наступление пятнадцати лет, во-вторых, появление страстных грез по ночам и, в-третьих, появление волос под мышками. Но в действительности же примета его одна, и она совершенно ясна: довольно и того, чтобы о служении Господу всеславному и всевшнему ты заботился больше, чем об удовольствиях своей плоти; тот, у кого этого свойства нет, по мнению мудрецов, совершенно летия лишен примет.

Капля семени в утробе облику обретет людской,
Если только там спокойно сорок дней лишь проведет.

Но когда сорокалетний знаний и ума лишен,
Настоящим человеком не зовет его народ.

*

Человек великодушным, щедрым должен быть,
Человек ли ты — не скажешь по чертам лица.

Храбрым будь в душе — немного значит храбрый вид,
И намалевать нетрудно облик храбреца.

Если доблести лишен ты, нет в душе добра,
Ты походишь на картину — иль на мертвеца...

Захватить мирские блага — в том заслуги нет,
Если можешь ты, попробуй, завоюй сердца!

NB С сожалением приходится констатировать, что подавляющее большинство людей, живущих на земле, согласно Саади, не достигло совершенолетия, поскольку об удовольствиях своей плоти печется несравненно более, нежели о служении Господу. Видимо, отсюда и проистекает та абсолютно эгоистическая инфантильность, которая проявляется себя во всех областях человеческой деятельности: в политике, экономике, отношениях к природе... С другой стороны, земная жизнь и является, видимо, той «начальной школой», условия обучения в которой вполне соответствуют младенческому состоянию нашего духа.

РАССКАЗ 12

NB Однажды среди пеших паломников, совершивших хадж, заваласьссора. Я тоже был пешим паломником в этом путешествии. Мы вцеплялись друг другу в волосы, царапали лицо, всячески ру гались и дрались. И вот я слышу, как один из ехавших в паланкине говорит своему товаришу:

— Удивительно! Когда костяная пешка дойдет до края шахматной доски, она делается ферзем, то есть становится лучше, чем была, а пешие паломники, идущие в Мекку, пройдя пустыню, сделались хуже.

О друг мой, передай хаджи, который обижает бедных,
Бранится, оскорбляет всех и будоражит весь народ:

«Хаджи не ты, а твой верблюд — бедняга терпелив и скромен,
Одни колючки только ест и ношу, не ропща, несет...»

NB Рассказанное здесь является как бы иллюстрацией к описанным выше признакам возмужания. В наиболее торжественные моменты жизни («паломничество в Мекку») как раз наиболее наглядно и проявляется неподготовленность эгоистически-инфантальной души к действиям, требующим духовного «совершенолетия». Эта неспособность очень час-

то маскируется формально-обрядовым воспроизведением религиозных действий, без внутреннего их осмыслиения и переживания. Это похоже на то, как дети играют в «профессии»: доктора, шоfera, космонавта...

РАССКАЗ 16

Некий благочестивый муж проходил мимо одного из владельцев мирских благ. Он увидел, что тот, крепко связав раба по рукам и ногам, истязает его.

NB — О сын мой, — молвил он, — Господь всеславный и всевеликий сделал пленником твоей власти подобное тебе существо и подчинил тебе его. Воздай же хвалой за благодать Господа все-вышнего и не твори такого насилия над рабом... Не должно быть так, чтобы в день Воскресения он оказался лучше тебя, а ты был им пристыжен.

Зачем же над тобою властен гнев?
Зачем же бьешь рабов, рассвирепев?

За деньги на базаре ты купил их,
Но сотворить рабов — ведь ты не в силах!

Забудь, гордец, о гордости своей —
Ведь в мире есть властители мощней.

О господин Арсланов и Агушей —
Ты Господа великого послушай!

NB *Оказывается, и у суфиеv, так же, как и в христианстве, мерой хвали, воздаваемой Господу, служит обращение человека с себе подобным: хвалой Ему являются не столько слова, сколько дела. Не об этом ли самом сказано в Новом Завете? —*

«Кто говорит: „я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (Иоан. 4, 20)

РАССКАЗ 19

Я спросил одного мудреца о значении следующего изречения: «Злойший враг твой — это твоя страсть, гнездящаяся между твоими ребрами!»

NB — Это значит, — ответил он, — что любой враг становится другом, когда ему делаешь добро, а страсть будет для тебя все более и более тяжкой, пока ты будешь ей делать поблажку за поблажкой.

Умеренно вкушая пищу, ты станешь ангелу подобен,
А станешь жрать подобно зверю — придется камнем вниз упасть...

Исполнишь ты других желанье — они твою исполнят волю;
Но выполнишь ты прихоть страсти — тобою будет править страсть.

NB *Где же находится главный враг человека? Согласно сказанному здесь — в нем самом. Поэтому Саади и учит нас быть наиболее лояльными к окружающим (по возможности, даже к врагам, делая им добро), — и максимально строгими к самим себе.*

МУЛЛА НАСРЕДДИН

Ходжа Насреддин (Мулла или Молла Насреддин, Бу Адам, Афанди и ряд других наименований) — всемирно известный образ народного острослова, фольклорного мудреца (иногда глупца) у целого ряда народов Ближнего и Среднего Востока, Южной и Восточной Европы, Кавказа, Закавказья. Историческим прототипом Ходжи Насреддина является имам (духовное лицо), живший в Турции в 13 веке (умер в 1285 г.) и принадлежавший к суфийской традиции. Образ Насреддина впитал в себя ряд черт других, известных ранее, фольклорных мудрецов и балагуров Востока (например, Джухи и Бахлула, арабских острословов Средневековья), а становясь достоянием той или иной устной народной традиции, сливался с присущими ей образами других подобных персонажей. Согласно суфийским преданиям, анекдоты и притчи о Насреддине намеренно распространялись в народе суфийскими учителями, дабы таким необычным образом «с撒ять зерна» духовного учения в сердцах все новых поколений мусульман. Это удавалось по той причине, что большинство рассказов о Насреддине переворачивает в сознании слушателей или читателей стереотипные, «окаменелые» представления о жизни — и, таким образом, готовит их к восприятию суфийских истин, несовместимых по сути своей с «обывательскими» взглядами на мир, человека, общество и религиозные обязанности. В связи с этим, большая часть историй о Насреддине имеет целью педагогическое воздействие на слушателей и читателей, причем педагогика эта весьма своеобразна. Один из главных ее приемов — являть абсурдность устоявшихся мнений и представлений, и этим готовить почву для восприятия суфийский идей, для принятия новаторских решений. Простота, общедоступность, широчайшая распространенность таких историй, бытующих во всех классах, среди самых разных составов мусульманского общества — выгодно отличают этот «учебный материал» суфииев от специальных богословских трактатов или уточченных стихов, пролагая первоначальные «тропки» к суфизму, в том числе и для самых необразованных, непричастных к изящной литературе слоев общества.

Короткие истории

КОНТРАБАНДИСТ

Время от времени Насреддин ездил из Персии в Грецию верхом на осле. Каждый раз он вез с собой два тюка соломы, а обратно приезжал без них. Всякий раз охрана обыскивала его, ища контрабанду. И никогда ничего не находила.

— Что вы возите, Насреддин?

— Я контрабандист.

Много лет спустя, становясь с каждым годом все более и более зажиточным, Насреддин поехал в Египет. Один из таможенников повстречался там с ним.

— Скажите мне, Мулла, теперь, когда вы находитесь вне юрисдикции Греции и Персии, и живете здесь в такой роскоши, — что это вы возили контрабандой, что мы никак не могли поймать вас?

— О слов.

КАК НАСРЕДДИН СОТВОРИЛ ИСТИНУ

— Законы, такие какие они есть, не делают людей лучшие, — сказал Насреддин шаху. — Они должны практиковать определенные вещи, для того, чтобы находиться в созвучии с внутренней истиной. Эта форма истины только слегка напоминает несомненную истину.

Шах решил, что он может и должен заставить людей наблюдать истину. Он мог бы заставить их практиковать истинность.

Чтобы войти в город, нужно было пройти по мосту. Шах построил на нем виселицу. На следующий день, когда на рассвете открыли ворота, там разместился отряд стражи во главе с капитаном, чтобы проветрить всех, кто входит в город.

Было провозглашено: «Все будут опрошены. Если человек скажет правду, ему разрешат войти. Если он солжет, его повесят».

Насреддин выступил вперед.

— Куда ты идешь?

— Я на пути к тому, — сказал Насреддин медленно, — чтобы меня повесили.

— Мы тебе не верим!

— Очень хорошо, если я соврал, повесьте меня!

— Но если мы повесим тебя за ложь, мы сделаем так, что твои слова окажутся правдой.

— Правильно: теперь вы знаете, что такая истинна — ваша истинна!

ЗАДОМ НАПЕРЕД

Насреддина посетили несколько учеников, которые спросили, нельзя ли им послушать его лекции. Он согласился, и они отправились в

лекционный зал следом за Муллой, который уселся на ишаке лицом к хвосту.

Люди изумлено глазели на них. Они думали, что Мулла, должно быть, дурак, а ученики, которые следуют за ним, еще большие дураки. Кто, скажите на милость, пошел бы следом за человеком, сидящим на осле задом наперед?

Очень скоро ученики почувствовали себя неловко и сказали Мулле:

— О Мулла! На нас смотрят люди. Почему ты едешь таким образом? Насреддин нахмурился.

— Вас больше интересует, что думают о вас люди, а не то, что мы делаем. Если вы пойдете впереди, вы выкажете этим неуважение ко мне. Если бы я шел сзади, было бы то же самое. Если бы я ехал впереди спиной к вам, это было бы неуважение к вам. Этот — единственный способ.

УЧАСЬ НА ТРУДНОСТЯХ

Если вы будете объяснять что-либо человеку на словах, это скользит по нему и не впитается в него. Необходимы практические методы.

Факир позвал Насреддина вниз с крыши, где тот работал. Когда Мулла слез на землю, человек сказал:

— Подай мне милостыню.

— Почему ты мне сразу не сказал, когда я был на крыше? — сказал Мулла.

— Я постыдился, — сказал человек.

— Это все фальшивая гордость. Пойдем на крышу, — сказал Насреддин.

Как только они залезли на самый верх и Насреддин снова принялся за работу, он сказал человеку:

— У меня нет для тебя подаяния.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Шах был в плохом настроении. Когда он выходил из дворца, отправляясь на охоту, он увидел Насреддина.

— Увидеть Муллу по дороге на охоту сулит неудачу, — закричал он стражникам. — Не позволяйте ему глязеть на меня — уберите его с дороги да отхлестайте!

Так они и сделали.

Случилось так, что охота была удачной.

Шах послал за Насреддином.

— Прости Мулла. Я думал, увидеть тебя — плохое предзнаменование. Оказалось — нет.

— Вы думали, что я — плохое предзнаменование! — сказал Насреддин. — Вы посмотрели на меня — и ваша охотничья сумка полна. Я посмотрел на вас, и меня отхлестали. Кто же для кого плохое предзнаменование?

УТИНЫЙ СУП

Родственник Насреддина пришел к нему из деревни навестить его и принес ему утку. Насреддин был очень благодарен, сварил утку и съел ее вместе с гостем.

Вскоре появился еще один гость. Как он сказал, он был другом «того человека, который дал тебе утку». Насреддин также накормил его.

Так случалось несколько раз. Дом Насреддина стал похож на ресторан для гостей, живущих за городом. Каждый из них находился в той или иной степени другом первоначальному жертвователю утки.

Наконец терпение Насреддина иссякло. Однажды в дверь постучали, и на пороге появился незнакомец.

— Я друг друга друга того человека, который принес тебе из деревни утку, — сказал он.

— Входи, — сказал Насреддин.

Они сели за стол, и Насреддин попросил жену принести суп. Когда гость попробовал его, оказалось, что это ничто иное, как просто теплая вода.

— Что это за суп? — спросил он у Муллы.

NB — Это суп супа супа из той утки, — ответил Насреддин.

NB Педагогические системы нередко уподоблялись такому «супу из супа».

В свое время и на своем месте весьма прогрессивные и действенные, они впоследствии и в других условиях воспроизводились не по сути своей, а чисто поверхностно, и лишь отчасти походили на свой первообраз — подобно «теплой воде» из данного анекдота. Ближайший для нас пример: современная педагогическая система (классно-урочная форма обучения, урок в 45 мин., и др.) внешне во многом основана на теории и практике гениального чешского педагога-гуманиста XVII века Яна Амоса Коменского. Однако суть учения Коменского совершенно «выварилась» из нее, подобно «вкусу утятинки» из анекдота.

ХАФИЗ

Шамсаддин Мухаммад Хафиз из Шираза (1325 — 1390) — «соловей Востока», один из тончайших и наиболее известных во всем мире поэтов-суфииев. Под его влиянием Гете создал свой «Западно-Восточный диван», на русский язык Хафиза переводили Пушкин и Фет. Благодаря знакомству с творчеством Хафиза многие мыслящие люди Европы и России еще в 18 в. заинтересовались учением суфииев. А. Фет писал о том, что стихи Хафиза служат «подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг той эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы...» Прозвище «хафиз» означает «знающий наизусть Коран». Оно указывает на сокровенный смысл стихов этого великого поэта: его творчество является как бы иносказательным комментарием к Корану. Ведь под видом «винопития» он, как истинный суфий, описывает экстаз слияния с Аллахом, а в образе земной любви — блаженство «свиданий» с вышней Истиной. Именно подобное иносказательное прочтение стихов Хафиза имел в виду Гете, сказавший:

«Девой — слово назовем,
Новобрачным — дух.
С этим браком тот знаком,
Кто Гафизу друг».

(Пер. А. Фета)

Особенно характерно для Хафиза противопоставление показной, внешней обрядовой набожности — истинному, сердечному порыву к Богу. Такой порыв озаряет всю жизнь верующего «пьянящей» радостью познания Истины и переживанием любви к ней. Согласно известному суфийскому изречению, «прошлое — не существует уже, будущее — не существует еще. Существует лишь этот миг в настоящем: обрести же в нем Истину!» Об этом и говорит Хафиз: «Среди всего, что сотворил из ничего Творец миров, мгновенье есть; в чем суть его — никто доселе не постиг». Согласно его поэтически выраженному учению, постижение Духа как высшей реальности и живое чувство присутствия Аллаха («Возлюбленного») в душе верующего способны нарушить и отменить заведенный порядок бездушно-традиционного, внешнего богослужения:

«Свершая утром намаз, я вспомнил своды бровей, —
И вопль восторга потряс михраб мечети моей».

Однако стихи Хафиза тем и дороги многим поколениям его разноязычных читателей, что допускают двоякое прочтение — как буквальное, связанное с воспеванием наслаждений земной жизни, так и символическое, указывающее на радости иного, высшего, порядка.

Стихотворения

* * *

Сердце, воспрянь! Пост прошел, настала весна.
В хуках вино отстоялось, требуй вина.

Минуло время клятв и молитв лицемерных.
Рэндов пора наступила — веселья полна.

Пусть утешаются рэнды песней за чашей.
В чем преступление пьющих? В чем их вина?

Лучше уж пьяница искренний, не лицемерный,
Чем этот постник-ханжа, чья совесть черна.

Мы не аскеты, мы — чистосердечные рэнды.
Знание правды — вот наша тайна одна.

Зла мы не делаем людям, покорны Йездану.
Но если скажут: «Не пей!» — мы выпьем до дна.

Лучше уж быть винопийцей, чем кровопийцей.
Кровь виноградной лозы для уст не грешна.

Кто без греха? Есть ли грех в опьяняющей чаше?
Грех мой на мне, если чаша мне эта вредна!

* * *

О суфий, розу ты сорви, дай в рубище шипам вонзиться!
Снеси ты набожность в кабак, — не стоит с показной возиться!

Безумным бредням, болтовне ты предпочти напевы чанга,
Ты четки отнеси в заклад — и заживи, как винопийца!

Твои молитвы и посты отвергли кравчий и подруга,
Так лучше восхвали весну, хотя она и озорница!

Смотри, владычица сердец, я разорен вином багряным,
Но ради родинки твоей готова кровь моя пролиться!

О Боже! В дни цветенья роз прости рабу его проступки, —
Пусть радуется кипарис и весело ручей струится!

О Ты, чей путь меня привел к желанной влаге высшей цели, —
Хотя бы каплей должен Ты со мной, ничтожным, поделиться!

За то, что никогда глаза не видели красу кумиров,
Да будет мне теперь дана от Божьей милости частица!

Когда подруге поутру нальешь вино, скажи ей, кравчий:
«Хафизу чашу подари, — всю ночь не спал он, чаровница!»

* * *

Эй, проповедник, прочь поди! Мне надоел твой нудный крик.
Я сердце потерял в пути. А ты что потерял, старик?

Среди всего, что сотворил из ничего Творец миров,
Мгновенье есть; в чем суть его — никто доселе не постиг.

NB Все наставленья мудрецов — лишь ветер у меня в ушах,
Пока томят, влекут меня уста, как сахарный тростник.

Не сменит улицу твою дервиш на восемь райских кущ,
Освобожден от двух миров — своей любовью он велик.

Хоть опьянением любви я изнурен и сокрушен,
Но в гибели моей самой высокий строй души возник.

В несправедливости ее, в насилии не обвиняй!
Скажи: то милостей поток и справедливости родник!

Уйди, Хафиз, и не хитри! И сказок мне не говори!
Я прежде много их слыхал и много вычитал из книг.

NB Здесь «наставленье» противополагается влечению («влекут меня уста»). Что же имеется в виду? По-видимому, когда пробуждается внутреннее понимание (интуиция), внешние наставления становятся ненужными. Собственно, и цель их — «пробудить сердце», чтобы человек научился истинному, одновременно интеллектуальному и эмоциональному, постижению действительности. Поскольку же «ник» ощущений — это любовное стремление, ему, очевидно, и уподоблено здесь интуиция.

* * *

NB Мне вечером музыкант — да утешится он! —
Дух свирелью смущил, дух мой ввергнул в полон.

Всей тоскою людской тосковала свирель,
И на мир ниспадал ее трепетный стон.

Но предстал предо мной виночерпий, чей лик
Словно солнце сиял, мглою кудрей окаймлен.

Он восторг мой постиг, он подсыпал мне вина,
И я молвил, ища в чаще сладостной сон:

«Ты от зла бытия избавляешь меня, —
И да будет к тебе милосерд небосклон».

Для Хафиза в хмеле — Кей с Кавусом ничто:
Ячменя не ценней жемчуга их корон!

NB Наверно, музыкант символизирует выход души из безэмоционального опепенения, ощущение ею тоски по идеалу. Виночерпий же, в таком случае, означает возвращение души в состояние восторга, прежде ею утраченное, и обретение идеала. С точки зрения религиозной, идеал — это радость общения с Богом. Однако для кого-то, наверно, речь идет вообще об остроте и чистоте ощущения жизни — будто созерцание природы, встреча с другом и т. д. В любом случае благодарности достойны те, кто помогает нам вновь обрести утраченную внутреннюю гармонию.

* * *

Свершая утром намаз, я вспомнил своды бровей, —
И волья восторга потряс михраб мечети моей.

Терпенья большие не жди, к рассудку впредь не взывай!
Развеял ветер полей терпенье тысячи дней.

Прозрачным стало вино, пьянеют птицы в саду,
Вернулось время любви, — вздохнуло сердце нежней.

Блаженный ветер полей цветы и радость принес.
Приди, невеста любви! Весь мир дыханьем согрей!

Укрась свой брачный покой, — жених ступил на порог.
И зелень — радость сердец — сверкает все зеленей.

Благоухает весь мир, как будто счастьем дышу:
Любовь цветет красотой, что небо вверило ей.

Пускай деревья согнет тяжелый их урожай, —
Будь счастлив, мой кипарис, отвергший бремя скорбей!

Певец! На эти слова газель прекрасную спой!
О том, как счастлив Хафиз, пусть помнит память людей!

* * *

Кому удел не тлетворный в тлетворных столетьях дан?
Что прочно? — Ладья газелей. Что вечно? — Пьянящий жбан.

Возьми же вина в дорогу, — ведь жизнь не сравнишь ни с чем.
Путь к раю подобен чаще, и мало на нем полян.

Один ли познал я тленность? — ученый, что знает мир,
Постиг и свое бессилье, и знаний вечный изъян.

Взгляни же премудрым оком на мудрый, бегущий мир:
Весь мир, все дела мирские, все смуты его — обман.

Достигнуть встречи с тобою мечтала душа моя,
Но смерть на дорогах жизни — грабитель и злой буян.

Всем ведомо: знак, что роком начертан на смертном лбу,
Не смоешь ничем, о смертный, с челом он твоим слиян.

Все зданья падут, разрушась, и травы на них взрастут, —
Лишь зданье любви нетленно, на нем не взрастет бурьян.

NB Прохожие люди трезвым не встретят меня вовек!
О вечность! Хмельная чаша! Хафиз этой чашей пьян.

NB Вот, оказывается, каким «вином» пьян Хафиз: ощущением вечной жизни! Так, значит, ее можно ощущать уже на земле, не дожидаясь разлуки души с телом? Очевидно, из этой «хмельной чаши» пил не только Хафиз, но и многие из суфийских поэтов и мыслителей... Но людям, не имеющим понятия о таких состояниях души, жизнь на земле слишком часто представляется мрачной темницей. И чтобы хоть на миг унять мысль о бесцельности и беспросветности жизни, люди прибегают к суррогатам высших переживаний — опьяняющим веществам, наркотикам и т. п. По-видимому, любой душа свойственна память о небесной радости (или предощущение ее?), именно поэтому ни один человек не может в действительности удовлетвориться тем убогим, скучным материалистическим мироощущением, которое десятилетиями составляло основу воспитания наших соотечественников.

ИМАДЕДДИН НАСИМИ

Сейидали Имадеддин Насими (1370–1417) — гениальный поэт-философ, уроженец Азербайджана, потомок пророка Мухаммада, суфийский святой и мученик. Был верным учеником, другом и последователем оригинального богослова-проповедника Фазлуллаха Насими из Тебриза, основателя хуруфизма (от арабского «хуруф» — «буква») — учения о том, что все сущее, и в первую очередь человек, представляет собой по-разному расположенные и сгруппированные «буквы» различных имен Божьих. Таким образом, видимый мир есть не «проекция», «тень» или «отсвет» невидимого, но его ино-бытие, равнозначное своему источнику; человек же является собой манифестиацию Бога: в его внутреннем мире обитает сам Аллах, а во внешности человека, особенно в его лице, проступают «буквы» святых имен Творца. За распространение такого учения, необычайно возвышающего человека и, следовательно, осуждающего все формы угнетения, несправедливости, а также войны и казни, Фазлуллах был зверски умерщвлен по приказу Мираншаха, сына Тимура (Тамерлана). Став выразителем и благовестником хуруфизма, облекая его догматы и положения в изумительные по своей образности стихи на тюркском, фарси и арабском языках и обходя весь Ближний Восток со своей проповедью, Насими обрек себя на мученичество, последовав по стопам учителя Фазлуллаха как в жизни, так и в смерти. Поэт принял казнь добровольно, при следующих обстоятельствах. В сирийском городе Халебе (Алеппо) местные власти арестовали юношу, вдохновенно читавшего толпе на базаре стихи Насими. Уловив в этих стихах «гресь» — явные слова о Божественной природе человеческого духа, судьи приговорили юношу к повешению, поскольку тот, не желая выдавать авторство Насими, признал стихи своими. Узнав об этом, Насими явился в суд, открыл правду и этим спас юного ученика, приняв смерть вместо него. После непродолжительного тюремного заключения поэта было получено повеление сultана Муйайды содрать с Насими кожу и отрубить руки и ноги. Во время чудовищной публичной казни Насими ни на миг не терял мужества и веры, продолжая декламировать свои потрясающие по силе воздействия стихи и повторять знаменитое изречение первого суфийского мученика Ал-Халладжа: «Ана-л-хакк» («Я есь Истина [т. е. Бог]»). Один из захидов (официальных богословов), взбешенный этим, вскричал: «Всякое место, на которое упадет капля крови этого нечестивца, должно быть выжжено огнем,

истреблено мечом!» В этот миг капля крови Насими упала на палец разгневанного захуда, и толпа, сочувствовавшая мученику, начала требовать, чтобы захуду отсекли палец. Когда тот, насмерть перепуганный, поспешил взять обратно свои слова, Насими отозвался на это такими строками:

«Коль отрубить захуду палец — он отвратится от Аллаха,
А рядом с ним поэт казненный не плачет и не знает страха!»

Это двустишие стало пословицей, а множество других стихов Насими широко распространялось в устной и письменной форме среди народов Ближнего и Среднего Востока, вошло в фольклор, оказало огромное воздействие на последующих философов и поэтов. Следует иметь в виду, что стихи Насими рождались в моменты озарений, экстатических прозрений истинны — и этим сродни речениям библейских пророков и Корана, говорящих от имени Бога в первом лице. Такая форма обращения к людям от лица Аллаха в творчестве Насими обусловлена тем, что поэт достиг третьей стадии суфийского пути, называемой «хакикат» («уровень Истины») и состоящей в экстатическом отождествлении, слиянии духа человека с Духом Божиим. Непонимание этого из века в век подвигало ортодоксальных мусульманских законодателей на преследования, вплоть до «истребления огнем и мечом» наиболее откровенных суфийских проповедников, не считавших нужным скрывать свои возвышенные переживания и мысли за завесой сложных поэтических образов и иносказаний (ал-Халладж, Фазлуллах, Насими).

Стихотворения

* * *

Предвечен я, и вечность — мой конец.
Я и творенье мира, и творец.
Я — виночерпий пиршства земного,
Я — добрый знак для всех людских сердец.

* * *

Все тайны разгадал, в суть мира я проник,
Все буквы — тридцать две — вместил в себя мой лик.
Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,
Я в мире всемогущ, всемилостив, велик.

* * *

Хоть, может, мой невнятен слог, я говорю:
«Дойти до истины я смог», — я говорю.
«Что я постиг, то я изрек», — я говорю.
«Что Бог во мне и сам я Бог», — я говорю.

* * *

Коран святой, его ученье — Твои слова.
Святых аятов объясненье — Твои слова.
Мой дух, и счастье, и мученье — Твои слова.
Весь этот мир от сотворенья — Твои слова.

* * *

Дарует мертвым жизнь Божественный твой слог.
Кто слышит речь твою, встает, хоть встать не мог.
Ты в любящих людей всех смертных превращаешь,
Ты завершаешь речь реченьем: «Я есть Бог».

* * *

Мессию предрекает нам Твоих волос дурман.
Весь мир от красоты Твоей безумен или пьян.
Но тайну вечную Твою покрыл густой туман,
Поверенным Твоим не стал ни ангел, ни шайтан.

* * *

Твое лицо — на Божий лик намек.
В твоем лице запечатлелся Бог.
В твоем лице — суть всех земных явлений
И хаджа путь, который так далек.

* * *

Любовь, Любимый, Любящий — отнюдь
Не разные понятия — в этом суть.
Все три понятия эти — триедины,
Словно младенец, молоко и грудь.

* * *

И сам я — самый высший из владык.
Я — довод Божьей тайны, я — велик.
Я — сам Имран, я сам — Исы дыханье,
Я — райский сад, я — неземной цветник.

* * *

NB Хочу попасть я в Мекку, в Божий храм,
Увидеть знак святой «фа», «зад» и «лам».
Где б ни был я, мое мечтает сердце
Лишь о любви, подобно всем сердцам.

* * *

Мне истину открыл учитель Фазлулах,
Во тьме его лицо мой озарило мрак.
Меня он поднял ввысь по лестнице познанья,
Мне больше никаких иных не надо благ.

* * *

О Фазлулах, учитель наш, наш бог,
Ты нас из тьмы невежества извлек.
Ты наш отец, ты сделал все, что мог.
Ты мать, чье молоко пошло нам впрок.

NB В этих словах — апофеоз отношений между учителем и учеником: здесь самое емкое описание и роли учителя, и благодарности ученика, и той высшей истины, ради достижения которой существует их союз, возводящий обоих по «лестнице познанья».

* * *

NB Пока ты на земле, пока ты жив,
Ты быть прямым старайся, как алиф,
Чтоб видеть Бога в каждом человеке,
Молясь ему и все ему простишь.

NB Человек, согласно как Библии, так и Корану, создан «по образу и подобию» Бога. Поэтому и внутренний мир человека, и его внешний вид рассказывают о Творце. Однако для человека наиболее естественно узреть это богоподобие в своем ближнем — «другом», а не в самом себе, т. е. — «видеть Бога в каждом человеке». Этот возвышенный подход к человеку, когда сквозь него «просвечивает» Божественное начало, кардинально противостоит обожествлению самого человека, которому воздается поклонение вместо Бога. При отходе от заповеди взаимной любви на первый план выступает именно призыв библейского змия к самопоклонению человека: «...Будете как боги...» (Быт. 3, 5), что и происходило передко на протяжении истории (египетские фараоны, римские императоры, всевозможные фюреры и вожди XX века). И, когда мы читаем

у Насими о «Боге в человеке», слова эти следуют, несомненно, понимать отнюдь не в смысле самовозвеличивания (выдавания себя за Бога) или раболепия (поклонения человеку вместо Бога), но как указание на возможность «увидеть Бога» сквозь душу другого человека. Причем эта возможность заключена скорее в смотрящем, нежели в том, на кого направлен взгляд.

* * *

- NB** Для любящих людей Твой лик — дастан.
Для чтиящих идолов — китайский храм.
Для правоверных лиц Твой — Алкоран.
Для прочих смертных лиц Твой — гулистан.

Как я понимаю, Насими говорит о множестве путей, на которых возможно познать Бога. Притом лишь один из них — путь религии («для правоверных — Алкоран»). Еще существует приближение к Истине через любовь к людям («для любящих людей»), через любование природой («гулистан», т. е. сад роз, цветение). Даже в «идолопоклонстве» (по-видимому, имеется в виду изучение языческой философии, поскольку упомянут «китайский храм»), в котором, как известно, изучались труды выдающихся конфуцианских и даосских мудрецов) возможно узреть «Твой лик», т. е. Божественную истину. Каждой душе свойственен свой путь, и Бог, возможно, не ждет от людей унифицированного подхода к познанию, не навязывает им единобразия в этом вопросе. Не о том же ли говорится в Евангелии? — «...Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.» (Матф. 7, 14)

«Узкий путь» можно понимать как индивидуальный, уникальный путь саморазвития человека, в отличие от «широкого» общего пути, который погиблен, поскольку лишает человека истинного лица — своего, неповторимого, единственного во вселенной. Ведь Бог сотворил каждого именно таким, каков он есть, и ждет реализации тех самых уникальных потенций, которые заложил в него. Вот почему педагогическая практика, ведущая всех одним и тем же «широким путем» (т. е. «стригущая всех под одну гребенку»), не имеет нравственного права на существование. Как гласит очень точная восточная пословица: «Тот, кто учит всех одинаково, не может быть твоим учителем».

В ЭТОТ МИР Я НЕ ВМЕЩУСЬ

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмешусь:
Я суть, я не имею места — и в бытие я не вмешусь.

Все то, что было, есть и будет, — все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмешусь.

Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто;
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья не вмешусь.

Поглубже загляни в мой образ и постараися смысл понять, —
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмешусь.

Я жемчуг, в раковине скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмешусь.

Я самый тайный клад всех кладов, я очевидность всех миров,
Я драгоценностей источник, — в моря и недра не вмешусь,

Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной, — но в сотворенье не вмешусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я!
Держи язык свой за зубами — и в твой язык я не вмешусь.

Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли.
Скорей смотри на ясный лик мой, — я в эту ясность не вмешусь.

Я сразу сущность и характер, я сахар с розой пополам,
Я сам решенье с оправданьем, — в молчаний рот я не вмешусь.

Я дерево в огне, я камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, — я в это пламя не вмешусь.

Я сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю.
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмешусь.

Старик — я в то же время молод, я лук с туюю тетивой,
Я власть, я вечное богатство, — но сам в века я не вмешусь.

Хотя сегодня Насими я, я хашимит и курейшит,
Я меньше, чем моя же слава, — но я и в славу не вмешусь.

Я БОГОМ СОТВОРЕН

Я Богом сотворен, и сам я — Бог,
Святой огонь, Святого Духа слог.

Я — книга судеб, спутник Джебраила,
Я — Ибраил, что прокрутил в свои рог.

Во множестве я доказал единство,
Я, как Муса, и праведен и строг.

Я, зритель сам, стал зрелищем для многих,
И я не смог сокрыть своих тревог.

Любимец Божий, я благоустроил
Ту землю, где поставил свой чертог.

Я — дух и тело, суть и оболочка,
Я — форма, содержания залог.

Нет хуже бедствия для нас, чем слава.
Я бренной славы избежать не мог.

В семи краях земли я стал Джемшидом,
Стал багдыханом, чей престол высок.

Чтоб в должный час свершал я омовенья,
Стекает с неба на меня поток.

Как суфий, я Аллаха восхваляю,
Святое имя я себе нарек.

И все ж огонь любви меня сжигает,
Я им охвачен с головы до ног.

И счастлив Насими лишь тем, что любит,
Что пламени любви себя обрек.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ТВОЙ ЛИК

Божественный Твой лик увидеть все хотят,
Но нечестивый див Коран поймет навряд.

Не лицезрев тебя, кто суть Твою узнает,
Но все, постигнув суть, Тебя боготворят.

NB В красе Твоей — Коран, Евангелие, Тора,
Но это тот поймет, кто праведен и свят.

Царь Сулейман постиг все языки земные,
Но вряд ли даже он постиг бы Твой аят.

Как Насими, не всяк поймет Каабу сути,
Как не узнает кущ душа, попавши в ад.

NB По-видимому, Насими говорит о единой сокровенной составляющей всех великих религий, каждая из которых открывает «красоту» Все-вышнего, явленную в гармонии сотворенного мира, в красоте природы и человека. Одна из важнейших целей обучения — научить ребенка видеть и понимать красоту, а не зацикливаться на сообщении ему утилитарных сведений о внешнем мире. В соответствии с приведенными строками Насими, только человек, понимающий и ценящий красоту, сможет постигнуть истинную сущность Корана, Евангелия и Торы — увидеть в них красоту высшего порядка: Лик Божий. Но это содержание Писаний трех мировых религий не лежит на поверхности, свидетельство тому — межрелигиозные распри, преследования и войны. Лишь тот, «кто праведен и свят», согласно Насими, способен ощущать красоту целого — духовной жизни человечества. Следовательно, вражда, фанатизм, ненависть к инакомыслящим и инаковерующим — ясное свидетельство неправедности и несвятости тех, кто это проповедует и осуществляет.

СОВЕТ ВРАЧА — ЛЕЧЕНЬЕ ДЛЯ БОЛЬНОГО

Совет врача — леченье для больного,
Для любящих леченье — милых слово.

Твои глаза — Коран, и на земле
Есть лишь любовь и ничего иного.

Тот знает боль и горести любви,
Кто хочет встретиться с любимой снова.

Влюбленные, пожертвуйте собой,
Сладка любовь, хоть боль — ее основа.

Когда аскет твердит, что нет любви,
Не слушайте речения пустого.

NB Тем, кто не любит, властвует шайтан,
Тех, кто не любит, Бог корит сурово.

Наряд аскета сбрось с себя скорей,
Надень атлас, пусть заблестит обнова.

Нет кроме истины на сей земле
Для Насими понятия иного.

№ Насколько точно сказано! Почему несколько систем фундаментального переустройства общества, созданных в XIX—XX веках, вроде бы, для блага человечества, принесли людям столько горя, унижений и невосполнимых утрат (коммунистическая идеология, германский нацизм, учение Мао Цзе-Дуна, Пол Пота и др.)? На этот вопрос уже шестьсот лет назад ответил Насими: всякая попытка реформировать социальные отношения, предпринимаемая без любви к людям (притом конкретно — по возможности, к каждому члену общества в отдельности) — есть попытка достигнуть цели «сатанинскими» средствами. Скорбными свидетелями чего мы и являемся на протяжении большей части XX века...

ТЕРДЖИБЕНД (I)

Мы — явь Творца и суть Его примет,
Зерцало, отразившее весь свет.

О жаждущий! Приди к нам, мы — родник, —
Живой водой да будешь ты согрет.

Двойную суть в едином видеть — грех:
Где ты, где мы — различий в этом нет.

Познают все, что истина — одна,
Когда с чела покров наш будет сдет.

О ищущий Божественную суть!
Ведь мы — сам Бог, — забудь двойной завет.

Велики мы, но в край небытия
Бредем, как нищий, что в тряпье одет.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

*

Во мраке кос Твоих мы сень найдем —
Приют под хумаюновым крылом.

Свет единенъя явит нам свой лик —
Из небыли, как солнце, мы взойдем.

Мы суши в мире, чуждом всех примет,
Неведомы нам «что», «зачем», «о чем».

И если солнце веры — ты, ходжа,
Как мы себя правдиво назовем?

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

*

О кравчий! Дух, животворящий нас!
Живиши Ты влагой уст, хмелящей нас.

Твой лик, как солнце, озаряет мир,
Влечет Твой зов — всех лакомств слаше — нас!

Для нас ни рая нет, ни вечных благ,
Когда далек Твой лик, манящий нас.

Во тьме творенья сквозь кромешный мрак
Ведет Твой лик стезей светящей нас!

Наш помысел — один лишь образ Твой,
И нет иной мечты, томящей нас.

Какое сердце в нас приют найдет,
Пока мы зрим Твой лик, слепящий нас?

Безбрежен океан Твоей любви,
Как жемчуг, в глубине таящий нас.

Твои лучи лют золото в сердца, —
То — клад монет любви, ценящей нас!

Ты — свиток, предсказавший нам судьбу,
Счастливою звездой дарящий нас.

О ты, наш перл! Познай же нашу суть, —
Не знаешь тайны ты, хранящей нас.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

*

О Ты, сокровищ вездесущий клад,
Краса души, отрада всех отрад!

В любви к Тебе, открывшей явь вещей,
Какие глуби скрытое таят?

Душа и тело, блага всех миров,
Что было, что придет — мгновенный чад.

В сплетенье букв скрижалей бытия
Ты — только знак, поставленный в их ряд!

И только лик, лишенный бытия,
Живую воду явит без преград!

Муса, спаси изгнанников от мук,
Реки: «Откройся!», благостью объят.

Забудь себя, во всем прозри Творца, —
Он — тот бесследный след, что вечно свят.

Всем сущим сутям слово в дар дано:
Они без слов словами суть гласят.

В небытии лишь вечность обретешь,
О ты, в бессмертье жаждущий услад.

Нам облик человеческий присущ,
Но скрытый мир — живой провидит взгляд.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

<.....>

*

Пьяны от влаги, хмель дающей, мы,
Ведь кравчий, всем вино несущий, — мы!

Мы — ключ, открывший тайники небес,
Огонь свечи, к вину зовущей, — мы.

Мы — чанг и ней, и звон поющих струн,
И звуки песни, лад ведущей, — мы.

Нам люб уединенный путь бродяг,
И свежи юностью цветущей мы.

Мы в мире вездесущи и бедны, —
Сонм птиц, повсюду гнезда вьющий, — мы.

Мы жжем безверье, все, что чуждо нам, —
Огонь единства, скверну жгущий, — мы.

О ищущий Божественную суть,
Мы признак сути вездесущей, — мы!

И отблеск вечной сущности Творца,
На шесть сторон сиянье льющий, — мы.

Хоть мы — предел, конец, граница, край, —
Вне сути, грань мирам кладущей, мы!

В единстве мира мы — единый лик,
Смысл двух миров, в единстве сущий, — мы.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

< . . . . . >

*

Мы — мир, нарекший всем хвалам зарок,
Мы мира беспредельного восторг.

И суши мы, пока нам Фазлуллах
Стезю смиренья в двух мирах предрек.

В семи пределах наших капля вод
Семи морям способна дать исток.

О истинного друга стройный стан!
Короткоруким путь к тебе далек.

Не смей твердить, отщельник, про любовь, —
Ведь ты вовек не ведал к ней дорог.

Чело луны померкло от того,
Что я из сердца горький стон извлек.

Зачем делить с тобой мне боль души?
Не знал вовек сердечных ты тревог.

Твоя любовь приворожила нас, —
Янтарь к себе соломинку привлек.

Святоша, знай: дурного нет в вине,
Испей вина, хулить его — не прок.

Все истинно в предвечных письменах, —
Нам прихоти желаний невдомек.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

< . . . . . >

*

Откинь завесу, лунный лик открай,
И тайну тайн да явит облик твой!

Да станет лик твой в пелене кудрей
Душе и сердцу солнцем и луной.

Да обратится смута чар твоих
Бешающей о судном дне молвой!

Умам всех сущих истину внущи —
Смятение вселенной успокой.

Да дышит благовоньями твой вздох, —
Даруй хотанским ланям муксус свой.

Ввергая розы в смуту каждый миг,
Обвей их благовонною волной.

О ты, влюбленный в кипарисный стан!
Во прахе перед ним пади главой.

Любовь — сокровищ потаенный клад,
В нем жемчуг скрыт, рассыпанный тобой.

Приди, о кравчий, к райским ручейкам,
Наполни чаши пенистой водой.

О ты, парящий в мире бытия,
Всех птиц пером Симурга удостой.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

< . . . . . >

*

Поистине мы — тайна всех имен,
Мы Истиной зовемся испокон.

Наш образ — тайна праха и воды —
Во влаге уст и в родинках явлен.

Мы — чрево корабля, благой ковчег,
Вместивший семь морей семи сторон.

Твоей красотой в красотах всех миров
Никто, нигде, ни в чем не наделен.

И если ты — не суть всего, зачем
Смысл Истины в тебе запечатлен?

Перл Истины взыскиующий! Пойми:
В морях души, в глубинах сердца он!

Сумей прозреть обличье Творца
В красе, которой лик твой озарен.

Зачем теперь ты Истину не зришь,
О тщетно ждущий будущих времен?

В томленье по желанному челу
Да будешь ты душою просветлен!

Мы, как Адам, — из глины, Насими, —
Любой из нас в той сути сотворен.

Мы — Дух Святой, мы — имя из имен,
Тем Духом был Адам одушевлен!

ТЕРДЖИБЕНД (II)

Приметен нам бесследный след,
И внятна речь, где речи нет.
Забыв себя, мы ищем суть,
Живой водой наш дух согрет.

Мы юны, если древен мир,
Мы стары, если молод свет,
И мы владычим в двух мирах,
Презрев мирской удел сует.

Напомни нам призыв Мусы,
Коль наша речь истортнет бред,
Напомни нам, в чем наша суть,
За кем в сей мир пришли вослед.

Нам нет пристанища нигде,
И беззаветен наш завет:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

Мы власть даруем двум мирам,
Печаль и радость чужды нам.
Шибли — лишь капля наших вод.
И точка наших букв — Адхам.

Когда взбурлил наш океан,
Из праха сущим стал Адам.
Лишь нашим вздохом жив Иса —
Ведь мы вдохнули жизнь в Марьям.

И если сердцем ты правдив,
По нашим ты идешь следам.
О мертвый! Как тебе вздохнуть,
Коль не приник Иса к устам?

Раз ты его дыханьем жив,
Запомни зов, присущий нам:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

Пойми: мы — правды верный путь,
Взыскуешь правды — с нами будь.
Благим не станешь, не сумев
С гуляками вина хлебнуть.

Одежды скинь, надень тряпье.
Но только миг и в нем побудь,
А скинешь бренное — поймешь,
Как тлена в вечности минуты!

А хочешь ты наш мир познать —
Оковы колдовства забудь:
Пока гордец о Боге рек,
Успел Муса свой жезл метнуть.

Вне сути вездесущим стань,
Отринь все страсти, помни суть:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

Нам над мирами власть дана:
От вздоха утреннего сна,
Пойми, под сенью лун без нас
Нет ни единого зерна.

Наш зов «Я — истина» — правдив,
Той правде — наша кровь цена.
Не с нами тот, кого манят
Корона, золото, казна.

Ищи — постигнешь веру в нас:
Суть Бога в нас воплощена.
Для ищущего суть равны
И чернота и белизна.

Усвоишь это — повторяй —
Любая речь на то годна:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

О Ты, чья воля нам дала
Весь сущий мир добра и зла!
Велел познать ты твердь земли
И высь вселенных без числа.

Прозри наши вездесущий лик
Безде, где суть его светла.
Венец красы, мы пленены
Красою своего чела.

Познай, невежда: мир один,
Пойми: все было — прах, зола.
Все сущее вне нас — ничто:
И высь, и твердь, и свет, и мгла.

И внятна в граде бытия
Юнцам и старцам та хвала:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

Мы — тот сосуд, где есть вино,
Нам сущее вместить дано.
Как сахар в теле тростника,
Мы — со вселенной заодно.

Хвалу возносим мы Исе —
Им мертвое оживлено!
О ты, не знавший суть миров,
Ищи! Сокровищ в них полно.

Всегда во всем с Хусейном будь,
Твое неведенье грешно.
Дай, кравчий, чистого вина,
Да будет выпито оно!

А одолеешь тягость мук —
Да будет сердцу внушено:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

О ты, в чье сердце гнев проник!
Храни тебе привычный лик.
Владык не ведает вовек
Стезя бездольных горемык.

Презри соблазны двух миров,
В забвенье жизни будь велик.
Отринув путы бытия,
Ищи рекомый мной тайник.

Помыслишь сущих, кроме нас,
Забудь ту скверну в тот же миг.
Нам в мире ведом каждый знак,
Два мира разум наш постиг.

Ступай же к нам, забудь себя,
Будь, клятва, словно львиный рык:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

Ты, человек, в страстях убог,
А Бог в тебе огонь возжег!
Да есть ли в бренном мире прок,
Что с вечностью сравниться б смог?

Гнет бренной плоти усмири,
Как жезлоносец нам предрек.
Владыкой став своей душе,
Ты, как Юсуф, спастись бы мог!

И, одержим, хмелен, смятен,
Явись себе, челом высок.
Смири во имя Бога плоть —
Иши Божественный чертог.
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

*

Черног предвечный, горный свод
Простер над нами даль высот.
Кто звенья пут с себя сорвал,
Тот вознесен на небосвод.

Пусть зло всегда ведомо злом,
Ни боль, ни радость нас не имет!
Ты в сердце нам устрои приют,
Изгнав из сердца сор забот.
Не ты ли нами восхвален —
Твой, сотворенный небом, род?

Мы воздаем хвалу Исе —
Он душу даже в прах вдохнет.
Ты, помня это, повторяй:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

О ты, о Насими, тверди
То слово — перл предвечных вод:
Мы — сам Симург, мы — вне земель,
Земли и неба суть и цель!

ДЖАМИ

Нур-ад-дин Абдуррахман ибн Ахмад Джами (1414–1492) — знаменитейший суфийский поэт и мыслитель, писавший на языке фарси. Автор поэм «Семь корон», «Саламан и Абсаль», «Дар благородным», «Четки праведников», «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун», «Золотая цепь», «Книга мудрости Искандера»; ряда касыд («Море тайн», «Сияние духа» и др.); трех диванов (сборников лирики), в которых, соответственно, собраны стихи его юности, зрелого возраста и старости; книги притч «Бахаристан»; ряда суфийских трактатов, сочинений о стихосложении, музыке и др. Непревзойденный мастер стихотворной притчи и афоризма. Каждая из притч, в обилии встречающихся в поэмах Джами, выражает в аллегорической форме какое-либо положение суфийского учения или педагогическое наставление шейху, касающееся воспитания учеников.

Из сборника «Океан жемчужин»

Рубай

* * *

Мир наш светом наполнен во все времена,
Человеку в нем радость прозренья дана.
Но его жадный разум постигнет лишь малость —
Только отблеск над бездной без края и дна...

* * *

Во вселенной царит первородная мгла...
Вспыхнет лучик сознанья, и жизнь потекла
Через призму сверкающего разноцветья:
Судит разум о солнце по цвету стекла.

* * *

Люди разным пророкам молитвы творят,
Люди зло совершают и благо дарят.
Все деяния их так похожи на хворост
Для костра, на котором они же сгорят.

* * *

Жадность губит людей и пороки плодит,
Всяк богатство умножить свое норовит,
Забывая, что в жизни он просто песчинка:
Смерть подует, и прахом он будет покрыт.

* * *

Нить бесценную жемчуга держишь в руках,
Берегись, чтоб она не рассыпалась в прах...
Жизнь твоя — это нить. Жемчуг меряет время,
Мудрый тратит его лишь в достойных делах.

Из поэмы «Золотая цепь»

В ОСУЖДЕНИЕ ТЕХ, КТО ВНЕШНЕ
ВЫСТАВЛЯЕТ СЕБЯ СУФИЕМ И УКРАШАЕТ
СЕБЯ СУФИЙСКИМ НАРЯДОМ

Суфии мерзки. Бойся с ними встречи:
Утрачен ими облик человечий!

Все, что им в руки дашь, они съедят,
Когда хотят вредить — они вредят.

Их помыслы — о сне, вине и мясе,
Не думают они о смертном часе!

Молитвы их — о яствах, о еде,
Поживы ищут всюду и везде.

Нашли себе жилье без затруднений,
Обитель их ты знаешь: дом радений.

В том доме — доброхотные дары,
Роскошная посуда и ковры,

Горит очаг, над ним котел подвешен,
И запах кухни для ханжей утешен...

Ждут: сельский житель или городской
Придет — и щедрой одарит рукой,

Муку иль мясо принесет им на дом,
За это он воссядет с шейхом рядом...

Шейх развязал мешок своих речей,
Ложь потекла — одна другой глупей.

Не прекращалась речь лжеца пустого,
Покуда пища не была готова...

Ни на кого не смотрит шейх, пока
Не видит приношений простака.

От пищи взгляд становится любовней, —
Не святостью согрет он, а жаровней.

Все догматы суфийские привел, —
Но вот уже пахучим стал котел.

Шейх замолкает, потирая руки,
К халве и хлебу простирая руки.

Кусочек — в рот, кусочек — про запас,
Кусочек — гостю, что придет сейчас.

Хурму и мясо отобрал руками,
Чтоб лучшими поужинать кусками...

Прочтя молитву, полный свежих сил,
Он к проповеди длинной приступил.

Здесь были объясненья, толкованья,
О кознях сатаны повествованья.

Без отдыха язык его молол.
Потом о шейхах он слова повел:

Был у него премудрый покровитель,
А у того — учителей учитель.

Один — содеял множество чудес,
Другой — постиг все таинства небес...

Так, посвящая день речам туманным,
Свой полдень он растягивал обманом.

Но вот еду приносят повара:
Святому шейху ужинать пора.

Оказывая честь любому блюду,
Он вскоре унести велел посуду.

Болтал, вкушая лучшие куски,
Вкусщал, болтая смыслу вопреки.

Когда же наступила тьма ночная,
Вознес молитву, Бога поминая.

Пошел он в спальню, помолясь Творцу, —
Свирепый волк, зарезавший овцу.

ХАМЗА ФАНСУРИ

Хамза Фансури (Шахрнави) (вторая пол. 16 — первая пол. 17 в.) — прославленный поэт-суфий и философ, основоположник малайской классической поэзии, целиком проникнутой, благодаря его влиянию, суфийскими содержанием и образностью. О своей жизни («метаниях») до вступления на путь тариката — и о слиянии с Богом («морем») после прохождения этого пути — Хамза оставил такие строки:

Не ведал кит, что от века един
С морем, в котором нет берегов,
Повсюду метался, невежде под стать,
Оттого все старанья пропали зазря.

Хамза Шахрнави бесследно исчез,
Как древо сухое, спорел дотла,
В пучине Недвижного Моря рожден,
Он стал камфарою во граде Барус.

(перевод В. И. Брагинского)

В этих строках поэт сравнивает себя не только с китом — обитателем моря (безмерной Божественной реальности), но и со «сгоревшим» (т. е. утратившим самость в огне Вышиней Любви) сухим камфарным деревом, а также с самой камфарой, распространяющей «благоухание познания во граде Барус», другое название — Фансур (откуда и псевдоним поэта), т. е. в одном из крупных центров Малайзии. Здесь учение суфииев входило во взаимодействие с синcretическими индуистско-буддийскими верованиями, испокон веков бытовавшими в этом регионе в форме тантризма. Слияние различных составляющих малайской культуры, особенно элементов ислама с элементами религий индийского происхождения, обусловило особую красочность и цветистость стиля и образов поэзии Хамзы Фансури. В то же время, в своих философских трудах он — ортодоксальный суфий, излагающий учение в классической для мусульманских мыслителей форме (особенно чувствуется влияние Ибн Ал-Араби).

Тайны постигших

Напиток влюбленных

Знай, что немощный дервиш Хамза Фансури пожелал указать в этой книге путь к Господу и изъяснить постижение Его. Он назвал ее «Напиток влюбленных», чтобы те, кто жаждет этого напитка, могли испить его, ибо в ней — речи влюбленных в Господа. Однако они изложены кратко и лишены пространности. Постижение Господа — дело невыразимо трудное. Если учитель не наделен совершенством, а ученик — мудростью, Его не постичь, ибо постижение — тайна Пророка — да пребудут с ним благословение и мир! Все же нам надлежит стремиться к постижению в меру сил, ибо сказал посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто взыскует с усердием, — найдет». И еще сказал посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Стремление к знанию предписано всем мусульманам и мусульманкам». И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Отправляйся на поиски знаний, будь они хоть в Китае». И говорит Всевышний: «Я ведь создал джиннов и людей, только чтобы они Мне поклонялись (то есть — познавали Меня)». И еще говорит Всевышний в священном предании: «Я был скрытым сокровищем, и возжелал быть познанным, и, дабы быть познанным, сотворил всяческую тварь». Поэтому суфии и говорят, что наш долг — в меру сил постигать Господа и поклоняться Ему. Не должно являть небрежения к делам веры, стремиться к мирскому величию и стяжать больше, чем потребно на утро и вечер; не должно также чрезмерно заботиться о женах и детях, есть и спать, подобно скотам, ибо человек весьма возвеличен перед Господом. Познайте же свое величие! Тот, кто стремится к Его постижению и вершит дела поклонения, велик пред Господом; тот же, кто не стремится и пренебрегает делами поклонения, несовершенен. Как говорит Всевышний: «У них сердца, которыми они не понимают, глаза, которыми они не видят, уши, которыми они не слышат. Они, как скоты, даже более заблудшие. Они — находящиеся в невнимательности».

Мы не должны пренебрегать этими словами и думать, что — лишь неверные пребывают в беспечности. А потому нам подобает преданность и стремление обрести знания у учителя, достигшего совершенства в Законе, Пути и Истине. Ибо Закон подобен ограде, Путь — дому, Истина — имуществу, сберегаемому в доме. Если дом не огражден, воры расхитят имущество. То есть, того, кто стремится к Господу иначе, нежели путем Закона, искусит дьявол. Как говорит Всевышний: «Разве Я не заповедал вам, сыны Адама, чтобы вы не поклонялись сатане? Ведь он для вас враг явный!»

Итак, оградим себя, дабы не быть искушенными дьяволом. Тот, кто оградит себя оградой Закона, не будет искушен; тот же, кто выйдет за ограду Закона, несомненно, примет искушение.

Что же до тех, кто умаляет Закон либо унижает Его, то они — неверные — спаси Господи от такого удела! Ибо Закон неотделим от Пути, Путь неотделим от Истины, Истина неотделима от Постижения. Эта четверица подобна торговому кораблю: Закон — его киль, Путь — палубный настил, Истина — груз, Постижение — прибыль от продажи груза. Если отвалится киль, кораблю не миновать крушения; а тогда мы лишимся и прибыли, и средств, истраченных на снаряжение корабля, и окажемся в убытке. А Аллах знает лучше!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: *в изъяснение того, что есть постижение Всевышнего*

Знай, что Пророк — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — сказал: «Постижение — моя тайна».

И еще сказал посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Молитва без постижения не имеет силы».

Знай: пророки и святые, мудрецы и схоласты согласны в том, что Аллах — преславен Он и возведен! — един, а не двойствен; извечен, а не явлен внове; Творец, а не тварь. Он не имеет формы и цвета; непреходящий, а не тленный, не отдельимый от твари, но и не пребывающий в ней; не отторжимый от твари, но и не содержащийся в ней. Нет подобного Ему и сходного с Ним, нет у Него соучастника и нет Ему равного. Он не подвластен пространству и времени, бесконечен. Святость Его превыше этих слов.

Все суфии, схоласты и богословы согласны в этом, однако суфии превосходят прочих, утверждая далее Его беспределность и безграничность. Значение же понятий «беспределность и безграничность» в том, что Он не пребывает ни вверху, ни внизу, ни справа, ни слева, ни впереди, ни позади. То есть, Он — Бытие, не подвластное шести направлениям. Он — словно безбрежный океан, словно ничтожный плод. Поэтому суфии и утверждают, что Аллах — преславен Он и возведен! — есть Вседержитель, ибо Он объемлет всю вселенную. Говорит Всевышний: «Он объемлет всякую веять!»

И богословы утверждают, что всеобъемлюще Его Знание; суфии же — что и Его Сущность, и Его Знание — всеобъемлющи, ибо Он неотделим от Своего Знания. Ведь Аллах — прославлен Он и возведен! — не таков, как человек, чьи знания можно отделить от него.

Далее, Аллах — преславен Он и возведен! — благодаря Своей Сущности и Знанию близок к вам, однако постичь эту близость невыразимо трудно. Это слово имеет четыре значения, и первое из них — близость во времени, второе — близость в пространстве, третья — близость по свойствам, четвертое — близость Всевышнего. И именно ее — близость Всевышнего — постичь крайне трудно. О близости во времени говорят: «Времена Мухаммада — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — ближе к нам, чем времена Иисуса — мир ему!» О близости в пространстве говорят: «Луна ближе к нам, чем Плеяды». О близости по свойствам говорят: «Байязид — да будет Господь им доволен! — ближе

к Мухаммаду — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — чем Утба и Шайба — да будут они прокляты! Ведь хотя Байязид более, чем Утба и Шайба, удален от Посланника во времени, он ближе к нему по своим свойствам. Близость же Аллаха — преславен Он и возвышен! — к миру не такова, хотя говорит о ней Всевышний: „И Он с вами, где бы вы ни были”». И еще говорит Всевышний: «И Мы ближе к нему, чем шейная артерия».

И еще говорит Всевышний: «И [Он] в ваших душах. Разве вы не видите?»

Поэтому суфии утверждают, что Всевышний близок к пророкам, святым и праведным, а также и многобожникам, неверным и нечестивым. Он близок ко всякой своей твари, но прежде всего дарует близость людям знания и служения. Итак, к тем, кто постигает Его и с усердием поклоняется, Он близок, от тех же, кто не познает Его и грешит, — «далек». Однако смысл понятий «близок» и «далек» здесь иной, чем в примерах, изъясненных ранее. Выразить его невозможно, и он доступен лишь получившим откровение.

Вопрос. Если спросят: «Коль скоро Сущность Господа объемлет всю вселенную, пребывает ли Она в нечистотах?» — то ответьте: «Это можно понять по аналогии с солнечным теплом, которое объемлет всю вселенную, равно согревая все: нечистоты и тлен, благос и дурное, Каабу и кумирни идолов; и от нечистот не становится оно нечистым, от тлена — тленным, от благого — благим, от дурного — дурным, от Каабы не обретает оно благодати, от кумирни идолов — скверны. Коль скоро этого не происходит с теплом, то тем более с Аллахом — преславен Он и возвышен! — превосходящим святостью все, что свято. Могут ли осквернить Его нечистоты и тлен?»

Вопрос. «Если Сущность Аллаха объемлет всякую вещь, то кто же страждет от адских мук, и кто наслаждается райским блаженством?»

Ответ. «Это можно понять по аналогии с золотом и динаром. Если расплыват динар в огне, исчезнет динар, но не золото. Хотя золото и динар нерасторжимы, из золота можно сто и тысячу раз отчеканить новый динар, и всякий раз в огне погибнет лишь монета, золото же пребудет, как и прежде. Может ли оно уничтожиться и может ли погибнуть? Итак, динар подобен твари, золото — Творцу, уничтожается и гибнет лишь тварь». Эти слова крайне трудны для понимания, и тем, кто еще не постиг их смысла, мы поясним его изречением Али ибн Аби Талиба — да почтит Аллах его лик: «Я не вижу ни одной вещи без того, чтобы не видеть в ней Господа».

И еще сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто, глядя на всякую вещь, не видит в ней Господа, смотрит тщетно».

Поэтому суфии и говорят, что Сущность Аллаха объемлет всякую вещь. Богословы, суфии, схоласти и мудрецы согласны в том, что никто не постиг Сокровенной Сущности Господа — преславен Он и возвышен! Однако же мы в меру наших сил можем высказать о Ней суждения по аналогии. А Аллах знает лучше!

ГЛАВА ПЯТАЯ: *в изъяснение того, как проявляется Сущность Всевышнего*

Знай, что суфии называют Сокровенную Сущность Истинного — преславен Он и возвышен! — неопределенностью. Называют же Ее так потому, что Она недостижима для нашего разума и рассуждения, знания и постижения. Да и что сказать о нашем знании и постижении, если даже пророки и святые испытывали перед Ней благоговейный трепет. Поэтому Пророк — да пребудет с ним благословение Господа и мир! — сказал: «Преславен Ты, мы не можем Тебя постичь истинным постижением».

И еще сказал Пророк — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Размышляйте о творениях Господа и не размышляйте о Его Сущности».

Поэтому суфии называют Ее неопределенностью, разумея под этим, что Она никак не проявлена.

Первая ступень определенности четверична и включает Знание и Бытие, Зрение и Свет. Эта четверица именуется верной ступенью определенности потому, что благодаря Знанию проявляются Знающий и Объект Знания, благодаря Бытию — Податель Бытия и Обретающий Бытие, благодаря Зрению — Видящий и Увиденное, благодаря Свету — Освещивающий и Освещенное. Все это — Знающий и Объект Знания, Первый и Последний, Явленный и Сокровенный — получает имена на первой ступени определенности.

Что до Объектов Знания, то суфии именуют их Неподвижными Сущностями, иные называют Объекты Знания Умопостигаемыми Формами, иные — Сущностями Вещей, иные — Соединяющим Духом. Все эти понятия относятся ко второй ступени определенности.

На третьей ступени определенности проявляются человеческий, животный и растительный духи.

Четвертая и пятая ступени определенности объемлют мир тел, то есть всю вселенную и всяческую тварь. Их называют также ступенями беспредельного множества.

Ступени определенности неисчислимы, однако Знание и Бытие, Зрение и Свет неотделимы от каждой из них, ибо без этой четверицы самопроявление Владыки ступеней определенности невозможно. Поэтому суфии говорят, что бытие вселенной есть Бытие Господа. Вселенная воспринимается нами как сущая, хотя в действительности не обладает бытием. Она получает свое бытие от Бытия, нисходящего по ступеням определенности. Лишь по недостатку знания мы считаем ее обладающей бытием.

Что до первой ступени определенности, то ее называют как Трансцендентной, так и Имманентной. Имея в виду Сущность, уединенную в самой себе, мы называем эту ступень Трансцендентной; имея же в виду Сущность вместе с совокупностью ее атрибутов и имен — Имманентной. Ибо Трансцендентное называют Имманентным в той мере, в какой оно является опорой всей вселенной от начала и до конца.

Первую ступень определенности суфии уподобляют океану. Когда воды океана вздымаются, их именуют волнами. То есть, когда Знающий взирает на Самого Себя, в Нем проявляется Объект Знания. Когда океан дышит и воды его испаряются, их именуют паром. Под ним разумеют единичных духов и Соединяющий Дух, которые пронизывают Неподвижные Сущности. Когда пар собирается в небе, его именуют тучей. Под ней разумеют вещи-в-потенции, которые, скопившись в Неподвижных Сущностях, готовы устремиться наружу. Когда капли падают из небесной тучи, их именуют дождем. Под ним разумеют Соединяющий Дух вместе с Неподвижными Сущностями, которые, повинувшись Творящему Слову «Будь!», проявляют себя вовне, обретая многообразные формы. Когда дождь прольется на землю, его именуют потоком. Под потоком разумеют Соединяющий Дух, Изначальные потенции и Неизменные Сущности, «струящиеся» ниже ступени Творящего Слова. Когда поток изливается в океан, он вновь становится океаном, однако же океан несравненно свят и неизменен. Хотя и покидают Его воды, Он не мелеет, хотя и возвращаются к Нему — не переполняется, ибо святым Он превосходит все, что свято.

Говорит Всевышний: Все гибнет, кроме Его Сущности, а под Ней разумеют Его Бытие. Оно — всегда сущее, все же, кроме Него, — никогда не сущее. Ибо, по мнению суфииев, лишь нечто, обладающее бытием, становится чем-то сущим, а ничто не может им стать. Это значит, что Аллах — преславен Он и возведен! — Необходимое Бытие, сущее благодаря Самому Себе, а не чему-либо другому, тогда как всякое бытие-в-потенции становится [актуально] сущим благодаря Ему. А если бытие-в-потенции становится [актуально] сущим благодаря Ему, то, следовательно, [изначально] оно не есть [актуально] сущее.

Богословы утверждают, что Он создал мир из ничего и, создав его, вновь ввергает в ничто. «Коль скоро это так, — говорят суфии, — то либо Всевышнему свойственна изменчивость, либо Его могущество ограничено. На наш взгляд, из ничего не может возникнуть нечто, а нечто не может обратиться в ничто». Гибнет лишь внешняя форма, но не духовная сущность. Это постигают по аналогии с умершим, у которого тленна лишь явленная телесность, сокровенная же духовность — нетленна. Как говорит Всевышний: «Не говорите о тех, которых убивают на Пути Аллаха: „Мертвые!“ Нет, живые! Но вы не сознаете».

То же и со всякой вещью; она имеет свое начало в Господе и возвращается к Нему, а не возникает из небытия и возвращается в небытие. Как говорит Всевышний: «Его приказ, когда Он желает чего-нибудь, только сказать ему „Будь!“ — и оно бывает».

Суфии говорят, что слово «ему» предполагает нечто сущее, и, таким образом, Всевышний обращается к чему-то сущему. Не будь оно сущим, Всевышний не назвал бы его словом «ему». Еще суфии говорят, что Всевышний — Вечный и Всеведущий, а коль скоро Он всеведущ, в Его Знании должны существовать Объекты Знания. Все, чему Он дает бытие еще до грани Творения и за этой гранью, все, что мы видим, берет исток в Объектах Его Знания. А если это так, то Он творит нечто из чего-то сущего и не творит его из небытия. Под этим чем-то разумеют

существование в Нем определенных видов Предрасположенности. Как говорит Всевышний, «Каждый день Он в каком-либо состоянии».

О взыскиующий знания, Бытие Аллаха — преславен Он и возведен! — подобно беспредельному и бесконечному океану, а вселенная и все, что ее составляет, — ничтожному пузырьку пены. Каков же удел каждого человека в этой пене? Ясно, что не иной, чем тот, о котором говорит Всевышний: «Все, что пребывает во вселенной, исчезнет, вечен лишь Господь твой, Владыка Славы и Величия».

О взыскиующий знания, вселенная подобна волне, а Бытие Всевышнего — океану. Хотя волна [внешне] и отлична от океана, в своей истинной сущности она тождественна с ним. Как говорит Всевышний, «Он сотворил Адама по образу Его».

Богословы утверждают: значение слов «по образу Его» в том, что Всевышний сотворил Адама по образу Адама. Суфии же утверждают, что по образу Творца. Однако ученые мужи не могут удовлетворительно истолковать это священное предание. Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — сказал: «Всевышний сотворил Адама по образу Милостивого».

Поэтому Милостивый подобен океану, а Адам — пене. И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто познал самого себя, познал Господа своего».

Это предание также указывает на аналогию океана и пены. Тот, кто понимает его, понимает проявление Сущности Истинного — преславен Он и возведен! О ступенях Ее проявления написано много, все же, что содержится в этой книге, — лишь краткое изъяснение.

Любящие Господа пусть взыскуют Его также и на путях поклонения Ему. А Аллах знает лучше!

ГЛАВА ШЕСТАЯ: в изъяснение Атрибутов Аллаха — преславен Он и возведен!

Знай, что Атрибутов Господа, со-вечных с Ним, — семь: первый — Жизнь, второй — Знание, третий — Воля, четвертый — Могущество, пятый — Речь, шестой — Слух, седьмой — Зрение. Господь — вечен, и эта семерница со-вечна с Ним. Но будь семь Атрибутов со-вечны с Ним, Он не был бы совершенен. По этой причине суфии считают Атрибуты тождественными самой Сущности. Так, например, обстоит дело с Атрибутом Жизнь, благодаря Ему Сущность именуется Живой; или Знание, благодаря Знанию сущность именуется Знющей; или Воля, благодаря Воле Сущность именуется волящей. И точно так же со всеми Атрибутами, которым несть числа. Богословы же утверждают, что Атрибуты не есть Сущность, но и не есть Не-Сущность. Например, Имам Газали сказал: «Атрибуты Господа не есть сама Его Сущность, но и не есть нечто иное, отличное от Нее».

Что до Атрибутов Истинного — преславен Он и возведен! — то Они Совершены. Ступенью ниже Божественного Совершенства следу-

ют Его Величие и Красота, все же прочее, что явлено во вселенной, — ниже Величия и Красоты.

Все благое берет начало в Атрибутах Красоты, все дурное — в Атрибутах Величия. Неверие исходит из Атрибутов Величия, вера — из Атрибутов Красоты, ад — из Атрибутов Величия, рай — из Атрибутов Красоты, гнев — из Атрибутов Величия, милосердие — из Атрибутов Красоты.

Сущность — всеобъемлюща; Ей сопричастны как Величие, так и Красота, ибо и Величие и Красота суть Ее Атрибуты. Порой Красота обращается в Величие, либо Величие — в Красоту. Так, дьявол первоначально имел истоком Красоту, а уже после стал сопричастен Величию. Итак, Атрибуты изменчивы, Сущность же — преславна Она в возвышена! — по свяности Своей превыше изменчивости.

Так, вода рождает волны, волны бесконечно изменчивы, вода же остается неизменной, она всегда прозрачна и чиста, не имеет формы и цвета. Все формы и всякий цвет берут начало в Атрибутах Величия и Красоты.

Суфии спрашивают богословов: «Господь сотворил одних верующими в Него, и Он же создал других неверными; отчего Он не сотворил их всех одинаковыми? Затем Он даровал верующим веру и постижение, неверным — неверие и многобожие и определил в удел верным рай, а неверным — ад, где и те и другие пребудут во веки веков. Его называют Справедливым, так отчего же Его дела таковы?» Богословы отвечают на это: «Ибо Он вершит все, что пожелает». Суфии говорят: «Если Он вершит все, что пожелает, то Он — притеснитель, ибо, если мог создать неверных верными, зачем сотворил их неверными, а сотворив таковыми, безжалостно вверг в ад во веки веков. Как же называют Его Справедливым?»

Богословы отвечают: «Это можно понять по аналогии с тем, как поступает хозяин козьего стада. Часть коз он забивает и свежует, а мясо их варит либо жарит на огне, насадив на вертел. Козы принадлежат ему, а не кому-то другому. Если бы он забил чужих коз, то был бы притеснителем, но, коль скоро своих, — не может быть так назван».

Суфии говорят: «А теперь послушайте наше толкование. Сущность Господа вечна. Изначальные потенции всяческой твари, пребывающие в Его Знании, также вечны. Все, что творит Аллах — преславен Он и возвышен! — Он творит в согласии со свойствами потенций. Потенции верующих имеют исток в Красоте, потенции неверных — в Величии. А так как Красота есть образ Милосердного, а Величие — образ Неодолимого, то Аллах — преславен Он и возвышен! — верша дела свои, из имени Милосердный создал непреклонных в вере, а из имени Неодолимый — одолеваемых неверием, ибо Его именуют также Подателем Стойкости и Приводящим к Покорности. И Он ввел верующих в рай и вверг неверных в ад согласно их изначальным потенциям, ибо рай имеет истоком Милосердного, а ад — Неодолимого. Так он вернул каждого к его первоначалу».

Что до людей, ангелов и джиннов, то Всевышний повелел им всем поклоняться Ему, и они воистину Ему поклоняются, однако помочь и

действие, сила и любовь исходят лишь от Него. Так что, когда он видит тех, чьи изначальные потенции имеют исток в вере и Именах Милосердный и Податель Стойкости, Он повелевает им поклоняться. После же того, как они совершают дела поклонения, вводит их в рай. Неверным же Он даст силы творить грех и противиться вере и ожесточает их души, так что они не вмещают веры. Он видит, что изначальные потенции неверных имеют исток в Именах Неодолимый и Приводящий к Покорности. И он повелевает им грешить, а затем ввергает в ад. Вот что следует разуметь под Его Справедливостью: Он не может быть назван притеснителем, ибо не изменяет чей-либо удел.

Истинно сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Ни одна пылинка не сдвинется с места иначе, как по воле Аллаха».

И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Благое и дурное от Всеышнего».

Однако все, восходя к Нему, становится сущим в согласии с изначальными потенциями Объектов Знания, заключенных в Его знании, ибо потенции Объектов Знания суть разнообразные виды Предрасположенности Его Сущности. Сама же Сущность чужда разнообразию — Ее святость возвышенней всякой предрасположенности и превосходит доступное для понимания.

Богословы говорят: «Если это так, то тщетны Его Воля и Могущество, ибо сущее становится тем, что оно есть, само по себе, в силу закона изначальных потенций, а не благодаря Воле и Могуществу». Суфии отвечают на это: «Воля и Могущество — сущие всегда, их Бытиеечно, однако Воля и Могущество действуют в согласии с потенциальностью Объектов Знания, ибо Объекты Знания — это виды Предрасположенности Его Субстанции. Если Он подвергнет изменению эти виды предрасположенности, исчезнет Его Величие, а Оно — не что иное, как Его неизменное Совершенство. Итак, если Он подвергнет изменению Свое Величие, то не будет Совершенен».

Это можно понять по аналогии с тем, как поступает человек прекрасной наружности. Побуждаемый волей и могуществом, он кое-что изменяет в своей красоте — подводит брови, придает наилучшую форму носу и линии губ, однако совершает все это в согласии с мудростью. Действуя же иначе, чем в согласии с мудростью, он лишился бы своего совершенства.

Другую аналогию представляют умозаключения государя, наделенного столь совершенным могуществом, что он властен над всяким превращением: слонов может обратить в лошадей, а лошадей — в слонов, коз обратить в собак, а собак — в коз. Однако государь добровольно не совершает тех превращений, ибо иначе он лишился бы своего совершенства, признав, что существовавшее прежде еще не было совершенным и что лишь сейчас он пожелал наделить его совершенством и величием. Да будет ведомо!

Нам же предписана вера в различные виды Его Предрасположенности, в Его Атрибуты и Дела и во все, что свидетельствует о Нем, как-то: рай и ад, страдания в могиле и адские муки, а также ответ в Судный

день. И, хотя все это не обладает истинным бытием, надлежит в это веровать, а тот, кто уклоняется от такой веры, причастен Атрибутам Величия и Имени Неодолимый, обретает кару свою и становится неверным — спаси Господи от такого удела! Тот же, кто несет такую веру в себе, — правоверный. Он причастен Красоте, и Милосердию, и Подателю Стойкости. А Аллах знает лучше!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: в изъяснение любви и благодарности

Знай, что среди всех благородных степеней нет более возвышенной, чем степень любви, ибо ее нельзя достичь иначе, как по благодати Всеизыншего. А влюбленного узнаешь по тому, что он не страшится смерти. Если же страшится, то воистину не влюблен, ибо влюбленный жаждет смерти. Как сказал Посланник Божий — да пребудут с ним благословение Господа и мир, «тот, кто умер от любви, воистину удостоился мученического венца».

И еще сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Тот, кто возлюбил, и любил всеми силами души, и умер от любви, воистину удостоился мученического венца».

А суфии говорят: «Любовь — противник разума». Ибо разум стремится к жизни, любовь — к смерти; разум стремится к стяжанию богатств, любовь — к расточению их; разум стремится к сану владыки и визира, любовь — к уделу нищего; разум стремится к телесной крепости, любовь — к немощи; разум стремится к славе, любовь — к унижению; разум стремится к сытости, любовь — к голоду; разум стремится к возвышению, любовь — к уничижению. Поэтому суфии и говорят: «Любовь — противник разума».

Так, если некто захочет сразиться с сотней врагов, Разум скажет: «Не выходи на бой, ты одинок, а враги многочисленны. Как ты сумеешь их одолеть?» Любовь же скажет: «Хоть ты и одинок, не бойся». Как говорит Всеизынший, «и когда придет их предел, то они не замедлят ни на час и не ускорятся».

А желают смерти влюбленные потому, что сказал Посланник — да пребудут с ним благословение Господа и мир: «Умри до смерти».

И еще говорит Всеизынший: «Скажи, Мухаммад: „Если будущее жилище у Аллаха для вас исключительно, помимо людей, то пожелайте смерти, если вы правдивы!”»

Однако под словом «смерть» не следует понимать самоубийство оружием либо ядом. Умереть — значит всецело предаться Всеизыншему посредством отъединенности и уединенности, которые суть отречение и отлучение. Под первым разумеют отречение от дома и богатств, от дружбы с государями и визирами; под вторым — отлучение себя от общества людей. Итак, отречение есть отъединенность от своего «я», а отлучение — уединенность с Господом или — иначе они суть отвержение своего «я» и утверждение Господа. Таково значение слов: «Нет Бога, кроме Бога, у которого нет сотоварища», ибо под «сотоварищем» Господа — преславен он и возвышен! — разумеется человеческое «я».

Если же человек отъединит свое «я», то уединится, иными словами, когда отъединит «сотоварища», пребудет с Ним в уединении. А достигший уединения стяжает имя влюбленного и опьяненного, ибо влюбленный отрекается от своего «я».

И тогда он не страшится тигров, которых страшится разумный, не страшится ни слонов, ни змей, ни пламени. Разумный же всего этого страшится. Поэтому суфии и говорят: «Любовь — противник разума». И влюбленного не ужасает ад и не влечет к себе рай, ибо он стремится лишь к Господу. Всякий, кто наделен такими свойствами, без сомнения, — влюбленный, всякий иной — влюблен в рисовую кашу, но не во Всевышнего.

И влюбленный, когда не в силах более скрывать тайну своей любви, восклицает, подобно Маулане Руми: «Я — Аллах! Я — Аллах! Я — Аллах!»

Эти слова рождает опьянение, а не низменная страсть, и о том же говорил Шейх Мансур аль-Халладж: «Я — Истинный!»

Нам не следует повторять подобные слова, если мы не достигли состояния сраженных любовью. Если же мы воистину влюблены и опьяны и не в силах более скрыть свою тайну, то они не вменяются нам в грех. Да будет ведомо!

Автопортрет Хамзы-суфия

Хотя Хамза величья лишен,
Но сутью к Сущности причащен,
Хотя грубая пена по форме он,
Един с Океаном, что Утончен.

Узнай, что под словами «Хотя Хамза величья лишен» — разумеется следующее: хотя он и ничтожен, но твердо убежден в том, что говорит, и не суесловит, хотя немощен в [исполнении] всякого дела, как-то: подвижничество и поклонение, затворничество, самоограничение и отвержение мира. А сверх того не искушен в познании и постижении. Как говорит Всевышний, «даровано вам знания, только немного». Да и как быть совершенным его постижению, если даже Посланник Божий сказал: «Преславен Ты, мне не постычь Тебя истинным постижением!» Тем более нам, которым не превзойти в постижении Посланника. Однако в меру благодати, дарованной Всевышним, мы взыскуем Его и высказываемся о Нем то по откровению откровений, то по Его Проявлению и Делам, Именам и Атрибутам. Другое истолкование ничтожества Хамзы в том, что он лишен бытия. Если же лишен его, то не имеет также ни атрибутов, ни дел, а это и значит — ничтожен. Узнай, что под словами: «Но сутью к Сущности причащен» — разумеется следующее: хотя он и ничтожен, его истинная суть неотделима от Преславной Сущности, ибо именно Она — Владычица его движения и покоя, благодаря Ей он сидит и стоит, спит и бодрствует, останавливается и идет. Имен-

но Она побуждает его к действию и дает возможность совершить действие. Если бы Она не побуждала Хамзу и действию, он не мог бы действовать, ибо Хамза подобен тени. Если бы Владыка тени не привел его в движение, как мог бы Хамза двинуться с места?

Другую аналогию представляют шахматные фигуры. Все они имеют началом древесину единого ствола, из которой затем вырезают разнообразные фигуры, получающие название король и ферзь, слон и конь, ладья и пешка. Так из одного куска древесины возникает множество фигур. Когда же во время игры говорят: король или ферзь, или слон, или конь, или ладья, или пешка, то это — лишь имена, а не истинная суть фигур. Однако фигуры близки тому, кто их вырезал и ими играет, ибо его рука постоянно прикасается к ним, и фигуры движутся лишь благодаря движению руки игрока. Таково значение стиха: «Но сутью к Сущности причащен».

Узнай, что под словами: «Хоть грубая пена по форме он» — разумеется следующее: пена — это пузырящаяся водяная масса, грубая по форме, однако, поскольку пена имеет своим началом воду, то по сути она — нечто утонченное. Лишь на поверхности океана пена становится грубой, поэтому ее отличают от воды только метафорически — ведь вода утончена, а пена грубы. В своей истинной сущности пена не отличается от воды. О пene говорят, что она груба, поскольку форма и имя у нее иные, чем у воды, однако в своей истинной сущности она не имеет ни формы, ни бытия, и имя ее также иллюзорно, а не реально, ибо пена постоянно вновь исчезает в воде. Таким образом, коль скоро Хамза — «пена», то могущество и воля, служ и зрение, разум и постижение, которые мы у него усматриваем, имеют началом не его самого, но «воду». Таково значение стиха: «Хоть грубая пена по форме он».

Узнай, что под словами: «Един с Океаном, что Утончен» — разумеется следующее: утонченный — значит тонкий по сути; пена пребывает в постоянном единении с водой, ибо пена — нечто грубое, вода — утонченное. Когда пузырьки пены лопаются, она вновь возвращается в воду. Поэтому говорят, что пена едина с водой.

Согласно одному из мнений, бытующих у суфииев, единения не существует. Хотя и принято прибегать к слову единение, однако оно — не более чем метафора. С точки зрения истинной сущности нельзя называть единением отношение между вещью и ее предрасположенностью. Такое отношение не есть единение. К метафоре «единение» прибегают лишь для того, чтобы взыскивающие могли понять суть данного состояния; без этой метафоры было бы совершенно невозможно ни назвать его, ни познать, ни постичь.

Итак, достигнув совершенства, познай и постигни суть единения, после же исполняй дела Закона, и да не выйдешь ты за его ограду! Ибо Закон подобен оболочке, Истина — мозгу, мозг без оболочки гибнет. Другую аналогию представляет кокосовый орех, обладающий кожурой и скорлупой, мякотью и маслом. Закон подобен его кожуре, Путь — скорлупе, Истина — мякоти, Постижение — маслу.

Благодаря этим четырем частям кокосовый орех совершенен, без любой же из них — несовершенен, и, если посадить его в землю без ко-

журы, он не взойдет и конце концов погибнет. Точно так же и тот, кто взыскиует Господа — преславен Он и возвышен! — пусть нерасторжимо соединит Закон, Путь, Истину и Постижение — и тогда станет совершенным. Если же отторгнет от себя Закон, попадет в число заблудших, тогда, пусть он даже наделен умением летать по воздуху, либо ходить по воде, либо пожирать огонь, — все это лишь обманчивые чары и блуждание по ложным путям. Он не свят, и потому чудеса его суть не чудеса, но прелесть, внущенная дьяволом, — либо джинном, либо чарами, либо гневом Всевышнего, ниспосланного с тем, чтобы он, введенный теми чудесами в заблуждение, полагал, что достиг единения с Господом.

Богословы полагают, что праведники, исполняющие Закон, совершают чудеса по благодати Всевышнего и что пророки творят чудо красноречия, а святые — чудо благородства. Оба вида чудес не являются грехом либо завесой, скрывающей Лиц Господа.

Суфии же и влюбленные считают чудеса завесой и оковами и называют их «месячными мужей», ибо чудеса чреваты множеством опасностей, которых мало кому удалось избегнуть.

Учение о Пути принадлежит пророку Мухаммаду, Посланнику Божию — да пребудут с ним благословение Господа и мир! Тот, кто к нему прибегает, но не следует в своих поступках делам пророка Мухаммада — да пребудут с ним благословение Господа и мир — впадает в заблуждение: он не суфий. Однако не беда, если что-либо нарушит тот, чье постижение совершенно, — ибо оно есть постижение Господа его — когда он опьянен, самоотречен и не сознает более ни Закона, ни Пути, ни Истины, ни Постижения. Ведь для него тогда все — повеление Божие, и он подобен приближенному рабу султана, живвшему вместе с ним во дворце: что бы ни совершил такой раб, султан никогда не гневается на него. Те же, кто следя делам пророка Мухаммада, Посланника Божия — да пребудут с ним благословение Господа и мир! — придерживаются Закона и Пути, Истины и Постижения, подобны главному везиру, неизменно исполняющему повеления султана. Хотя главный везир и не столь приближен к государю, как тот раб, живущий во дворце, по сану он выше него, ибо выступает государевым наместником и вершит его дела.

Хотя мы не видим, чтобы те, кто придерживается Закона и Пути, Истины и Постижения, являли чудеса вовне, они пребывают в них сокровенно. Не следует умалять Закона, ибо Всевышний именуется как Явленным, так и Сокровенным. Явленное в Нем — Закон, Сокровенное — Истина. Для большинства людей Закон есть нечто отличное от Истины, для суфьев же Закон и Истина тождественны. Закон сокрыт в Истине, Истина воплощена в Законе. Тот, кто достиг единения с Законом, достиг его и с Путем; тот, кто достиг единения с Путем, достиг его и с Истиной; тот, кто достиг единения с Истиной, достиг его и с Постижением. А Аллах знает лучше!

ДЖАМАЛУДДИН КАЗИ-КУМУХСКИЙ

Шейх Джамалуддин Кази-Кумухский (кон. XVIII — 1-я пол. XIX в.) — один из известнейших духовных лидеров Дагестана, сейид (прямой потомок пророка Мухаммада). Считался самым талантливым и образованным суфийским наставником своего времени на Северном Кавказе. Был сторонником мирного решения политических проблем мусульман этого региона.

Обязанности мюридов

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть много путей (тарикат) ислама, но главных, более известных из них, считается четыре.

Первый путь из этих четырех есть тот, который начинается от старшего халифа, Абубекира. Сам же он принял его от посла Аллаха, а Мухаммад получил его от Всеевшнего Аллаха. Путь сей называется накшбандийским, потому что он принадлежит Мухаммаду Накшбандийскому. Второй путь идет от второго халифа, Омара, который принял его от Пророка, а сей последний от Аллаха. Сей путь называется надиритским, т. е. принадлежащим центру святых и образцу несомненной чистоты благородному шейху Абдуль-Кадиру Гиланскому. Третий путь происходит от третьего халифа, Османа, — обладателя превосходства веры и зятя Пророка. Путь сей называется джаштурийским. Четвертый путь происходит от четвертого халифа, льва Аллаха и победителя — Али, мужа дочери пророка и сына дяди его, Абуалиба. Али принял этот путь от Пророка, а сей от самого Аллаха. Путь сей называется великим путем. Таким образом, Пророк Аллаха есть главный источник всех четырех путей; но из них самым известным сделался накшбандийский, и в особенности этот вид тариката известен в Дагестане и в соседстве его.

Накшбандийский тарикат означает постоянное занятие лучшими молитвами, т. е. воспоминанием Аллаха. Первые условия этого пути суть следующие: вступающий на него обязан прежде всего вполне повиноваться ниспосланной Книге и последовать Пророку, укрепить свои убеждения, согласно с мнением последователей Пророка, искренно раскаяться в грехах, потом удовлетворить все обиды, просить прощения у обиженных, служить неуклонно на путях Мухаммада, строго исполнять шариатские постановления, стараться удалять себя от всего противного Аллаху и от всех дурных и низких поступков, происходящих от искушений эгоизма, считать все, что делает, для себя обязательным и не оставлять ничего без важной к тому причины, смотреть на дозволение отступиться от обязанностей как на запрещенное, и не делать этого без особенной нужды, придерживаться во всех делах самого основательного, украшаться хорошими и похвальными нравами, отказываться от лишней еды, от лишнего сна и разговора, не есть ничего непозволительно го, постоянно нуждаться в Аллахе, с полным самоуничижением прибегать к Нему во всех делах и обстоятельствах, извергнуть из себя страсть к сему обманчивому дому (вселенной) и быть довольным судьбою. Кто усвоит себе эти качества, тот дойдет до места присутствия Аллаха.

ОБРАЗ ТОГО, КАК ШЕЙХ ПРИНИМАЕТ ОБЕТ (АХД) ОТ СВОЕГО УЧЕНИКА (МЮРИДА) И КАК ОН ДЕЛАЕТ ЕМУ ВНУШЕНИЕ (ТАЛКИН) ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ПОСЛЕДНЕГО В ТАРИКАТ

Слово обет (ахд), по шариату, означает — обязать себя исполнить какое-нибудь богоугодное и религиозное дело, подобно тому, например, как жители города Медины обязали себя охранять пророка Мухаммада от всего того, от чего они охраняли своих жен и детей.

Внушение (талкин) означает — привязать какие-либо сердца друг к другу, пока дойдут они до самого посла Аллаха и от него к самому Господу Богу. Последнее есть самая цель вышеобозначенной цепи тариката накшбандийского.

Накшбандийские шейхи, по возможности, собирают к себе учеников и принимают от них обеты. Сначала ученик должен сесть перед шейхом в совершенной чистоте. Потом шейх кладет свою руку в руки ученика и говорит ему: «Я делаю ахд, во имя Аллаха, между тобою и мною, на Коране и путях Пророка, — не совершай большого греха и не постарайся в малых. Когда ты впадешь в такую погибель, то поспеши раскаяться и снять с себя грехи. Постоянно исполняй обязательные и постоянно совершая и необязательные, но хорошие молитвы; действуй с твердым намерением; удаляйся от великих отступлений от существенных правил веры, позволительные ли они, или произвольные. Мы все — братья в Аллахе; кто из нас будет спасен в день страшного суда, тот возьмет за руку своего брата. Мы принадлежим к последователям тарикатского имама, убежища народов, господина и красоты веры, Мухаммада-Увайсского-Бухарского-Накшбандийского, и идем по его пути. Ты должен

вспоминать Аллаха постоянно: это есть шлифование сердец и средство к достижению всякого искомого добра».

Потом шейх потребует от него раскаяния во всех грехах и противных веरе действиях, в которых он растратил всю прошедшую жизнь, и при этом оба произнесут по три раза: «Прошу прощения у великого Аллаха, который един, и нет Аллаха кроме него, живого, вечного, и возвращаюсь к Нему». Потом шейх прочтет для благословения следующие стихи Корана: «*Те, которые повинуются тебе* (обращено к Мухаммаду), *повинуются лишь Аллаху. Рука Аллаха выше их рук. Кто нарушит это повиновение, тот нарушит его во вред себе, а кто исполнит то, к чему Аллах его обязал, тот получит великую награду*». Потом оба кладут свои руки на колени, закрывают глаза, и шейх вспомнит три раза имя Аллаха с намерением внушить его сердцу ученика, а ученик также вспомнит сердцем то же самое три раза; потом поднимают вверх руки и шейх читает молитву, а ученик говорит «аминь». По окончании молитвы, оба обтирают лицо руками; потом ученик целует колени своего шейха, встает и, по дозволению его, уходит и занимается тем, что шейх ему прикажет. Он должен сохранить навсегда свои отношения к шейху и исполнять обет ненарушимо до смерти.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА УЧТИВОСТИ УЧЕНИКА (МЮРИДА) В ОТНОШЕНИИ К СВОЕМУ ШЕЙХУ

Знай, что тому, кто вступает в сообщество шейхов, необходимо соблюдать в отношении их должные правила учтивости и почитания, потому что шейхи суть собеседники Аллаха и сообщество с ними есть то же, что сообщество с Аллахом, а соблюдение правил учтивости в отношении к Аллаху есть непременный долг человека во всякое время. Пророк Аллаха сказал: «Кто пожелает сесть с Аллахом — пусть сидит с людьми Аллаха». Поэтому нужно соблюдать правила учтивости, а кто их не будет соблюдать, тот отклонится от прямой дороги. Джунайд Багдадский сказал, да очистит Аллах его тайну: «Кто подсядет к этой толпе, т. е. тарикатистам, и не будет оказывать им должного уважения, — от того отходит вера и губит его Аллах гневом Своим». В книге Пророка сказано: «Кто не почтит своего учителя, тот подвергается от Аллаха трем гибельным несчастьям: первое — язык его не повернется при смерти на свидетельствование единства Аллаха; второе — обеднеет в течение своей жизни, и наконец — забудет все, что знал».

Правила учтивости состоят в следующем.

Ученик (мюрид) должен совершить омовение, прежде чем вступить в сообщество шейха (учителя), — потому что чистота служит проводником понимания и увеличивает его; раскаяться во всех своих грехах; очистить сердце от всякого рода познания и образа предметов; не входить к шейху без спроса и тогда войти с самоуничижением, с поникшими головами; поклониться ему сердцем, а не языком, поцеловать его правую руку и, отошедши задом, стоять около дверей до тех пор, пока шейх не позволит ему сесть и не укажет места; не наступать на коврик шейха во время целования его руки, а поднять его и подойти на коленях; не

допускать в сердце мирских мыслей в присутствии шейха, потому что они отражаются в сердце шейха и могут вредить ему; не думать о том, чтобы уйти от него самовольно; не начинать разговора без позволения шейха; не возвышать голоса при разговоре, а говорить так, чтобы слышал только шейх; не смотреть долго в лицо шейха, потому что это противно учтивости и уменьшает величие шейха в сердце его, и тем может прекращать его вдохновение: ученик должен быть как вор перед строгим царем; не изменить своего чувства к шейху, если бы он ему сказал грубое слово или унизил его перед товарищами; не упрекать шейха за противовариатские действия; если же чего не поймет, пусть скажет: «он лучше меня знает» и пусть вспомнит повесть Пророка о Хизре и Моисее; не противится никогда приказанию шейха, хотя бы он приказал ему броситься в огонь, — потому что от ослушания своему шейху происходит несчастье; не опровергать суждений шейха, хотя бы он сам был прав, потому что это есть нарушение обета; не говорить ему «почему?» или «зачем?», потому что это есть упрек; быть убежденным в том, что шейх принадлежит к святым Аллаха и что он охранен от сопротивных ему; не полагать, что он огражден от грехов, потому что и святой может согрешить; быть убежденным в том, что его шейх есть самый выский из шейхов, а путь его выше всех путей, потому что, если ученик не убежден в этом, то ему может понравиться другой шейх и он может предпочесть путь его, и тогда прекратится вдохновение от прежнего шейха; не вращаться много около шейха; не входить в его сообщество, если этого не требуют правила вступления в тарикат; не сидеть долго у шейха, потому что это может уменьшить любовь и величие шейха в его глазах, и тогда прекратится вдохновение; не скрывать от шейха ничего из своих видений и обстоятельств, потому что это препятствует достижению цели; если ему что-нибудь откроется из тайн его шейха — не обнаруживать этого никому, хотя бы его живого распилили на части, и когда он захочет выйти от шейха, то должен просить позволения его, а когда шейх позволит, должен поцеловать ему руку и колено, а потом выйти, отступая назад и не поворачиваясь к нему спиной до тех пор, пока какой-нибудь предмет не скроет его от шейха.

Кто строго и точно будет соблюдать эти правила учтивости, тот воспользуется сообществом, которое доведет его до Аллаха; в противном случае все его стремления и самое поступление в сообщество шейхов навлекут на него гнев Аллаха и заблуждения.

О ПОЛЬЗЕ ЛЮБВИ И НЕОБХОДИМОСТИ ЕЕ ДЛЯ МИРИДА

Главное условие этого высокого тариката составляет любовь, потому что самоё значение этого тариката, а именно — постоянное рабство, сопряженное с самопожертвованием и уничижением себя, внушается любовью.

Абубекр получил первенство от Пророка в этом тарикате собственно силою тяготения любви, а потом передача его пошла и к другим шейхам тоже через любовь, и потому тарикат сей называется «тарикат-

джабза», т. е. чувствов передательный. Потому что тяготение чувства есть причина относить его к отдельной личности. Если любви не существует, тогда не будет и тяготения чувства, а без этого нельзя относить его к кому-нибудь отдельно. Любовь, по своему свойству, удаляет от мюрида его состояние и он уничтожается в своего шейха, т. е. любовь сливает мюрида с его шейхом так, что никакое желание или мысль не могут явиться в мюриде без воли шейха; тогда любовь втягивает все, что находится в шейхе (т. е. Богопознание и Богосозерцание), в мюрида, и мюрид делается копией своего шейха. Потому что любовь, как магнит, притягивает все качества любимого к любящему, так что каждый из них делается совершенно как другой. Но такая любовь не подходит под категорию приобретаемых [качеств], так как она есть особенный дар Аллаха, которым Аллах награждает кого захочет из своих рабов. Обязывать кого-либо приобрести ее нельзя, потому что принуждение может повлечь за собою отвращение и неприязнь. Шейх Сиры Сактинский сказал: «Любовь не совершится между двумя личностями до тех пор, пока один другому не скажет: я есть ты». Для мюрида необходимо любить своего шейха, который делается посредником между ним и Аллахом, для созерцания Его. Потому что шейх есть зеркало, в котором отражаются истина и лицо Аллаха. Когда мюрид полюбит своего шейха, тогда в нем являются означенные качества и он сам начинает созерцать Господа Бога без посредничества шейха и делается совершенно как шейх, во всех его качествах. Одним словом, мюрид приближается к шейху сообразно степени любви, и этой любви достаточно для достижения Аллаха. Поэтому любовь этой партии последователей тариката есть сущая истина.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ЭТОГО ПУТИ (ТАРИКАТА), КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН СОБЛЮДАТЬ МЮРИД

Вступающий на этот путь должен охранять сердце свое от забытья так, чтобы сердце его постоянно было с Аллахом, при всяком дыхании. Охранение бдительности дыхания приводит сердце к ощущению Аллаха в жизни. Потому что каждое дыхание, входящее и исходящее с воспоминанием Аллаха, дает жизнь, приводящую в присутствие Аллаха, а каждое дыхание, входящее и исходящее при забытьи, есть дыхание мертвое, прерывающее общение с Аллахом. Но постоянно охранять дыхание от забытья весьма трудно для нововступающих в тарикат. Поэтому, когда является хотя малейшее забытье, они должны просить у Аллаха прощения, т. е. говорить: «прости, Господи», потому что это очищает дыхание и направляет его к добруму. Во время хождения мюрид должен смотреть вперед, на свои ноги, и не оглядываться вокруг себя, чтобы образы различных предметов не нарисовались в его памяти и не послужили сердцу покровом (вуалью). Ибо, по большей части, образы предметов, которые рисуются в сердце, служат для него вуалью потому собственно, что чистые сердца похожи на зеркала и в них отражаются все злые и дурные качества и мысли от грубых сердец, по одному только взгляду на лицо другого. Хождение мюрида должно быть от твари к

Творцу, как сказал Авраам: «Я иду к своему Богу», — а не из города в город. Такое путешествие называется внутренним путешествием. Мудрый шейх Тирмизский не давал мюридам путешествовать внешним образом и говорил: «Ключ всякого добра и ключ всякого благословения есть терпение на месте желания, пока тебе не дана будет воля, — и тогда в тебе обнаружится начала благословения и ты пойдешь к Аллаху, будешь ли идти внешне куда-нибудь или не будешь идти — все равно». Шейх Абубекр-Дакак сказал: «Несчастья мюрида заключаются в трех действиях: в женитьбе, в изучении юридических книг, в которых нет надобности, и в путешествии прежде самоусовершенствования». Сердце вступившего на этот путь должно постоянно находиться в присутствии Аллаха и, находясь внешне между людьми, удаляться от всего мира: это называется муракаба.

Знай, что уединение (халват) бывает двоякое: натуральное, или наружное, и внутреннее, т. е. в созерцании тайн истины (Аллаха). Первое, т. е. наружное уединение, совершается по отношению к людям — для того, чтобы мир не отвлекал мюрида от внутреннего созерцания: через это он делается существом, удалившимся от всего. Внутреннее же уединение есть настоящее уединение, и оно принадлежит исключительно к накшбандийскому тарикату. Потому что последователи его не удаляются внешне, а только внутренне, как сказал господин Багаудди Накшбандийский: «Тарикат наш состоит в товариществе и в добром союзе».

Мюрид, для достижения им степени муракаба, должен произносить языком положительно-отрицательное изречение: «нет Аллаха, кроме одного Аллаха» известное число раз в сутки, как-то: по 5000 или по 10000 раз и так далее. Потому что сердце, будучи в совокупности с составными частями тела, подвергается ржавчине атомов. Когда же язык произносит это положительно-отрицательное изречение, оно очищается от ржавчины и достигает, в состоянии бледния, степени Богосозерцания.

В время произношения положительно-отрицательного изречения мюрид должен обратить свои мысли к следующим высоким словам: «Аллах, ты составляешь предмет моего стремления и угодить Тебе — вот мое желание». Потому что эти слова утверждают значение положительно-отрицательного изречения и передают сердцу вспоминающего тайну настоящего единства Аллаха, так что во взорах его уничтожается существование всего мира и обнаруживается только одно существование единого Аллаха.

Во время воспоминания мюрид должен сохранять свое сердце в точном понимании значения положительно-отрицательного изречения; потому что, если сердце не будет исключительно занято значением оного, тогда в нем могут являться посторонние мысли; если же другие мысли появятся, тогда сердце не достигнет цели воспоминаний, а именно — сообщества своего с воспоминаемым предметом. Охранение сердца от посторонних мыслей, хотя бы на один час, есть великое дело у людей тариката, и при этом должно держать в своем сердце, во время воспоминания, присутствие вспоминаемого (Аллаха) с притаенным дыханием. Некоторые полагают, что мюрид должен сохранять сердце в присутствии Аллаха постоянно и во всякое время; но это то же, что муракаба.

Мюрид должен останавливаться в свое время и знать, какой момент прошел с присутствием Аллаха и какой в забвении. Когда является забвение, он должен отстранить его, сказав: «прости, Боже», и, возвратив мысли к Аллаху, должен остановиться на Нем. Кто не разбирает таким образом своего времени и не исполняет своей обязанности относительно воспоминания Аллаха и совершения молитв, жизнь такого человека делается ничтожной и погибающей в грехах и забвении. К числу высших качеств принадлежит подобное знание моментов времени и охранение их от всего противного Аллаху, а также постоянство в совершении молитв.

Во время воспоминания мюрид должен еще произносить положительно-отрицательное изречение, задержав дыхание, нечетное число раз, как-то: три, пять, семь раз и т. д. до двадцати одного, в течении каждого дыхания. Когда он дойдет до того, что может произнести в одно дыхание означенное нечетное число раз, тогда должен посмотреть на результат: если достигнет чего-нибудь, то хорошо; если же ничего не выйдет, т. е. не почувствует в себе перемены состояния, то это происходит от какого-либо отступления от этих правил. Тогда мюрид пусть снова начнет и постарается строго соблюсти все вышеуказанные правила.

Совершенно так же вступивший на этот путь должен наблюдать за сердцем во время воспоминания, чтобы отвратить от него забвение и посторонние мысли. Потому что сердце, пока в нем существует какая-нибудь мысль, не может явиться к воспоминаемому (Аллаху), даже если вспоминать Аллаха целую жизнь. А когда мюрид наблюдает за сердцем и устремляет его совершенно к Единому, тогда в нем совершается уничтожение себя в Аллахе, т. е. он приходит в такое состояние, что не чувствует ни своего существования, ни существования другого чего-либо, кроме только Творца — и когда он достигнет этой степени, тогда дело кончено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О ПОЛЬЗЕ СООБЩЕСТВА С ШЕЙХАМИ, О ЛЮБВИ И ПОЧИТАНИИ ИХ

Знай, что сообщество с шейхами во всех высоких тарикатах есть самостоятельное средство для достижения высшей степени. Потому что достижение созерцания Творца во всех путях зависит от сообщества с совершенными шейхами и от наставлений достигших Аллаха учителей. Шейх, в полном значении этого слова, доводит своего ученика до степени совершенства одним своим сообществом, и открывает ему свет и красоту Всевышнего, и обнаруживает ему тайны достижения Аллаха, не прибегая к другим средствам, как-то: к частому воспоминанию Аллаха, задержанию себя в *рияze* и учащению молитв. Рияза, без совета шейха и сообщества с ним, а также без связи с ним (рабита), не производит ничего, кроме недоразумения. То, что мюрид находит в любви шейха в одно мгновение, не может он найти в чтении тысячи книг и в уединении на тысячу лет. Потому что совершенный шейх распоряжается своим мюридом одною дружбою и доводит его до степени Богосозерцания, че-

го невозможно достигнуть каким-либо другим путем, кроме дружбы с шейхами.

Знай, что дружба с совершенным шейхом со всеми ее условиями, а именно: любовью, преданностью, присутствием сердца, убеждением, самопожертвованием, самоуничтожением, выбором и послушанием, достаточна для отражения присутствия света Аллаха в сердцах искателей и для украшения их тем светом.

Связь чувства (рабита), также как и сообщество с шейхами, достаточна для достижения отражательности и красоты сердца, хотя бы и вдалеке от шейха. Потому что рабита поставляет мюрида в покровительство шейха, который охраняет его от всего противного во всяком положении, так что он исчезает в образе шейха, отстает от своей воли и существует волею шейха. Тогда нисходит в сердце его свет Аллаха посредством шейха, и мюрид остается, таким образом, с шейхом своим, пока не достигнет до степени самостоятельности и пока в сердце его не будет отражаться свет Аллаха прямо, без посредничества шейха. Поэтому некоторые богоvedы сказали: «Введи шейха в свое сердце и водвори его там и не выводи его оттуда, пока ты сам не сделаешься богознателем посредством его, потому что шейхи суть источники вдохновения от Аллаха, а кто вводит в сердце этот источник, тот достигнет и до степени вдохновения».

Следовательно, рабита, где бы ее ни совершать, для вступающего на сей путь, гораздо полезнее воспоминания и охранения сердца.

Основные даты жизни и творчества Джалаладдина Руми

1207 — в Балхе в семье мусульманского богослова Баха ад-дина Мухаммада Ал-Балхи (1148–1231) родился Джалаладдин Руми. Ок. 1215 (или 1220) семья Руми покинула Балх.

1221 — прибытие семьи Руми в Малую Азию.

1225 — женитьба Джалаладдина на Гаухер-хатун, дочери самаркандского купца.

1226 — рождение сына Руми Султан Веледа (1226–1312). Султан Велед стал суфием и поэтом, основоположником турецкой классической поэзии. Ему принадлежит поэтическая трилогия «Велед-наме», написанная на персидском, турецком и греческом языках и содержащая биографии его деда и отца. Султан Веледа считают фактическим основателем братства маулавия, поскольку именно он разработал организационную структуру, создал четкую систему ритуальной практики и т. д.

1228 — семья Руми поселяется в Конье.

1231 — смерть отца Руми Баха ад-дина.

1232–39 (или 1237) — учеба Руми в Сирии.

1240 — основание братства маулавия.

1244 — знакомство Руми с Шамс ад-дином Табризи.

1247 — исчезновение Шамс ад-дина.

1249 — назначение Салах ад-дина Заркуба заместителем шейха маулавия.

1258 — смерть Салах ад-дина; его место занимает Хусам ад-дин (умер в 1284), сын главы общины ремесленников ахи.

1264 — Хусам ад-дин становится руководителем братства маулавия.

1272 — завершена авторская редакция «Маснави».

1273 — смерть Джалаладдина Руми.

1284 — сын Джалаладдина Руми Султан Велед возглавил братство маулавия; руководство братством становится наследственным. Вскоре

маулавия приобрело значительное влияние в Турции и сопредельных странах; главное текке братства находилось в Конье. Обители маулавия были созданы в Каире, Дамаске, Халебе, Иерусалиме, Багдаде, затем в Азербайджане и на Кипре.

1722 — в Петербурге издана книга Д. Кантемира «Книга системы, или состояния мухаммеданской религии», в которой впервые в России упоминается о Руми и маулавии.

1925 — братство маулавия распущено в Турции, его главное текке перенесено в Халеб (Сирия). В настоящее время обители братства продолжают действовать и в Турции.

Краткий пояснительный словарь

Адам — согласно Библии и Корану, первый человек.

Адхам — согласно Корану, конь пророка Ибрахима.

Азраил — ангел смерти.

Алиф — первая буква арабского алфавита, пишется вертикально. Символ единства Бога и стройности человека.

Аят — стих Корана.

Гебр — зороастрец-огнепоклонник, символ «неверного», с точки зрения мусульман.

Гулям — юноша-слуга; наемный воин.

Даль — буква арабского алфавита, символ «кривизны»: согнутого стана, волнистого локона, а также поклонения.

Джебраил — в Коране архангел Гавриил.

Джемшиид — один из древнейших легендарных царей Ирана. Обладатель волшебной чаши, в которой отражалась вся вселенная.

Див — злой дух.

Зуннар — пояс, которым, согласно законам Ислама, должны опоясываться «неверные». Опознавательный знак немусульман.

Иблис — в Коране имя дьявола.

Ибрахим — праотец евреев и арабов, пророк, библейский Авраам.

Имран — пророк и праведник, отец Мусы (Моисея), Гаруна (Аарона) и Мариям. Библейский Амрам.

Инджиль — по-арабски Евангелие.

Иса — в Коране — Иисус Христос.

Исрафил — ангел, который трублением возвестит о начале Страшного суда.

Йазид — второй омейядский халиф (680–683 гг.), которого шииты считают врагом потомков пророка Мухаммада.

Кааба — храм в Мекке, главная святыня мусульман.

- Калам** — тростниковое перо; символ стройности. Часто — в значении «предвечного определения», записанного Аллахом на «хранимой скрижали».
- Кей-Кавус** — прославленный в легендах царь Древнего Ирана.
- Курейшиит** — член арабского племени Курайш, к которому принадлежал пророк Мухаммад.
- Лейла** — легендарная возлюбленная Меджнуна (Кайса), символ само-забвенной экстатической любви.
- Лукман** — упоминаемый в Коране легендарный древний мудрец.
- Лут** — праведник, племянник пророка Ибрахима. Библейский Лот.
- Мариям** — Мария, мать Иисуса Христа, в Коране — праведница и пророчица.
- Меджсун (Кайс)** — герой древнеарабского фольклора, «безумный влюбленный», символ всепоглощающей любви к Аллаху.
- Медресе** — мусульманское духовное училище.
- Муса** — арабская форма имени библейского пророка Моисея. Один из наиболее часто упоминаемых в Коране посланников Аллаха.
- Рэнд (ринд)** — человек, ведущий беспутный образ жизни, гуляка, пьяницы. В суфийской поэзии — символ мистика, «опьяненного» любовью к Аллаху и не заботящегося о нуждах земной жизни.
- Симург** — вешая птица, обитающая на горе Каф, символ всеобъемлющей мудрости.
- Сулейман** — в Коране имя библейского царя Соломона, мудрейшего из людей.
- Терджисибен** — одна из форм поэтических произведений в восточной поэзии: своего рода цикл стихотворений на общую тему с одинаковым рефреном.
- Фа, зад и лам** — буквы арабского алфавита, входящие в имя Фазлулах.
- Хавва** — жена Адама, библейская Ева.
- Хадис** — устное предание о пророке Мухаммаде, передающееся из рода в род по цепочке хранителей преданий.
- Ханака** — суфийская обитель.
- Хашимит** — член арабского племени Хашим, ветви курейшитов. Родственник или потомок пророка Мухаммада.
- Хизр (Хыэр, Хидр)** — легендарный пророк, испивший воду жизни и обретший бессмертие. По преданию, встречается на жизненном пути достойным искателям Истины и наставляет их.
- Хирка (Хырка)** — власяница, одежда суфиев.
- Кумаюн (Гамаюн)** — феникс, мифическая птица счастья. Человек, осененный ее тенью, становится правителем.
- Хусейн** — мученически погибший внук пророка Мухаммада, сын его дочери Фатимы и двоюродного брата и преемника Али (четвертого халифа).
- Эфлатун** — арабизированная форма имени древнегреческого философа Платона.

Редакционно- библиографические замечания

К разделу «Стихи Джалаладдина Руми». Тексты взяты из книг: «Ирано-таджикская поэзия». М., «Худ. лит-ра», 1974 (серия БВЛ); «В поисках скрытого смысла. Суфийский путь любви». М., «Ладомир», 1995.

Авторы стихотворных переводов:

«Я ловчим соколом летел...» — Д. Самойлов.
«О вы, рабы прелестных жен!..» — И. Сельвинский.
«О правоверные, себя...» — Д. Самойлов
«Паломник трудный путь вершит...» — Д. Самойлов
«Вы, взыскивающие Бога...» — Д. Самойлов
«В счастливый миг мы сидели с тобой...» — Е. Дунаевский.
«Всему, что зриш, прообраз есть...» — Д. Самойлов
«Песнь свирели...» — Н. Гребнев.

К разделу «Притчи Джалаладдина Руми». Использованы следующие издания: Джалаладдин Руми. «Поэма о скрытом смысле». М., «Наука», 1986; Руми. «Газели, притчи». Душанбе, «Адиб», 1988.

Авторы стихотворных переводов:

«Притча о воре и больном» — Ашкинадзе
«Притча о мудрости Лукмана» — Ашкинадзе
«Притча о птице и птицелове» — Ашкинадзе
«Притча о змеелове» — Ашкинадзе
«Рассказ об ослице и колючке» — Н. Гребнев
«Пожар» — Н. Гребнев
«О том, как крестьянин гладил льва...» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как некий человек посадил на дороге колючий кустарник» — Н. Гребнев
«Рассказ о старом человеке...» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как сокол уговаривал уток...» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как собака каждую зиму...» — Н. Гребнев

«История о том, как суфий объяснялся в любви... дорожному мешку» — Н. Гребнев
«Рассказ о человеке, который молился во здравие грешников» — Н. Гребнев
«Рассказ о дубильщике кож...» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как некий ученик, прия к своему наставнику, застал того плачущим» — Н. Гребнев
«Притча о муравье, который удовлетворяется одним-единственным зерном» — Н. Гребнев
«Притча о бакалейщике и попугае» — Н. Гребнев
«Рассказ о мастере и косоглазом подмастерье» — Н. Гребнев
«Притча о том, как некий халиф задал вопрос Лейле...» — Н. Гребнев
«Рассказ о царе Сулеймане и уоде» — Н. Гребнев
«Притча о том, как помойная муха...» — Н. Гребнев
«Притча о глупце, который убегал от смерти» — Н. Гребнев
«История о том, как волк и лисица отправились на охоту вместе со львом» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, что произошло на судне между его кормчим и ученым грамматистом» — Н. Гребнев
«Притча о „моем“ и „твоем“» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как спорили румынцы с китайцами» — Н. Гребнев
«Притча о том, как суфии продали осла...» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как некий хозяин выяснял достоинства купленных им рабов» — Н. Гребнев
«Правитель и наставник» — Н. Гребнев
«О том, как некий владелец сада внес разлад между суфием, факихом и потомком Али» — Н. Гребнев
«Рассказ о четырех индостанцах...» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как шакал угодил в бадью с краской...» — Н. Гребнев
«Притча о спорах по поводу облика слона» — Н. Гребнев
«Рассказ о том, как спросили священника, что старше: он или его борода?» — Н. Гребнев

К разделу «Р. Фиш. Отрывок из книги „Джалаладдин Руми“». Текст приводится по изданию: Р. Г. Фиш. «Джалаладдин Руми». М., «Наука», 1987.

К разделу «Ал-Газали». Использованы тексты из издания: Абу Хамид Ал-Газали. «Воскрешение наук о вере». Перевод с арабского В. В. Наумкина. М., «Наука», 1980.

К разделу «Саади». Тексты взяты из книги: Мушрифаддин Саади. «Гулистан». Перевод с фарси Р. Алиева, стихотворные переводы А. Старостина. М., «Худ. лит-ра», 1957.

К разделу «Имадеддин Насими». Тексты заимствованы из издания: Имадеддин Насими. Избранная лирика. т. I. Баку, «Азернешр», 1973.

Авторы стихотворных переводов:

Четверостишия — Н. Гребнев
«В этот мир я не вмешусь» — К. Симонов
«Я Богом сотворен» — Н. Гребнев
«Божественный твой лик» — Н. Гребнев
«Совет врача — лечение для больного» — Н. Гребнев

«Терджибенд (I)» — С. Иванов
«Терджибенд (II)» — С. Иванов

К разделу «Хафиз». Тексты приводятся по изданию: «Ирано-таджикская поэзия». М., «Худ. лит-ра», 1974 (серия БВЛ).

Авторы стихотворных переводов:

«Сердце, воспрянь! Пост прошел, настала весна...» — В. Державин
«О суфий, розу ты сорви, дай в ру比ще шипам вонзиться!...» — С. Липкин
«Эй, проповедник, прочь поди! Мне надоел твой нудный крик...» —
В. Державин
«Мне вечером музыкант — да утешится он...» — К. Липскеров
«Свершая утром намаз, я вспомнил своды бровей...» — А. Кочетков
«Кому удел не плетворный в плетворных столетьях дан?...» —
К. Липскеров

К разделу «Омар Хайам». Тексты заимствованы из книги: «Ирано-таджикская поэзия». М., «Худ. лит-ра», 1974 (серия БВЛ).

Авторы стихотворных переводов:

«Меж твердой верой в Бога и безбожьем — одно меновенье...» — С. Липкин
«Вот снова день исчез, как ветра легкий стон...» — О. Румер
«Те, что украсили познанья небосклон...» — В. Державин
«О тайнах сокровенных невеждам не кричи...» — Л. В.
«Конечно, цель всего творенья — мы...» — В. Державин
«Если розы не нам — и шипов вместо дара довольно...» — В. Державин
«Рабы застывших формул осмыслить жизнь хотят...» — Л. В.
«Пренебреги законом, молитвой и постом...» — Л. В.
«Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало...» — О. Румер
«Нет благороднее растений и милее...» — О. Румер
«Дружи с разумными людьми, чтобы не знать мытарства...» — С. Липкин
«О, если б каждый день иметь краюху хлеба...» — О. Румер
«Бегут за мигом миг и за весной весна...» — О. Румер
«О горе, горе сердиц, где жгучей страсти нет...» — Л. В.
«Мне свят веселый смех иль пьяная истома...» — О. Румер
«В том не любовь, кто буйством не томим...» — Л. В.
«Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе...» — О. Румер
«В кумирню, в келью иль в мечеть вступая...» — С. Липкин
«Отречься от вина? Да это все равно...» — О. Румер

К разделу «Мулла Насреддин». Тексты взяты из книги: Идрис Шах. «Мудрость идиотов. Подвиги несравненного Муллы Насреддина». М., Редакц.-изд. отдел фирмы «Сет», 1993.

К разделу «Ибн Ал-Араби». Тексты приводятся по книге: Ибн Ал-Араби. «Мекканские откровения». Перевод с арабского А. Д. Кныша. СПБ, центр «Петербургское востоковедение», 1995.

К разделу «Джами». Тексты взяты из книги: «Ирано-таджикская поэзия». М., «Худ. лит-ра», 1974 (серия БВЛ). Автор перевода стихотворного отрывка из поэмы «Золотая цепь» — С. Липкин.

К разделу «Абу Наср ас-Сарадж ат-Туси». Тексты заимствованы из книги: «Хрестоматия по Исламу», М., «Наука», 1994. Автор перевода с арабского — А. Д. Кныш.

К разделу «Хамза Фансури». Тексты приводятся по книгам: «Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых. Антология классической малайской прозы». М., «Наука», 1987; В. И. Брагинский. «Хамза Фансури». М., «Наука», 1988. Все тексты — в переводах В. И. Брагинского.

К разделу «Мансур Ал-Халладж». Текст взят из книги: В. И. Брагинский. «Хамза Фансури». М., «Наука», 1988.

Содержание

Джалаладдин Руми и суфийская мудрость. Г. В. Милославский	5
Джалаладдин Руми	31
Стихи	31
Пригчи	41
Встреча Руми с Шамсом	101
Жертвенный путь Мансура Ал-Халладжа	106
Абу Наср ас-Саррадж ат-Туси	112
Самое блистательное в суфизме.	112
Омар Хайам	133
Рубайи	134
Ал-Газали	138
Воскрешение наук о вере.	138
Ибн Ал-Араби	143
Мекканские откровения	145
Саади	151
Гулистан.	151
Мулла Насреддин.	160
Короткие истории	161
Хафиз	164
Стихотворения	165
Насими.	169
Стихотворения	170
Джами	188
Океан жемчужин.	188
Золотая цепь	189
Хамза Фансури	192
Тайны постигших	193
Автопортрет Хамзы-суфия	202
Джамалуддин Кази-Кумухский.	205
Обязанности мюридов	205
Основные даты жизни и творчества Джалаладдина Руми.	213
Краткий пояснительный словарь	215
Редакционно-библиографические замечания.	217

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Джалаладдин Руми и суфийская традиция

Составители:

Георгий Васильевич Милославский

(вступительная статья),

Дмитрий Владимирович Щедровицкий

(составление, предваряющие комментарии).

Первый читатель:

Марк Иванович Хаткевич

Редакционно-издательская подготовка,

изготовление макета

Центр традиционного и современного образования «Теревинф»
по заказу Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Корректор: Ю.Г.Яникова

Набор и верстка: П.Н.Цыплаков

Компьютерная поддержка: М.И.Хаткевич

Лицензия ЛР № 064218 от 18.08.95 г.
Подписано к печати 01.02.2000. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3183.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ, лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16.
Тел.: (095) 951-71-44.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП Ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова,
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-89147-029-2

9 785891 470293

Издательский Дом Шалвы Амонашвили

готовит к печати шестой и седьмой комплекты

«АНТОЛОГИИ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ»:

Сергий Радонежский	Монтень
Кей-Кабус	Лао-Цзы
Локк	Гегель
Блонский	Каптерев
Сорока Россинский	Вернадский

Издание выстроено по условному принципу:
мудрость древних, Восток, Запад, Россия,
современные педагоги-гуманисты.

Книги при подготовке к изданию прочитаны
учителями-практиками. Мысли первого
читателя изложены на полях.

**По вопросам приобретения
обращайтесь по адресу:**

113184, Россия, г.Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16
Московский городской педагогический университет
лаборатория гуманной педагогики

тел: (095) 951-71-44

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

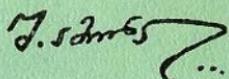
В “Антологии” используется ранее не применявшаяся в практике Российского учебного книгоиздания прием фокусирования на страницах книги не всегда совпадающих позиций —

автора классического наследия;

составителя тома, ученого, излагающего свои взгляды во вступительной статье и комментариях,

и **первого читателя**, учителя, сегодня смотрящего в глаза своим ученикам, призванного сегодня реализовывать **идеи гуманной педагогики**.

“Я зову тебя — Я, Живая вода”.
Этот колокольный звон поэзии Руми возвышает учителя до вершин Божественной любви, где он постигает суть Бытия, и погружает его в глубины собственного сознания, чтобы вместе со своими учениками открыть беспределность Вселенной.

Шалва Амонашвили